

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ*

Тема номера:

ПЕТР I: СТРАТЕГИЯ ПЕТРОВСКОЙ ПОЛИТИКИ
И ВЫЗОВЫ ЭПОХИ.
К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

2022/ № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2022 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. – Domestic history (historical sciences); 5.6.2. – Global history (historical sciences); 5.6.5. – Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. – International relations (political sciences).

ISSN 2072-8360 (print)

2022 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалес Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д.пол.н., проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

Штоль В. В. — д.пол.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2022. — № 2. — 168 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K. A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2022. – № 2. – 168 p.

© MRSU, 2022.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии..... 6

ТЕМА НОМЕРА:

ПЕТР I: СТРАТЕГИЯ ПЕТРОВСКОЙ ПОЛИТИКИ И ВЫЗОВЫ ЭПОХИ. К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

- Багдасарян В. Э.* Идеологический портрет Петра I: дискурсивные модели репрезентации. . 7
- Реснянский С. И., Куренкова Е. А.* Церковно-государственная политика Петра I 21
- Черникова Т. В.* Европейские новшества как внешний декор государственной пропаганды Петра I. 30
- Петров А. Ю., Савельев И. В.* Петровская эпоха и развитие института аманатства на Дальнем Востоке и севере Тихого океана. 48
- Иерусалимский Ю. Ю., Давыдов В. В.* Роль Петра Великого в освоении Русской Арктики ... 58

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Кременецкий К. В.* Великий князь Владимир Александрович и 9 (22) января 1905 г. 69
- Ларионов А. Э., Камнева Г. П., Сотников А. А., Сотников С. А.* Социальные девиации в СССР периода Великой Отечественной войны: от супружеской измены до измены Родине. 81

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Никитин Д. С.* Индийский национальный конгресс в годы правления вице-короля лорда Кёрзона: проблемы развития (1899–1905 гг.) 96
- Бруз В. В.* «Пражская весна» или «цветная революция»? (Эволюция официальной оценки чехословацких событий 1968 г.) 104

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Горлов М. И., Мезенцева Ю. И.* Политика правительства Александра III в советских учебниках истории для высшей школы 115
- Чернышов Б. А.* Русский монархизм начала XX века через призму идеологических подходов: типология историографических моделей. 121
- Калинин Д. А.* Советская наградная система: историографический аспект 132

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Чувев С. В.* Вехи эволюции региональной представительной власти в Ростовской области (1985–2022 гг.) 142
- Матевосян А. Т.* «Мягкая сила» Японии в странах Южного Кавказа. 157

CONTENT

Editor's Column	6
-----------------------	---

THEME OF THE ISSUE:

PETER THE GREAT: THE STRATEGY OF HIS POLICY AND CHALLENGES OF THE EPOCH. TO THE 350TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE FIRST RUSSIAN EMPEROR

<i>V. Baghdasaryan.</i> The Ideological Portrait of Peter I: Discursive Models of Representation.	7
<i>S. Resnyansky, E. Kurenkova.</i> Church-State Policy of Peter the Great	21
<i>T. Chernikova.</i> European Innovations as an External Decoration of the State Propaganda of Peter the Great	30
<i>A. Petrov, I. Savelyev.</i> Era of Peter the Great and the Development of the Institute of Amanats in the Far East and North Pacific	48
<i>Yu. Ierusalimskiy, V. Davydov.</i> The Role of Peter the Great in the Development of the Russian Arctic	58

DOMESTIC HISTORY

<i>K. Kremenetsky.</i> Grand Duke Vladimir And January 9 (22), 1905	69
<i>A. Larionov, G. Kamneva, A. Sotnikov, S. Sotnikov.</i> Social Deviations in the USSR in the Period of the Great Patriotic War: From Adultery to High Treason	81

WORLD HISTORY

<i>D. Nikitin.</i> Indian National Congress in the Years of the Curzon's Government (1899–1905): Problems of Development.	96
<i>V. Bruz.</i> «Prague Spring» or «Color Revolution»? (Evolution of the Official Evaluation of the Czechoslovak Events in 1968)	104

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

<i>M. Gorlov, Yu. Mezentseva.</i> The Policy of the Government of Alexander III in Soviet History Textbooks for Higher Education	115
<i>B. Chernyshov.</i> Russian Monarchism at the Beginning of the 20 th Century Through the Prism of Ideological Approaches: a Typology of Historiographical Models	121
<i>D. Kalinin.</i> The Soviet Award System: Historiographical Aspect	132

POLITICAL SCIENCE

<i>S. Chuev.</i> Milestones In the Evolution of Regional Representative Government in the Rostov Region (1985–2022)	142
<i>A. Matevosyan.</i> Japan's «Soft Power» in the Countries of South Caucasus	157

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

350-летний юбилей Петра Великого – это повод рассмотреть петровское правление как один из переломных периодов в истории российской государственности. Время его правления стало переходом к новой модели государственного устройства, характеристики которой даются как со знаком плюс, так и со знаком минус. Многомерность фигуры Петра I позволяет рассмотреть его деятельность в фокусе аксиологических, социальных, геополитических трансформаций. И попытка такого рода многомерного рассмотрения предпринимается на страницах журнала.

Казалось бы, о Петре I написано огромное количество трудов и известно всё. Однако, как это ни парадоксально, неизвестно главное – каковы были воззрения первого российского императора, в чём состояла суть выдвигаемой им идеологической повестки? Ответы на эти вопросы принципиально расходятся. Устоявшийся взгляд на Петра как на западника и мнения о направленности его реформ на европеизацию России сегодня подвергаются ревизии. Прежние подходы, сформированные в дискуссиях славянофилов и западников, великодержавников и антитоталитаристов, требуют пересмотра. Вероятно, в ближайшей перспективе следует ожидать выдвижение новых в методологическом отношении подходов к фигуре Петра Великого.

Многие вызовы петровского времени могут быть адресованы с учётом

осмысления уроков истории и применительно к современной эпохе. Петру приходилось решать угрожающую суверенному существованию страны проблему технологического отставания России. Рецепт её решения был найден им в европейских заимствованиях. Однако технические заимствования были встроены в западный культурный контекст, экстраполяция которого создавала угрозы утраты цивилизационной идентичности России. Проблема ещё больше обострялась ввиду возникшего противоречия между европейскими заимствованиями и борьбой Петра I с европейскими странами – Швецией и Англией. В связи с цивилизационным ракурсом рассмотрения политики Петра Великого сохраняет актуальность вопрос о его церковной реформе и в целом – об отношении к религии.

Особого внимания заслуживает взгляд на петровскую деятельность в фокусе геополитики: помимо западного направления геополитики, на который обращалось приоритетное внимание (выход к Балтийскому морю), существовали и другие геополитические векторы – восточный и северный.

Статьи, представленные в данном номере, могут использоваться как в научных целях, так и в преподавательской деятельности в рамках курсов по истории России, культурологии, геополитики, истории Церкви и др.

ПЕТР I: СТРАТЕГИЯ ПЕТРОВСКОЙ ПОЛИТИКИ И ВЫЗОВЫ ЭПОХИ. К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

УДК 94(47)''18''(092) Петр I
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-7-20

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПЕТРА I: ДИСКУРСИВНЫЕ МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Багдасарян В. Э.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Получить ответ на вопрос об идеологическом позиционировании Петра I в контексте различных дискурсивных моделей. Провести реконструкцию ценностных ориентиров и воззрений императора с позиций различных методологических подходов.

Процедуры и методы. В исследовании применялись методические приёмы дискурсивного анализа, контент-анализа и историографического моделирования. При выявлении образа Петра I в историческом сознании российского населения использовалась методика социологического опроса.

Результаты. Выявлены основные модели идеологического позиционирования Петра I в контексте историографического и общественно-политического дискурса. Сделан вывод о существовании общественного запроса на разработку новой интегрированной модели представления идеологического портрета Петра I на основе цивилизационного подхода и патриотического нарратива представления истории России.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленное исследование создаёт основу для формирования новой методологической модели осмысления фигуры Петра I в контексте идеологических течений времени.

Ключевые слова: Петр I, образ, идеология, религия, историография, дискурс, православие, протестантизм, секуляризм

THE IDEOLOGICAL PORTRAIT OF PETER I: DISCURSIVE MODELS OF REPRESENTATION

V. Baghdasaryan

*Moscow Region State University
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the study is to answer the question about the ideological positioning of Peter I in the context of various discursive models. The author reconstructs the value orientations and views of the emperor from the standpoint of various methodological approaches.

Methodology. The study used methodological techniques of discursive analysis, content analysis and historiographic modeling. When identifying the image of Peter I in the historical consciousness of the Russian population, the method of a sociological survey was used.

Results. The result of the study was identification of the main models of the ideological positioning of Peter I in the context of historiographic and socio-political discourse. It is concluded that there is a public demand for the development of a new integrated model for presenting the ideological portrait of Peter I based on a civilizational approach and a patriotic narrative of representing the history of Russia.

Research implications. The presented study creates the basis for the formation of a new methodological model for understanding the figure of Peter I in the context of the ideological currents of time.

Keywords: Peter I, image, ideology, religion, historiography, discourse, orthodoxy, Protestantism, secularism

Введение

Петр I, безусловно, выполнял для Российской империи роль культурного героя, т. к. с ним, с его образом, связывалась трансляция базовых для имперского периода ценностей и смыслов. Резкое неприятие фигуры императора в определённых кругах русского общества (старообрядцы, славянофилы) не отменяет этого положения. Антигерой является обратной стороной образа культурного героя. Привнесение новых ценностей и смыслов объективно вызывает общественное размежевание. Та часть общества, ценности которой приняты в новой модели, как правило, принимает культурного героя, другая – отвергает [5].

Культурными героями, помимо Петра I, для разных периодов российской истории выступали Владимир Креститель, Александр Невский, Иван Грозный, Владимир Ленин, Иосиф Сталин и Владимир Путин. Раскрытие их образов составляет ось российского исторического нарратива. В концепции русской исторической колеи все эти персоналии несли одну и ту же воспроизводимую семантику. Действительно, нечто воспроизводимое в истории российской государственности как проявления единой цивилизационной парадигмы, безусловно, можно обнаружить. Можно найти

общие черты, что и находится при соответствующих историософских обобщениях, у Петра I, к примеру, с В. Лениным или с И. Сталиным. Предтечей Ленина, «первым большевиком на троне», называл его, в частности, Н. А. Бердяев [4, с. 17–18]. В плане решения внешнеполитических задач могут быть проведены и проводились параллели между Петром I, с одной стороны, и Александром Невским и Иваном Грозным – с другой. Сам император способствовал распространению культа Александра Невского как победителя шведов, что должно было вызывать ассоциации с победами в Северной войне¹.

Но ни одна из перечисленных фигур ни по политическому стилю, ни по сопряжённому с ней идеологическому сообщению не являлась дуближом другой. Уникальной фигурой не только по личным качествам (импульсивный реформатор, «мастеровой» на престоле), но и по репрезентуемой семантике правления являлся и Петр I. В случае с ним эта семантика задавала идеологическую модель новой имперской государственности. Она, без-

¹ Прокопович Ф. Слово в день святого благоверного князя Александра Невского, проведанное Феофаном, епископом Псковским, в монастыре Александро-Невском при Санкт-Петербурге 1718 году // Святой Александр Невский. 800 лет : сб. М.: Абрис, 2018. С. 39–52.

условно, не оставалась неизменной при последующих правлениях, подвергалась корректировке. Но в любом случае генезис системы закладывает программу её функционирования, а соответственно, без преобразований Петра I адекватно осмыслить феномен Российской империи в её двухсотлетнем существовании вряд ли возможно [34; 38].

Образ Петра Великого небезосновательно связывается с западнической парадигмой развития. Крылатая пушкинская фраза о «прорубленном окне в Европу» (не открытом, а именно прорубленном) отражала определённо европейский вектор петровской политики [21]. Но, будучи идейным западником, Петр I боролся со странами Европы (непосредственно – со Швецией, опосредованно – с Англией), являвшимися объектами его почитаний. Применительно к сегодняшнему дню петровский опыт состоит в постановке вопроса о возможности успешного противоборства с врагом при опоре на ценности и идентичные модели врага. Конкретизация этого вопроса означает решение проблемы потенциальной возможности борьбы с Западом на основе западнической ценностной парадигмы. Ответов на него в преломлении к петровскому времени может быть три:

1. Петр I, заимствовав передовой западный опыт, смог за счёт него провести модернизацию и взять верх над учителями;

2. успехи Петра I были относительными, сопровождалась кризисными явлениями и катастрофами, а в долгосрочной перспективе имели губительные для Российской империи последствия;

3. западные заимствования имели формальный и технический характер, не затронув цивилизационные константы России, развитие при Петре I шло лишь под западными вывесками, а петровская империя была в сути своей новой модификацией российского государства-цивилизации.

Для осмысления опыта петровских преобразований с позиций соотнесе-

ния в ней западных и цивилизационных российских компонент следует на первом этапе определить ценности и воззрения самого Петра I, выражаемые им самим как главным субъектом реформ, ценностно-смысловой повестки. Необходимо дать ответ на вопрос: кто был в действительности в идейном отношении Петр Великий? Ключевой методикой в продвижении к решению поставленных проблем может стать выделение на основании историографического и общественного дискурсов моделей позиционирования Петра I. Восприятие фигуры императора на уровне исторического сознания российского общества предполагает обращение к учебной литературе и материалам социологических опросов.

Предлагаемая постановка исследовательской задачи является новой для историографии истории петровской эпохи. Конечно, попытки раскрытия воззрений Петра I предпринимались многократно. Однако они ограничивались представлением одной модели идейного позиционирования императора, взятой в качестве базовой при игнорировании оппонирующих моделей. В этом отношении большие когнитивные потенциалы обнаруживает подход, предложенный видным специалистом по петровскому времени Е. В. Анисимовым в монографии «Петр Первый: благо или зло для России», представленной в виде диалога о Петре I. Один подход излагался с позиции обоснования прогрессивности петровской модернизации, другой – обвинения в авторитарности, усилении крепостного гнёта, фактически в следовании пути не сближающим с Европой, а усугубляющим размежевание с ней. Однако предложенная историком полемика ограничивалась фактически матрицей модернизационной теории с двумя возможными выводами о Петре I как о модернисте и анти-модернисте [3].

Между тем пространство выбора моделей идейной идентификации императора может быть гораздо шире. Да

и сама матрица теории модернизации представляет собой перенос современного дискурса модифицированного либерального подхода на эпоху, для которой она была бы совершенно мировоззренчески не контекстна. Период конца XVII – начала XVIII вв. являлся временем сохранявшейся доминации религиозного сознания в народе при тенденциях отхода от традиционных религий в сторону оккультизма и секуляризма в элите. И Петр I, как человек своего времени, не мог не воспринимать тем или иным образом соответствующие течения мысли и столкновения между ними. Очевидно, что теория модернизации, не будучи сфокусированной на религиозных воззрениях, не вполне годится для реконструкции представлений человека петровской эпохи. Всё это побуждает обратиться к фигуре Петра I, соединив современный историографический дискурс с мировоззренческим контекстом соответствующего исторического времени.

Петр I – «одиноким герой»

Дискуссии о роли «героя» и «масс» в историческом процессе достаточно широко представлены в истории исторической науки. К череде великих героев истории (исторических гениев) принято относить и Петра I. Согласно героической версии он как личность вступил в противоборство с целой системой и победил. Петровский гений изменил вектор развития страны, вытянул из «болота средневековой отсталости». Пушкинская метафора об «узде железной» прочно укоренилась в репрезентации образа Петра. Оппоненты героической версии приводят аргументы, дезавуирующие фигуру царя, принижая как его личные таланты, так и достигнутые политические ритуалы [23]. Существуют и усиливавшиеся попытки представления Петра I в качестве злодея, патологической личности с садистскими наклонностями [6]. Подспорьем распространения такого рода интерпретаций выступают многочислен-

ные исторические анекдоты, используемые в антипетровской памфлетике XVIII и XIX вв. в фокусе внешней и внутренней критики пороков русского самодержавия [26].

Петр I – выразитель классовых интересов

Не вытеснена полностью из научного и общественного дискурса и марксистская модель интерпретации политики Петра I, оказывающая существенное категориальное и методологическое влияние на другие модели. Дискуссия о том, подтолкнули или затормозили петровские реформы развитие капитализма в России, ведётся фактически в рамках формационной версии истории, концепта перехода от феодальной к капиталистической системе [8].

Через призму влияния марксистской методологии проводится также рассмотрение вопроса об аккумуляции в петровских реформах классовых интересов. Признётся, что политика Петра I наносила удар по позициям родовой боярской аристократии. Ухудшилось в результате реформ и положение широких народных масс, что нашло, в частности, выражение в переходе к подушному налогообложению и установлению системы рекрутчины. К наиболее ярким проявлениям классовой борьбы петровского правления принято относить восстание Кондратия Булавина, переосмысливаемое вместо прежней трактовки в качестве крестьянской войны как преимущественно казацкое выступление [30]. В отношении же того, чьи классовые позиции выражал Петр, обнаруживаются разночтения в трактовках о реализации им интересов дворянства, зарождающейся буржуазии или альянса обеих групп. Существует, впрочем, и точка зрения о том, что петровская политика выражала интересы самого государственного режима, превратившегося в особую социальную силу с собственными классовыми интересами чиновничества [2; 37].

Петр I – «секулярист»

Существуют 2 датировки начала эпохи Просвещения: одна определяет её наступление в конце XVII в., вторая – в середине XVIII в. Вероятно, было бы уместно говорить о 2 этапах в развитии просветительской идеологии. На первом этапе, начавшемся еще в XVII в., утверждаются представления о формировании государства и общественных институций снизу вверх с опорой на общество. Такой взгляд заменил прежние воззрения, что власть даётся от Бога. Осуществляется секулярный переход в развитии европейской общественно-политической мысли [14]. На втором этапе, который может быть датирован серединой XVIII в. уже на секулярной платформе выдвигаются идеи, соотносимые с последующей триадой Великой Французской революции – «свобода, равенство, братство» [24].

Петр I, как и российская политическая элита в целом, не мог не испытывать влияния распространявшейся в Европе просветительской идеологии. Речь должна при этом идти именно о первом этапе в истории Просвещения – переходе к секулярной системе воззрений на государство. Теория «общего блага», к которой обращался Пётр Великий, восходила напрямую к просветительским идейным источникам [7]. При этом о восприятии им идей свободы и равенства, характерных для второго этапа Просвещения, говорить ещё невозможно. Из представлений об «общем благе» вытекала задача создания «регулярного государства», что обеспечивалось принятием «правильных» законов и установлений [1].

Деятельность Петра I определялась контекстом исторического транзита от религиозного к секулярному типу государства и общества [12]. Власть в результате петровских преобразований десакрализуется по лекалам европейского абсолютизма, утрачивая (хотя и не в полной мере) прежние акценты теократической государственности [25]. При-

нятие титула «император», оттеснявшего на второй план титул «царь», отражало ту же секулярную тенденцию. «Царство» не было ниже «империи», но выражало сакрально-религиозные, а не военно-иерархические аспекты государственности. Петровская секуляризация оказалась частичной, охватив привилегированную часть общества, в то время как народ оставался вплоть до революции в системе бытия общества религиозного типа [13].

Петр I – «империалист»

К. Марксом в работе «Разоблачение дипломатической истории XVIII века», подготовленной в контексте только завершившейся Крымской войны, выдвигалось утверждение о доминанте в петровской политике империалистических установок, стремления к мировому господству. Выход к морю нужен был Петру, согласно взглядам автора, не для торговли, а для мировой военной экспансии [17]. Оценки К. Маркса в работе по российской истории выносились в противоречие с собственно марксистской методологией анализа исторического процесса. Образ Петра как русского империалиста устойчиво использовался и продолжает использоваться в антироссийской исторической пропаганде. Разоблачение факта фальсификации в происхождении текста так называемого «Завещания Петра I» показывает связь соответствующего концепта с актуальной политикой [11, с. 77–89].

Сторонники модели петровского империализма как ключевой характеристики правления Петра I занимают определённые позиции и в российской историографии. Особо индикативными в качестве проявления империалистических амбиций царя оцениваются персидские походы и планы колонизации Мадагаскара. Эти проекты последних лет царствования Петра оцениваются как «безумные». Характерно, что при этом английская политика колонизации Индии безумной не считается и связывается с британскими геополитическими и гео-

экономическими интересами¹. Концепт империалистичности политики Петра зачастую базируется на фобиях в отношении России и русского народа, представлениях о врождённом российском империализме [35].

С позиции классической геополитики Петр I чётко действовал сообразно с парадигмой Хартленд. Культурно принимая Запад, он в геополитическом отношении вступил в борьбу с ним, сокрушив Швецию и бросив вызов Англии. Петровские устремления выхода к морям с точки зрения геополитики означали курс на обеспечение неуязвимости России – Хартленд².

Петр I – «русофоб на престоле»

Семантически противоположным выше рассматриваемому концепту является взгляд на Петра I как русофоба на российском престоле. Согласно ему воспитанный в Немецкой слободе император ненавидел и презирал всё русское. Под стать царю было его окружение – сторонники радикальной европеизации, связывающие русскость с отсталостью. Петру приписывают слова сожаления о том, что ему досталась в управление Россия, а не какое-либо из европейских государств. С ближайшим сподвижником царя А. Д. Меншиковым связывался исторический анекдот о просьбе к государю именоваться немцем. Русофобия оказывалась в данном случае идеологическим инструментом реформирования, предполагавшего радикальный разрыв с удерживающей связь с прошлым национальной традицией. Результатом реформ стал фактический распад российского социума на 2 народа³, отличавшегося и по

культуре, и по языку, и по системе ценностей [18; 19].

Петр I – «протестант»

Европейские заимствования Петра Великого носили выборочный характер. В основном они относились к странам протестантского культурного образца. Существует в этом смысле представление о латентных симпатиях Петра I если не к протестантизму, то протестантской модели жизнеустройства. Он симпатизировал «дешёвой церкви» и совершил определённые шаги в этом направлении. Папская церковная система напрямую высмеивалась им в постановках «Всешутейшего собора», во главе которого стоял избранный шутовской князь-папа. Широкое распространение имеет точка зрения о том, что синодальная реформа Петра I была осуществлена в соответствии с моделью протестантского установления [27; 28].

Западничество Петра I не являлось инвариантом западнического подхода. В идейном плане на уровне российских элит вели борьбу между собой не западники со старомосковской консервативной партией, а две западнические группировки. Одна, с которой связывалось направление царевны Софьи и её фаворита Василия Голицына, придерживалась шляхетско-католических позиций, вторая – Петра I и его главного идеолога Феофана Прокоповича – латентно протестантских. Победа петровского направления означала принятие практической стороны европеизации. Победа же линии царевны Софьи означала более серьёзную для православной идентичности России угрозу – принятие европеизации по католическому образцу с уклоном в аристократическую роскошь и, возможно, в униатство [15].

¹ Потеряли берега. Как Петр I присоединил к России новые земли и почему их пришлось отдать // Лента : [сайт]. URL: https://lenta.ru/articles/2019/08/29/russian_caspian/ (дата обращения: 08.02.2022).

² Дугин А. Г. Геополитика Петра Великого // Ridero. TV : [сайт]. URL: <https://rideo.tv/video/55462/> (дата обращения: 08.01.2022).

³ Кровь стрелецкого бунта, как русофобия Петра I // Культурный ландшафт : [сайт]. URL: <https://>

culturelandshaft.wordpress.com/этногенез/истоки-славян/созидатели/петр-и-последний-царь/кровь-стрелецкого-бунта-как-русофоби/ (дата обращения: 06.01.2022).

Петр I – «ставленник тайных сил»

Общественный дискурс вокруг фигуры Петра I не будет реконструирован в полной мере при исключении из него направления конспирологии. «Теорию заговора» нельзя признать научным анализом, но в качестве феномена исторического сознания она, безусловно, занимает значимые позиции. Историческая конспирология построена на представлении о существовании некоего заговора тайных сил с целью построения антисистемы. Отправной точкой конспирологических сюжетных линий по отношению к Петру являются его зарубежные путешествия 1697–1698 гг. и 1716–1717 гг. Применительно к первому путешествию выдвигается версия, что царь был в Европе действительно подменён, как сообщала о том народная молва. Приводятся соответствующие аргументы, связанные с изменением внешности государя, его воззрений и главное – отступлением от православия [36].

С путешествием 1716–1717 гг. связывается мифологема о масонском посвящении Петра I [9, с. 29]. Первая масонская ложа-матерь была учреждена в 1714 г., и вступить в братство он теоретически мог только во время второго посольства. Масонские символы¹ обнаруживаются в семантике петербургской архитектуры [16].

Конспирологические оккультные ритуалы усматриваются в рамках теории заговора в функционировании Всешутейшего всепьянейшего собора и петровских ассамблей. Усиливает позицию конспирологов отсутствие рациональных оснований в объяснении ритуализации кощунственных по традиционным представлениям православной Руси деяний Всешутейшего собора². Ключевая роль в

версии существования вокруг Петра некоей оккультной организации отводится Я. Брюсу. Распространена, в частности, легенда о существовании под председательством Брюса «общества Сухаревой башни» [10; 32].

Петр I – «антихрист»

Ни одна историческая персоналия не имела в русской эсхатологической мысли столь же широкой рефлексии как персонификация антихриста подобно Петру I [22]. Определение царя антихристом имело столь угрожающий размах в народе и, прежде всего, в старообрядческой среде, что местоблюститель патриаршего престола С. Яворский был вынужден выступить с опровержением выдвигаемых тезисов³. Но и по прошествии времени идентификация Петра как антихриста сохраняла популярность, что нашло, в частности, отражение в третьей части трилогии Д. С. Мережковского. Антихристу-Петру в качестве носителя христианской веры писатель противопоставлял царевича Алексея, вопреки исторической достоверности [20]. Развивалась идея о череде исторических антихристов, являющихся предтечами антихриста последних дней.

Петр I – «православный государь»

Включённость Петра I в череду героев российской истории вызывает стремление изменить западную семантику его восприятия. Такая установка выражается патриотической формулой – «не отдать Петра Великого Западу». Серьёзные затруднения такое истолкование вызывает в отношении петровской религиозной политики, в которой он, как принято считать, шёл фактически на разрыв с традициями православия. Однако высказываются мнения и в защиту православной идентичности Петра. В отличие от своих старших братьев и сестёр он не обучался у последователя С. Полоцкого, являвшегося одним из лидеров «латинской партии».

³ Яворский С. И. Знамена пришествия антихриста и кончины века. М., 1782. 152 л.

¹ Как масонские идеи повлияли на реформы Петра I // Дилетант : [сайт]. URL: <https://diletant.media/sborniki/45298969/> (дата обращения: 06.01.2022).

² Щеглов А. «Всешутейший» царь-антихрист Петр Первый и его кощунства [Электронный ресурс]. URL: [http://www.staropomor.ru/posl.vrem\(5\)/vseshutejshij.html](http://www.staropomor.ru/posl.vrem(5)/vseshutejshij.html) (дата обращения: 06.01.2022).

Мать Петра Н. К. Нарышкина, имевшая значимое влияние на сына, стояла на ортодоксальных позициях Русской Церкви. Именно Петра в борьбе с Софьей поддержал патриарх Иоаким [31], связывая с ним отпор латинской группировке в элите.

Синодальная реформа Петра I рассматривается сторонниками позиции сохраняемой приверженности царя православию как каноническая. Во главе Церкви, считают приверженцы этой версии, стоял не Синод, а непосредственно император, что соотносится с византийским церковным правом [33].

Петр I поддерживал и распространял культ православного святого князя Александра Невского. Его самого сравнивали с Константином Великим, имея в виду связываемую с его правлением миссию христианского имперостроительства [29]. И даже разрыв с идеологией Третьего Рима переосмысливается через замысел создания Петербурга в качестве «четвёртого Рима».

Учебная версия: историко-культурный стандарт

Какая же из перечисленных моделей была взята за основу учебной версии освещения правления Петра I в современной России? Обращение к историко-культурному стандарту позволяет утверждать, что в качестве такой основы используется теория модернизации¹.

Понятие «модернизация» непосредственно используется в отношении к петровскому времени в пояснительной преамбуле к разделу. Утверждается при этом, что модернизация затронула все слои, тогда как доминирующей в историографии является позиция о сословной ограниченности петровских трансформаций. Стандарт исходно даёт высокую оценку результатов преобразований Петра I, и только уже после её вынесения сообщает о существовании разных мнений в отношении личности и политики императора.

По мнению разработчиков Стандарта, петровские преобразования «позволили в кратчайший срок ликвидировать отставание России от европейских стран (в промышленном и военном отношении), поставив в один ряд с великими мировыми державами того времени». В разрабатываемых на основе Стандарта школьных учебниках к результатам политики Петра I следует относить: создание сильной армии и флота, начало формирования национальной промышленности, закладывание основ для институционализации регулярного государства, занятие дворянством господствующего положения в государстве, заимствование частью общества европейских культурных образцов, развитие наук, просвещения и светского искусства, достижение России статуса империи.

Властную систему петровского времени предлагается трактовать как абсолютизм, что, как известно по развернувшейся ещё в советское время дискуссии, было поддержано далеко не всеми историками. Характеристика государства Петра I как системы абсолютизма указывала в представляемой версии исторического процесса на единство российского и европейского исторических процессов. Говорилось также об отступлении преемников императора от принципов петровской политики, состоящих в требовании общего служения всех сословий. Последующие правители России приняли установку послаблений в отношении дворянской службы, а затем и предоставления дворянам возможности не служить. Необходимо при этом заметить, что выдвигаемый разработчиками Стандарта концепт всеобщности государственной службы при Петре I нивелировал акцентированное прежде положение о классовом неравенстве в российском феодальном-крепостническом обществе².

¹ Историко-культурный стандарт [Электронный ресурс]. URL: http://istorik-samara.ru/files/Istoriko-kulturnyj_standart.pdf (дата обращения: 06.01.2022).

² Историко-культурный стандарт [Электронный ресурс]. URL: http://istorik-samara.ru/files/Istoriko-kulturnyj_standart.pdf (дата обращения: 06.01.2022).

Властный дискурс

Важно зафиксировать апелляции к Петру I в качестве одного из ключевых образов российской истории с позитивной коннотацией на уровне властного дискурса. В том, что именно Петр I из всех политических деятелей заслуживает наибольшего восхищения, заявил Президент Российской Федерации в 2019 г. в интервью «Financial Times». Поясняя свою позицию, В. В. Путин указал, что, по его мнению, петровское дело продолжает жить и в настоящее время¹. Петр I дважды был включён Путиным в тройку самых выдающихся фигур российского прошлого. Во время встречи с политологами в 2012 г. перед президентскими выборами он в перечень наиболее близких ему правителей в истории России наряду с Петром I включил также Александра Невского и Екатерину II². В 2019 г., отвечая на вопрос о национальных героях России, Президент назвал А. С. Пушкина, Петра I и добавил П. И. Чайковского. Главными заслугами императора им назывались проведённые преобразования и основания Санкт-Петербурга.³

Высокую оценку давал деятельности Петра I премьер-министр России Д. А. Медведев, провозглашая в 2019 г. подготовку к празднованию 350-летия императора. По словам премьера, «за время своего правления Петр I превратил патриархальную Русь в огромную и мощную Российскую империю – сильную и в то же время просвещённую европейскую державу, с которой стал считаться весь мир»⁴. Как и президент, Д. А. Мед-

ведев связывал в своих оценках деятельность императора с современной российской государственностью. Раскрывая это положение, в заслугу Петру он ставил закладку оснований военного и инженерного дел, административной и правовой систем, национальной культуры. Д. Медведев в своём выступлении провёл историческую параллель между петровской эпохой и современностью в плане запроса на энергичных и целеустремлённых личностей, готовых брать на себя ответственность за необходимые стране преобразования⁵.

Таким образом, можно говорить, что и на уровне высших фигурантов российской власти существует представление о Петре I как царе-преобразователе, соотносимое в основных чертах с теорией модернизации. При этом в качестве следствий петровских реформ акцентировалось внимание на укреплении российского государства через страны на рельсы современного развития.

Общественное мнение: образ Петра I в историческом сознании российского социума

Сходная в целом позиция в восприятии фигуры Петра I доминирует и в массовом общественном сознании. При том, что историческое сознание российского социума характеризуется состоянием расколотости, проявляемом в отношениях многих персоналий и событий прошлого, в восприятии Петра сложился сравнительно устойчивый консенсус (если иметь в виду взгляды большинства населения).

О степени популярности Петра I можно получить представление по материалам регулярно проводимых Левада-Центром опросов по выявлению наиболее выдающихся деятелей в истории в восприятии российского социума. По

тра I хорошей возможностью извлечь уроки из истории // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6433064> (дата обращения: 06.01.2022).

⁵ Там же.

¹ Интервью газете «The Financial Times» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 06.01.2022).

² Путин назвал исторических деятелей, которые могут служить примером // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20120206/558633590.html> (дата обращения: 06.01.2022).

³ Путин назвал Пушкина и Петра I в числе национальных героев России // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6517663> (дата обращения: 06.01.2022).

⁴ Медведев считает празднование юбилея Пе-

всем проводимым социологическим замерам Петр I оказывался в группе наиболее популярных исторических деятелей. В 1989 г. он с 38% голосов занял вторую позицию. Выше – с 72% – был только В. И. Ленин, место которого определялось контекстом ещё существовавшего на время опроса СССР. Третьим с заметным отставанием от Петра – в 13% – оказался А. С. Пушкин. Сталин в 1989 г. получал только 12% голосов поддержки, и рост его популярности произойдет позже¹.

Опрос 1994 г. отражал уже реалии исторического сознания российского общества постсоветского времени. Петр I с показателем в 41% занял тогда первое место. Ленин оказался оттеснен на вторую позицию – 34%.

Максимум популярности фигура Петра I – 45% – достигла по результатам опроса 1999 г. Он сохранял первую позицию, однако отставание идущих вслед за ним и делящих 2–3 места Ленина и Пушкина сократилось до 3%.

По результатам опроса 2003 г. Петр I и Ленин с показателем в 43% поделили первое место. Следующую ступеньку занял существенно поднявшийся в рейтинге Сталин с 40%.

2008 г. ознаменовался успехом в опросе Левада-Центра А. С. Пушкина. Петр I оказался на втором месте (37%), Сталин – на третьем (36%). В 2012 г. Петр I набрав те же 37% голосов, делил 2–3 места с Лениным. Сталин вышел впервые в лидеры условной гонки, сохраняя лидерскую позицию и в дальнейшем.

Последующие опросы 2017 г. и 2021 г. обозначили тенденцию снижения рейтинга популярности Петра I (29% и 19% соответственно). В обоих случаях это соответствовало четвертому месту.

Определенное снижение рейтинговых позиций Петра I может быть объяснено разочарованием в отношении западного вектора российской политики, истори-

чески ассоциированной с петровским политическим курсом. Сказывалась, вероятно, и условная конкуренция с историческими деятелями советской эпохи. Тем не менее сама по себе четвертая позиция Петра I является указанием на сохраняемое восприятие его в качестве одной из ключевых фигур российского исторического нарратива².

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать наличие семантически различных дискурсивных моделей осмысления фигуры Петра I. Консенсуса по вопросу, связываемого с ним идеологического меседжа, не существуют. В интерпретации петровских воззрений сталкиваются взаимоисключающие позиции. Вероятно, по широте спектра оценок идеологии Петра I он не имеет аналогов среди высших государственных деятелей в истории России. Можно прогнозировать наступление нового историографического этапа в осмыслении фигуры Петра I, определяемого запросом на диалог с позиций разных идейных платформ, имея в виду в т. ч. и задачи патриотического представления петровского периода в преподавании истории в школе.

На уровне общественного сознания доминирует восприятие Петра I в рамках парадигмы великодержавия. В значительной мере оно определяется сформировавшейся ещё в советское время матрицей восприятия его образа как царя-реформатора, деятельность которого была подчинена решению стратегической задачи выхода России к Балтийскому морю. Вместе с тем целевой ориентир создания Великой державы должен получить ценностно-смысловое обоснование.

¹ Выдающиеся люди // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/26/vydayushhie-lyudi/> (дата обращения: 06.01.2022).

² Выдающиеся люди // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/26/vydayushhie-lyudi/> (дата обращения: 06.01.2022); Самые выдающиеся личности в истории // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/21/samye-vydayushhie-lichnosti-v-istorii/> (дата обращения: 06.01.2022).

В реализации каких высших ценностей и идей осуществлялось петровское державостроительство? Ответы на этот вопрос могут быть различными. Следует признать, в частности, недостаточность марксистского подхода о выражении Петром I запросов зарождающейся русской буржуазии. Очевидно, что включение петровских деяний в патриотический нарратив с позиций классового анализа представляется затруднительным. Либеральный подход, получивший доминанцию в постсоветской историографии, в

целом противоречит концепту великодержавия, трактуемого в качестве проявления петровской тоталитарности. Следует предположить, что в перспективе, учитывая имеющий место политический контекст, будет востребовано рассмотрение Петра I через призму цивилизационного анализа и патриотической нарративности. Это потребует определённой корректировки взгляда на петровское западничество.

Дата поступления в редакцию 28.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишин М. О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 95–117.
2. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в I четверти XVIII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
3. Анисимов Е. В. Петр Первый: благо или зло для России. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 272 с.
4. Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1946. 258 с.
5. Бондаренко С. Б. Философия в поисках культурных героев. Курск: КГУ, 2018. 170 с.
6. Емельянова Т. П. Трактовки личности Петра Первого в современной науке и коллективной памяти россиян // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 3. С. 59–70.
7. Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Век Просвещения. Россия и Франция : мат-лы науч. конф. «Випперовские чтения 1987». М., 1989. Вып. 20. С. 141–165.
8. История России в современной зарубежной науке Ч. 1 / ред. В. М. Шевырин. М.: ИНИОН, 2010. 248 с.
9. Карпачев С. П. Тайны масонских орденов. М.: Яуза-Пресс, 2007. 384 с.
10. Кирюхин А. В. Тот самый кудесник Брюс. М.: Аграф, 2003. 398 с.
11. Козлов В. И. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М.: Аспект Пресс, 1996. 271 с.
12. Королев С. А. Секуляризация и десекуляризация в контексте концепции псевдоморфного развития России // Философская мысль. 2015. № 4. С. 1–54.
13. Крылов А. О. Церковная реформа Петра I и теория секуляризации: от публицистики к историографии // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 22–46.
14. Лабутина Т. Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М.: Институт всеобщей истории, 1994. 303 с.
15. Лавров А. С. Василий Васильевич Голицын // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 61–72.
16. Мазаев Г. В. Санкт-Петербург как город-символ // Градостроительство. 2020. № 4. С. 31–39.
17. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 3–22; № 2. С. 3–23; № 3. С. 3–17; № 4. С. 3–19.
18. Мартыненко А. А. Зверь на престоле, или Правда о Царстве Петра Великого. М.: Профессионал, 2010. 432 с.
19. Мельников Э. А. Россия между Христом и сатаной. Книга III. Дорога в пропасть. Курск, 2004. 523 с.
20. Мережковский Д. С. Петр и Алексей. М.: Вече, 2012. 544 с.
21. Неклюдова М. С., Осповат А. Л. «Окно в Европу»: Источниковедческий этюд о «Медном Всаднике» // Лотмановский сборник II. М.: ОГИ, 1997. С. 255–272.

22. Перри М. Русская народная эсхатология и легенда о Петре I – Антихристе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2016. № 4. С. 77–85.
23. Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / редкол.: Д. К. Бурлака. СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманит. ин-та, 2001. 758 с.
24. Пустарнаков В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М.: ИФРАН, 2002. 341 с.
25. Радугин А. А., Радугина О. А. Секуляризация как духовное основание петровской политики модернизации российского общества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 4. С. 75–87.
26. Резников К. Ю. Мифы и факты русской истории. От лихолетья Смуты до империи Петра I. М.: Вече, 2012. 560 с.
27. Реснянский С. И. Синодальный протестантизм Петра I и «Поморские ответы» старообрядцев // Русь-Россия: Выбор веры. История и современность : сборник материалов VII Межрегиональной научно-практической конференции “Духовные основы русской культуры: изучение и преподавание в высшей и средней школе”. Москва, 02 ноября 2010 г. / ред. О. В. Розина. М.: Наука и Слово, 2011. С. 34–42.
28. Реснянский С. И. Церковно-государственная реформа Петра I. Протестантская модель или византийское преемство. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 256 с.
29. Светлов Р. В. Константин Великий и Петр I: стратегии государственно-конфессиональной политики // Scholae: Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10. № 1. С. 196–204.
30. Симонова М. В. К. А. Булавин в отечественной историографии // Томский государственный университет. История. 2016. № 3. С. 121–128.
31. Смирнов П. Иоаким, патриарх Московский. М.: тип. Л. Ф. Снегирева, 1881. 274 с.
32. Сьянова Е. Русский Фауст // Знание – сила. 2014. № 7. С. 97–102.
33. Ульянов Н. И. Петровские реформы // Отклики: сб. статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / ред. В. М. Сечкарёв. Нью-Хейвен, 1986. С. 9–28.
34. Уртман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I / пер. с англ. С. В. Житомирской. М.: ОГИ, 2004. 605 с.
35. Цесельский Т. Речь Посполитая и Балтийская экспансия Российской империи в XVIII в. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. № 1. С. 118–132.
36. Чудинов В. А. О подмене Петра Великого. М.: Традиция, 2017. 96 с.
37. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. 176 с.
38. Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven: CT; London: Yale University Press, 1998. 602 p.

REFERENCES

1. Akishin M. O. [«Common Good» and sovereign decree in the era of Peter the Great]. In: *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2010, no. 3, pp. 95–117.
2. Anisimov E. V. *Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samodержaviye Petra Velikogo v I chetverti XVI-II v.* [State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the 18th century]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1997. 331 p.
3. Anisimov E. V. *Petr Pervyy: blago ili zlo dlya Rossii* [Peter the First: good or evil for Russia]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2019. 272 p.
4. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya: Osnovnyye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka* [Russian idea: The main problems of Russian thought in the 19th century and the beginning of the 20th century]. Paris, YMCA-Press Publ., 1946. 258 p.
5. Bondarenko S. B. *Filosofiya v poiskakh kulturnykh geroyev* [Philosophy in search of cultural heroes]. Kursk, KGU Publ., 2018. 170 p.
6. Emelyanova T. P. [Interpretations of the personality of Peter the Great in contemporary science and the collective memory of the Russians]. In: *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of humanities knowledge], 2020, no. 3, pp. 59–70.
7. Zhivov V. M. [State myth in the Age of Enlightenment and its destruction in Russia at the end of the 18th century]. In: *Vek Prosveshcheniya. Rossiya i Frantsiya : materialy nauch. konf. «Vipperovskiye*

- chteniya 1987». Vyp. 20 [Age of Enlightenment. Russia and France : materials of scientific. conf. «Vipper Readings 1987». Iss. 20]. Moscow, 1989, pp. 141–165.
8. Shevyrin V. M., ed. *Istoriya Rossii v sovremennoy zarubezhnoy nauke. Ch. 1* [History of Russia in modern foreign science. Part 1]. Moscow, INION Publ., 2010. 248 p.
 9. Karpachev S. P. *Tayny masonskikh ordenov* [Secrets of Masonic Orders]. Moscow, Yauza-Press Publ., 2007. 384 p.
 10. Kiryukhin A. V. *Tot samyy kudesnik Bryus* [The very same magician Bruce]. Moscow, Agraf Publ., 2003. 398 p.
 11. Kozlov V. I. *Tayny falsifikatsii. Analiz poddelok istoricheskikh istochnikov XVIII–XIX vekov* [Secrets of falsification. Analysis of forgeries of historical sources of the 18th–19th centuries]. Moscow, Aspect Press Publ., 1996. 271 p.
 12. Korolev S. A. [Secularization and desecularization in the context of the concept of pseudomorphic development of Russia]. In: *Filosofskaya mysl* [Philosophical Thought], 2015, no. 4, pp. 1–54.
 13. Krylov A. O. [Peter I's church reform and the secularization theory: from political journalism to historiography]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History], 2020, no. 3, pp. 22–46.
 14. Labutina T. L. *U istokov sovremennoy demokratii. Politicheskaya mysl' angliyskogo Prosveshcheniya (1689–1714 gg.)* [At the origins of modern democracy. The Political Thought of the English Enlightenment (1689–1714)]. Moscow, Institut vseobshchey istorii Publ., 1994. 303 p.
 15. Lavrov A. S. [Vasily Vasilyevich Golitsyn]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1998, no. 5, pp. 61–72.
 16. Mazaev G. V. [St. Petersburg as a symbol city]. In: *Gradostroitelstvo* [Urban planning], 2020, no. 4, pp. 31–39.
 17. Marx K. [Exposure of the diplomatic history of the 18th century]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1989, no. 1, pp. 3–22; no. 2, pp. 3–23; no. 3, pp. 3–17; no. 4, pp. 3–19.
 18. Martynenko A. A. *Zver na prestole, ili Pravda o Tsarstve Petra Velikogo* [The Beast on the Throne, or the Truth about the Kingdom of Peter the Great]. Moscow, Professional Publ., 2010. 432 p.
 19. Melnikov E. A. *Rossiya mezhdu Khristom i satanoy. Kniga III. Doroga v propast* [Russia between Christ and Satan. Book III. Road to the abyss]. Kursk, 2004. 523 p.
 20. Merezhkovsky D. S. *Petr i Aleksey* [Peter and Alexey]. Moscow, Veche Publ., 2012. 544 p.
 21. Neklyudova M. S., Ospovat A. L. [«Window to Europe»: Source study of the «Bronze Horseman»]. In: *Lotmanovskiy sbornik II* [Lotman collection II]. Moscow, OGI Publ., 1997, pp. 255–272.
 22. Perrie M. [Russian popular eschatology and the legend of Peter the Great as Antichrist]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series: History], 2016, no. 4, pp. 77–85.
 23. Burlak D. K., ed. *Petr Velikiy: pro et contra: Lichnost i deyaniya Petra I v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: Antologiya* [Peter the Great: pro et contra: The personality and deeds of Peter the Great in the assessment of Russian thinkers and researchers: Anthology]. St. Petersburg, Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. 758 p.
 24. Pustarnakov V. F. *Filosofiya Prosveshcheniya v Rossii i vo Frantsii: opyt sravnitel'nogo analiza* [Philosophy of Enlightenment in Russia and in France: experience of comparative analysis]. Moscow, IFRAN Publ., 2002. 341 p.
 25. Radugin A. A., Radugina O. A. [Secularization as a spiritual basis for Peter I's policy of modernization of Russian society]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philosophy], 2018, no. 4, pp. 75–87.
 26. Reznikov K. Yu. *Mify i fakty russkoy istorii. Ot likholetya Smuty do imperii Petra I* [Myths and facts of Russian history. From the hardships of the Time of Troubles to the Empire of Peter the Great]. Moscow, Veche Publ., 2012. 560 p.
 27. Resnyansky S. I. [Synodal Protestantism of Peter I and the «Pomor Answers» of the Old Believers]. In: Rozina O. V., ed. *Rus-Rossiya: Vybory very. Istoriya i sovremennost' : sbornik materialov VII Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Dukhovnye osnovy russkoi kul'tury: izucheniye i prepodavaniye v vysshei i srednei shkole"*. Moskva, 02 noyabrya 2010 g. [Spiritual Foundations of Russian Culture: Studying and Teaching in Higher and Secondary Schools. Issue 7: Ancient Rus-Russia: The choice of faith. History and Modernity: collection of materials of the VII Interregional Scientific

- and Practical Conference "Spiritual Foundations of Russian Culture: Study and Teaching in Higher and Secondary Schools". Moscow, November 02, 2010]. Moscow, Nauka i Slovo Publ., 2011, pp. 34–42.
28. Resnyansky S. I. *Tserkovno-gosudarstvennaya reforma Petra I. Protestantskaya model ili vizantiyskoye preymstvo* [Church and state reform of Peter the Great. Protestant model or Byzantine succession]. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2009. 256 p.
29. Svetlov R. V. [Constantine the Great and Peter I: Strategies of State-Confessional Policy]. In: *Schole: Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya* [Schole: Philosophical Antiquities and the Classical Tradition], 2016, vol. 10, no. 1, pp. 196–204.
30. Simonova M. V. [Cossack Leader K. A. Bulavin in Russian historiography]. In: *Tomskiy gosudarstvennyy universitet. Istoriya* [Tomsk State University. History], 2016, no. 3, pp. 121–128.
31. Smirnov P. *Ioakim, patriarkh Moskovskiy* [Joachim, Patriarch of Moscow]. Moscow, L. F. Snegirev Publ. House, 1881. 274 p.
32. Syanova E. [Russian Faust]. In: *Znaniye – sila* [Knowledge is a power], 2014, no. 7, pp. 97–102.
33. Ulyanov N. I. [Peter the Great's reforms]. In: Sechkarev V. M., ed. *Otkliki: sb. statey pamyati Nikolaya Ivanovicha Ulyanova (1904–1985)* [Responses: Responses: a collection of articles in memory of Nikolai Ivanovich Ulyanov (1904–1985)]. New Haven, 1986, pp. 9–28.
34. Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Death of Nicholas I (Rus. ed.: Zhitomirskaya S. V., transl. *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii*. T. 1: *Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I*. Moscow, OGI Publ., 2004. 605 p.).
35. Ciesielski T. [The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia's expansion in the Baltic region in the 18th century]. In: *Peterburgskiy slavyanskiy i balkanskiy issledovaniya* [St. Petersburg Slavic and Balkan Studies], 2014, no. 1, pp. 118–132.
36. Chudinov V. A. *O podmene Petra Velikogo* [On the substitution of Peter the Great]. Moscow, Traditsiya Publ., 2017. 96 p.
37. Eidelman N. Ya. «*Revolutsiya sverkhu*» v Rossii [«Revolution from above» in Russia]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 176 p.
38. Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, CT, London, Yale University Press, 1998. 602 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Baghdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of History, Political Science and Law, Departmentally Head, Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Идеологический портрет Петра I: дискурсивные модели репрезентации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 7–20.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-7-20

FOR CITATION

Baghdasaryan V. E. The ideological portrait of Peter I: discursive models of representation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 7–20.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-7-20

УДК 27:94(47)''18''(092) Петр I

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-21-29

ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I

Реснянский С. И.^{1,2}, Куренкова Е. А.²

¹Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

²Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. Российская Федерация

Аннотация

Цель. Показать сложный и противоречивый характер церковно-государственной реформы Петра I, отражавший катастрофическое время петровской шоковой модернизации периода Северной войны.

Процедура и методы. Сделан анализ кардинальных структурных изменений в церковно-государственных отношениях периода петровских преобразований. При проведении исследования применены методы системного анализа, проблемно-исторический и сравнительно-типологический, обусловленные темой работы.

Результаты. Аргументированно показана петровская реконструкция перехода от византийской модели «симфонии» духовной и светской власти как многовекового механизма государственного управления к западноевропейскому абсолютизму управления. Авторы приходят к выводу о недопонимании властью важности укрепления для России традиционных несиловых духовно-религиозных скреп российской государственности, что в дальнейшем крайне негативно сказалось на судьбе романовской империи. Введены авторские редакции следующих понятий: «симфония» священства и царства, церкви и государства, а также западноевропейского абсолютизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определена важность укрепления церковно-государственных отношений как фундаментальной основы духовно-нравственных ценностей тысячелетней российской истории. Результаты исследования вносят заметный вклад в историографию рассматриваемой проблематики.

Ключевые слова: реформа, модернизация, синод, симфония церковно-государственных отношений, западноевропейский абсолютизм

CHURCH-STATE POLICY OF PETER THE GREAT

S. Resnyansky^{1,2}, E. Kurenkova²

Peoples' Friendship University of Russia

ul. Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation

Moscow Region State University

ul. Very Voloshiniei 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this article is to show the complex and contradictory nature of the church and state reform of Peter I, which reflected the catastrophic time of Peter the Great's shock modernization during the Northern War.

Methodology. The article analyzes cardinal structural changes in the church and state relations during the period of Peter the Great's reforms. While conducting the research, system analysis, problem-historical and comparative-typological methods, were applied, determined by the research topic.

Results. The article provides well-grounded evidence of Peter the Great's reconstruction of the transition from the Byzantine model of the "symphony" of spiritual and secular authorities as a centuries-old mechanism of state administration to Western European absolutism of government. The authors come to the conclusion that the authorities misunderstood the importance of strengthening the traditional non-forceful spiritual and religious bonds of the Russian statehood, which subsequently had an extremely negative impact on the fate of the Romanov empire. Author's editions to the following concepts are introduced: "symphony" of priesthood and kingdom, church and state, as well as Western European absolutism.

Research implications. The theoretical and/or practical significance of the article is determined by the importance of strengthening church-state relations as the fundamental basis of the spiritual and moral values of the thousand-year Russian history. The results of the authors' research make a significant contribution to the historiography of the issues under consideration.

Keywords: reform, modernization, synod, symphony of church-state relations, Western European absolutism

Введение

Бифуркационной точкой российской истории является XVIII в., начатый шоковой модернизацией царя Петра I. Личность Петра всегда была дискуссионной, ещё со времён славянофилов и западников, вызывая многочисленную полемику. Полемична она и сегодня среди тех, кто интересуется историей государства российского. Это и понятно, ибо именно Пётр I определял своей пассионарной личностью модернистскую модель, строившейся им имперской государственности, став её «культурным героем», как в своё время Великий князь Владимир Креститель, ставший «культурным героем» для государства традиционного.

Империя, созданная Петром I, называлась «петровской» по имени её создателя, и вполне естественно, что и отношение к этой новой имперской модели переплеталось с её автором. Личность Петра I, да и вся его реформаторская деятельность, во многом действительно носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, все его реформы были, безусловно, актом самосохранения России от уничтожения её суверенности со стороны агрессии западных держав, ибо это было время промышленной револю-

ции на Западе и начала колониальных экспансий. Пётр I сумел ответить на «вызов», который был предъявлен России. Именно Северная война – главный катализатор всех петровских преобразований.

Основной инструмент политики Петра I – использование ресурса абсолютной самодержавной власти, лихорадочная государственная экспансия по всему периметру российского социума. В этой связи Пётр I по аналогии с французским королём Людовиком мог бы с полным правом признать, что государство – это, конечно же, он, император Пётр Великий. Армия и флот, новые геополитические приращения, превращение России в мощную европейскую державу – всё это безусловный позитив преобразовательной деятельности Петра.

Но она же породила и колоссальные проблемы в будущем страны. Как писал Г. В. Флоровский, «с Петра начинается «Вавилонское пленение Русской церкви» [8, с. 95]. Кроме того, фундаментальным основанием, базовым компонентом всей реформаторской политики Петра I было, как известно, закабаление подавляющей части населения страны, в то время как крепостное право в Западной Европе

считалось уже анахронизмом. Однако этот факт не помешал Петру I именно со стран протестантского ареала заимствовать западный цивилизационный код, да и сама модернизация, осуществляемая Петром, отождествлялась им с вестернизацией. Но, как показал Н. Данилевский в книге «Россия и Европа», чужеродные цивилизационные модели заимствованию как модели по преимуществу подражательные не поддаются, и рано или поздно они взорвутся, создав смертельную угрозу государственности.

Церковно-государственная реформа

Пётр I был убеждён, что поиск путей восприятия новых западных технологий для выживаемости страны при сохранении старых традиционных духовных ценностей было делом невозможным [9]. Они ассоциировались с его прошлым. Видимо, это было связано с его детскими и юношескими увлечениями Немецкой слободой и с тем кровавым стрелецким бунтом 1682 г., в результате которого были убиты его родственники. Он ненавидел всю старую Россию. И в этой связи хотел видеть свою державу в качестве новой Голландии, меняя русскую гетерогенную национальную идентичность на европейский лад, в результате чего честью и достоинством России, как писал Н. М. Карамзин, сделалось подражание.

Итак, с одной стороны, – реформаторская деятельность Петра, его насильственный рывок в новую реальность, но была и другая сторона этого процесса. Вот как писал о ней И. Л. Солоневич: «Пётр оставил после себя выигранную Северную войну, расходы на которую не стоили “пяти Швеций”, и оставил на целое столетие потерянные возможности на юге (Прутский поход, сдача Азова и флота). Он оставил разорённую страну, отвечавшую на произвол и неслыханное дотоле воровство “птенцов гнезда петрова” безрасчётным отчаянием и разбоем. Он всё-таки подорвал и монархию: вчерашняя уличная девка на престоле

была бы так же невозможна в Москве, как невозможно было дальнейшее столетие порнокрапии. Он подорвал церковь. Он подорвал престолонаследие. И после всего этого историки говорят о «частных ошибках». Эти частные ошибки мы с вами расхлёбываем до сих пор – третьим интернационалом, террором и голодом, законными наследниками великого Петра» [5]. И это тоже парадоксальная реальность петровской эпохи.

Безусловно, невосполнимым в контексте русской истории оказался шоковый удар, нанесённый политикой петровской модернизации по духовно-нравственным мировоззренческим и цивилизационно-ценностным основам российской государственности. Пётр думал, что при смене шапки Мономаха на имперскую корону сущность его православного сознания не изменится. Но оказалось, что это далеко не так, ибо государственно-церковные отношения – это законодательная проблема и реальная политика к Церкви центральной власти и властной элиты на местах. Проблема эта – во всей социально-политической атмосфере в российском социуме, проблема места Церкви – в массовом народном сознании, а не только в сознании российского элитарного слоя. Иная логика поведения, создание новой по преимуществу секулярной элиты и формирование её корпоративной культуры с идентификатором европейскости, в то время как русский народ оставался в допетровской системе православных духовно-религиозных ценностных координат. Всё это привело к небывалому ранее глубокому расколу российского общества.

В результате такой политики образовались разные смысловые поля изолированных друг от друга миров. Сама возможность какого-либо диалога между дворянством и народом оказалась безнадежно утраченной. Произошёл раскол народа на «тонкий верхний слой, живущий западной культурой, и народ, оставшийся духовно и социально в Московии» [6].

Это глубокое непонимание между элитой и народом на протяжении всего периода романовской империи будет постоянно актуализироваться – и, в конечном счёте, приведёт её к коллапсу в 1917 г.

Действительно, Пётр I был «завязкой русской трагедии». В этом контексте понятна и реконструкция базисной духовной составляющей всей петровской преобразовательной деятельности, его церковно-государственная реформа. И в этой связи, безусловно, один из актуальнейших в рамках петровских преобразований – вопрос о соотношении церковно-государственной политики Петра I и русской религиозной традиции. Преемственна ли эта церковная реформа с православной патристикой Византии? Имеет ли религиозная политика Петра I глубинную генетику в русской многовековой православной традиции? Или же петровское государство силой призвало Церковь к строительству империи, далёкой от идеалов православной теократии? Каков реальный объём духовной власти у Синода в сравнении с прежними Патриархами? Осуществилось ли Петром I эффективное конвертирование западных ценностей в сферу духовного пространства России? Эти проблемы чрезвычайно актуальны не только в контексте петровских преобразований, но и в последующие времена истории государства российского.

Именно в ходе петровских реформ, важнейшей из которых была церковная реформа, произошли кардинальные изменения во взаимоотношениях государства и церкви. Прежде всего, произошло расцерковление самой идеи, на которой основывалась многовековая самодержавная власть. Произошла трансформация интровертной теонормной идеи Московской Руси в экстравертную секулярную, по сути, идею христианской империи. Эта инверсия во многом определяла многие приоритеты, составлявшие русское национальное самосознание. Именно при Петре I начало коренной функциональной перестройки всего механизма власти

государственного управления, вызванной отбрасыванием всей духовно-религиозной составляющей прошлых веков, бывших прежде несиловыми скрепами российской государственности, а значит утратой прежней сакральности власти и изменением парадигмы правосознания. «Вера в царское самодержавие, – писал П. Флоренский, – мистическое к нему отношение – это один из непременных элементов православия и поэтому изменения в способах управления страной наносит православию новый удар» [7].

Цель петровской церковной реформы была неизмеримо глубже, чем считали многие исследователи петровской эпохи. Её главная цель – государственная абсолютная власть, высвобождение светской власти из-под духовно-религиозных норм, как это было на протяжении многовековой российской истории, и в итоге этого процесса – секуляризация государственной власти и подчинение интересам государственного аппарата церкви. «Новизна петровской реформы не в западничестве, но в секуляризации. Именно в этом реформа Петра была не только поворотом, но и переворотом» [8, с. 82–84].

Надо сказать, что Пётр первоначально не собирался менять столетиями установленные церковно-государственные отношения. Однако в ходе своей шоковой модернизации у него оставалось всё меньше желания разделять власть с патриархом. В «Духовном регламенте» от 1721 г. Феофан Прокопович писал об этом желании царя: «Дабы у простого народа не возникал соблазн видеть в патриархе некое второе лицо в государстве, почти равное первому, а то и превосходящее его...».

Реализация этого процесса по радикальному изменению церковной политики заняла длительное время. Как известно, 16 октября скончался Патриарх Адриан. Петром I патриаршим местоблюстителем был назначен митрополит рязанский Стефан (Яворский) с резким ограничением его духовной власти: изъятия кадровые вопросы; в восстанов-

ленный в 1701 г. Монастырский приказ, который возглавил царский стольник боярин Иван Мусин-Пушкин, перешли все монастырские земли, архиерейские дома и даже Патриарший двор. Ну а после создания в 1711 г. Правительствующего Сената, Стефан Яворский вообще лишился какой-либо власти, например, определять наместников в монастыри, принимать участие в строительстве храмов и т. д. Всё это отошло к компетенции Сената.

В 1721 г. (кстати, этот год, как известно, был годом Ништадского мира) патриаршество было заменено Духовной коллегией, и какое-то время молитвы в православных храмах возносились к этой самой Духовной коллегии, что само по себе было кощунством. Потом, видимо, поняли, что это напоминает западноевропейский протестантский мир, и решили переименовать Духовную коллегию в Святейший правительствующий Синод (греч. «Собор»). Хотя президентом Синода и был назначен Стефан Яворский, но в качестве надзора за деятельностью Синода уже в 1722 г. была создана особая должность обер-прокурора из числа светских царских чиновников. Первым таким обер-прокурором Синода был гвардейский полковник Иван Болтин.

Теоретическая доктрина церковной реформы была изложена идеологом Петра I, архиепископом Ф. Прокоповичем в его работе «Правда воли монаршей», в основе которой были парадоксальным образом заложены западноевропейские идеи естественного права Пуффендорфа и Гроция. Цель петровской церковной реформы, как следовало из этой теоретической доктрины Ф. Прокоповича, – достижение в России «всеобщего блага», и церковь как часть идеологического государственного аппарата должна всемерно этому способствовать. И это-то в России, где крепостное право (прикрепление крестьян к дворянину-помещику по модели польского крепостного права, а не к земле, к государству, как было в России в

прошлом) для подавляющего числа крестьянского населения, начиная именно с правления Петра I, было законсервировано на многие десятилетия.

В реальности же это была попытка внедрить в российское пространство элементы протестантской модели абсолютного государства, которая имела иную генеологию, иной исторический процесс, её родивший, совершенно противоположный отечественной истории, отбросив при этом византийскую модель симфонии властей, «Священства» и «Царства», существовавшую много веков в истории государства российского, ибо она уже для петровской преобразовательной деятельности была абсолютно неприемлема.

Церковь, по своей сути, духовно направляет человеческую жизнь, и частную, и общественную; и в едином служении делу Божию Церковь и Государство составляют, согласно византийской модели, одно целое, один организм, хотя «неслиянно», но и «нераздельно», подобно двум природам в Богочеловеке, в едином Лице Христовом. Однако Пётр I был горячим поклонником протестантских стран Западной Европы, где рождалась в борьбе с папством иная модель церковно-государственных отношений, где светские правители возглавляли реформационные движения в своих странах, естественно подчиняя государству церковные организации, и где государственная власть, власть светских монархов, становилась абсолютной, создавая при этом громадный бюрократический аппарат. Такая модель власти, где церковь мыслилась как религиозная проекция самого государства, этот западный абсолютизм, родившийся в борьбе против католической церкви, отрицал за ней всякое право быть «совестью» государства, сжимая её в жёсткие рамки «обслуживания духовных нужд», причём само государство, чиновничество, определяло эти нужды и то, как их обслуживать.

Именно такой механизм власти реализовывался в российском социуме, те-

оретически имея своим обоснованием работы архиепископа Ф. Прокоповича, ближайшего идеолога Петра I. Естественно, при этом, чтобы соблюсти видимость каноничности новой синодальной модели, Пётр заручился поддержкой Константинопольского патриарха Иеремии и других восточных патриархов, которые, будучи под властью турок, были постоянно зависимы от российской финансовой «милости», получив от них признание, что новая российская синодальная система равна патриаршей власти.

Итак, в отечественной истории наступил резкий надлом. Если в своё время Святитель Иосиф Волоцкий включал в систему Божьего тягла самого царя: «Царь подзаконен и только в пределах Закона Божьего обладает своей властью. А несправедливому или “строптивому” Царю вовсе не подобает повиноваться», – писал он в своём «Просветителе...», то легитимность власти императора Петра I обосновывалась уже не церковным богословием, а правовой западноевропейской системой, элементы которой были заимствованы архиепископом Феофаном Прокоповичем в качестве легитимности монарших прав из западноевропейского общественного договора, рождённого философско-политической мыслью Западной Европы.

Само понятие «самодержавие» как его византийская модель «симфонии» властей, священства и царства, Церкви и государства, под пером Ф. Прокоповича трансформируется в модель абсолютизма западноевропейского разлива. В этой связи парадокс заключался в наделении Петра I императорским титулом и России в качестве империи. Империей же в православном смысле, «катехоном», «Третьим Римом», удерживающим от сил зла в мире, именно с этого петровского периода своей истории Россия быть перестала.

На наш взгляд, до петровских преобразований западноевропейская модель абсолютизма не могла быть внедрена в

государственное управление России в качестве политического механизма власти, ибо коренной символ православия, вера «в Церковь православную соборную» был незыблемым на протяжении многовековой российской истории в парадигме «симфонии» светской и духовной власти. Именно исходя из этого факта путь иного порядка к абсолютизации высшей светской или духовной власти в контексте этой византийской модели «симфонии властей» был абсолютно невозможным для государственного управленческого механизма Руси, в которой соборность рассматривалась как одна из главнейших основ всего государственного миростроительства. Только отбросив этот главнейший постулат соборности, как папы это сделали в своё время в Риме, а вслед за ними и светские монархи протестантских стран, взявших себе всю полноту духовной и светской власти, с неизбежностью определялся путь к абсолютной модели властвования.

Идея Святой Руси и была сопряжена с соборностью сознания русского человека. Верующий человек рассматривался как смысловой центр Божественного Космоса. Соборный разум Церкви, а человек – средоточие этого соборного единства. Однако именно с Петра I в России в результате трансформации базисных духовно-религиозных основ, этих несиловых государственных скреп, на уровне элитарной семиосферы утверждается вид нового антропологического типа человека секулярного.

Эта мировоззренческая секуляризационная парадигма определила и содержательную часть идеологии петровской реконструкции. «Регулярное государство» с его всеобщим государственным тяглом, где Церковь являлась только религиозной проекцией светского абсолютизма – эта идея была близка Петру I, и он её всемерно реализовывал в своей внутренней политике. Так, в Дополнении к «Духовному регламенту», который определял роль Церкви в государстве, «о

правилах притча церковного и чина монашеского», изданном при Петре I, говорилось об обязательности священников доносить в Тайную канцелярию об открытых ими на исповедях злоупотреблениях против государственности. Такая государственная политика породила в православном народе различные толки, особенно в старообрядческой среде, что царь – антихрист на троне.

О подчинении жизни церковной интересам государственным свидетельствует и тот, казалось бы, бытовой факт, что «на некоторых иконах того времени», – писал об этом профессор Духовной академии М. М. Дунаев, – «образ Христа писался с портретов императора Петра I... Многие вельможи, подражая царю, заставляли художников изображать на иконах Святых свой собственный облик. Бог по образу царя, Святой по образу вельможи» [1].

Кардинальные перемены произошли и в богослужебном церковном пении. «В новой парадигме государства», – отмечал известный специалист богослужебного пения композитор В. И. Мартынов, – «Церковь перестала занимать главенствующее положение и превратилась в один из государственных институтов. Богослужебное пение, являющееся звуковым эквивалентом православного царства, было заменено музыкой, партесным пением, являющейся эквивалентом секулярной империи, ибо само Российское государство превратилось из царства в империю, в результате чего богослужебное пение перестало существовать как икона ангельского пения, как ангельское пение» [3].

Конечно, нельзя не упомянуть в этой связи и о Всешутейшем соборе, который функционировал до самой смерти Петра I. В шутовском балагане этого Всешутейшего собора, возглавляемого самим царём, ряд историков усматривали антиправославный вектор под влиянием протестантской среды Немецкой слободы [2; 4]. Этот Всешутейший собор нанёс по

позициям православной Церкви удар, сопоставимый с апостасийной политикой всей преобразовательной деятельности Петра I в целом. Разрушение базовых основ русского быта, его десаκραлизация и инкорпорирование в русский социум западных традиций, которые были несовместимы с православной культурой (например, курение табака, насильственное внедрение иностранной одежды, запрет на бороды, петровские ассамблеи и др.). Всё это создавало новый секулярный мир и новый антропологический тип личности. Всё это были негативные плоды западничества в российском социуме, те самые посеянные «зубы дракона», которые «аукнулись» в 1917 г.

Однако и позитивные приобретения российской петровской европеизации также, безусловно, налицо. Реформы Петра I были актом самосохранения России от уничтожения европейской агрессией. Глубокий метафизический смысл был и в перенесении мощей Св. князя Александра Невского в Петербург. Он свидетельствовал о том, что вся преобразовательная деятельность Петра I и, прежде всего, его церковно-государственная реформа были ориентированы на создание мощной, процветающей российской державы, как сам Пётр I это понимал.

Заключение

Итак, противоречивым характером своей преобразовательной деятельности, сам того не ведая, Пётр I создал вектор неопределённого будущего России, разрушив несиловые духовные скрепы государственности и быта, выступающие под наименованием «связи времён». Новая петровская цивилизационная модель создавалась при полной приверженности Петра западноевропейским материальным ценностям и при игнорировании тысячелетнего опыта российской цивилизации. В этом – актуальнейший урок для современной России.

Дата поступления в редакцию 29.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Дунаев М. М. Своеобразие русской религиозной живописи. XII–XX вв. М.: Филология, 1997. 221 с.
2. Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней. М.: Изд-во журн. «Москва», 1998. 540 с.
3. Мартынов В. И. Пение, игра и молитвы в русской богослужебно-певческой системе. М.: Филология, 1997. 205 с.
4. Платонов С. Ф. Пётр Великий [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/platonov_petr_veliky_1926__ocr.pdf (дата обращения: 06.01.2022).
5. Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Феникс, 1991. 511 с.
6. Федотов Г. П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре / сост. М. А. Маслин. М.: Наука, 1990. С. 448–449.
7. Флоренский П. А. Православие // Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 638–663.
8. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
9. Яшина М. А. Церковная реформа Петра I как попытка «вестернизации православия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 2. С. 55–58.

REFERENCES

1. Dunaev M. M. *Svoyeobraziye russkoy narodnoy zhivopisi. XII–XX vv.* [Originality of Russian folk painting. 12–20th centuries]. Moscow, Filologiya Publ., 1997. 221 p.
2. Ivanov V. F. *Russkaya intelligentsiya i masonstvo ot Petra I do nashikh dnei* [Russian intelligentsia and Freemasonry from Peter the Great to the present day]. Moscow, Publishing house of the journal “Moscow”, 1998. 540 p.
3. Martynov V. I. *Peniye, igra i molitvy v russkoy bogoslužhebno-pevcheskoy sisteme* [Singing, playing and prayers in the Russian liturgical singing system]. Moscow, Filologiya Publ., 1997. 205 p.
4. Platonov S. F. *Pyotr Velikiy* [Peter the Great]. Available at: https://imwerden.de/pdf/platonov_petr_veliky_1926__ocr.pdf (accessed: 06.01.2022).
5. Solonevich I. L. *Narodnaya monarkhiya* [People’s monarchy]. Moscow, Feniks Publ., 1991. 511 p.
6. Fedotov G. P. [National and universal]. In: Maslin M. A., ed. *O Rossii i russkoy filosofskoy kulture* [About Russia and Russian philosophical culture]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 448–449.
7. Florensky P. A. [Orthodoxy]. In: Florensky P. A. *Sochineniya: v 4 t. T. 1.* [Works: in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1994, pp. 638–663.
8. Florovsky G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2009. 848 p.
9. Yashina M. A. [Church reform of Peter I as an attempt to «Westernization» of Orthodoxy]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial’no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social sciences and the humanities], 2018, vol. 18, no. 2, pp. 55–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: s-r44@yandex.ru

Куренкова Евгения Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: ea.kurenkova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey I. Resnyansky – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History Peoples’ Friendship University of Russia, Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: s-r44@yandex.ru

Evgeniya A. Kurenkova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: ea.kurenkova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Реснянский С. И., Куренкова Е. А. Церковно-государственная политика Петра I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 21–29.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-21-29

FOR CITATION

Resnyansky S. I., Kurenkova E. A. Church-state policy of Peter the Great. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 21–29.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-21-29

УДК 94(47)''18''(092) Петр I

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-30-47

ЕВРОПЕЙСКИЕ НОВШЕСТВА КАК ВНЕШНИЙ ДЕКОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ ПЕТРА I

Черникова Т. В.*Московский государственный институт международных отношений (университет)**МИД Российской Федерации**119454, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76, Российская Федерация***Аннотация****Цель.** Анализ нескольких форм государственной пропаганды Петровской эпохи.**Процедура и методы.** Проанализирована смысловая нагрузка, которую несли выполненные на западноевропейский манер портреты-аллегии Петра I, памятные медали, ордена, декор кораблей, спектакли и триумфы. В основе исследования лежал принцип историзма, требующий трактовки смыслов, исходя из представлений конца XVII – начала XVIII вв. Применялась методология сравнительного анализа западных и российских источников.**Результаты.** Проведённый анализ показал поверхностность петровской европеизации в идейной области, подмену идеи «общего блага» государственным интересом в трактовке царя. По своей сути государственная идеология Петровского времени была формой развития прежних «старомосковских» социально-политических взглядов, выработанных в рамках русской патримонильной монархии, украшенных европейским аллегорическим «декором».**Теоретическая и/или практическая значимость.** Сделанный вывод практически не встречается в отечественной историографии и акцентирует внимание исследователей на ту часть петровской идеологии, которая была связана не столько с «новшествами», сколько со старой основой социокультурной системы России.**Ключевые слова:** Пётр I, пропаганда, аллегии, триумф, медали, ордена

EUROPEAN INNOVATIONS AS AN EXTERNAL DECORATION OF THE STATE PROPAGANDA OF PETER THE GREAT

T. Chernikova*MGIMO University**Prosp. Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation***Abstract****Aim.** The purpose of the article is to analyze several forms of state propaganda of Peter the Great's era.**Methodology.** The author analyzes the semantic load that allegoric portraits of Peter the Great, commemorative medals, orders, decor of ships, performances and triumphs carried out in the Western European manner. The basis of the study is determined by the principle of historicism, which requires interpretation of meanings, based on the beliefs of the late 17th – early 18th centuries. The methodology of comparative analysis of Western and Russian sources was applied.**Results.** The analysis revealed the superficiality of Peter the Great's Europeanization in the ideological sphere, the substitution of the idea of the «common good» in the interpretation of the tsar. In

essence, the state ideology of that time was the form of the development of the former «Old Moscow» socio-political views which were developed as a part of the Russian patrimonial monarchy, ornamented by European allegorical «decor».

Research implications. The conclusion made is practically not found in domestic historiography and emphasizes the attention of researchers to that part of Peter the Great's ideology which was connected with the old basis of the sociocultural system of Russia rather than with the «innovations».

Keywords: Peter I, propaganda, allegories, triumph, medals, orders

Введение

Эпоха преобразований Петра I – одна из самых парадоксально противоречивых страниц отечественной истории. Разброс мнений историков и публицистов велик: от апологетики, представленной в трудах таких значимых для отечественной науки историков XIX – начала XXI вв., как М. П. Погодин, С. М. Соловьёв и Н. И. Павленко и др., до критических, если не сказать негативных, при рассмотрении ближних и долгосрочных последствий, какую мы можем найти в трудах также известных исследователей П. Н. Милюкова, Е. В. Анисимова и многих других. Более уравновешенный взгляд на баланс позитивных и отрицательных итогов преобразовательной деятельности Петра I представлен в книгах В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова, за которыми, на наш взгляд, и следует большинство современных отечественных и зарубежных специалистов, изучающих Россию конца XVII – первой четверти XVIII вв.

Хотелось бы привлечь внимание читателя к выводу, который сделал С. Ф. Платонов, подводя итоги своему анализу петровской реформы во всех её направлениях [9, с. 448–450]:

«К какому выводу приведёт нас наше изучение Петра? Была ли деятельность традиционной или же она была резким неожиданным и неподготовленным переворотом в государственной жизни Московской Руси?

Ответ довольно ясен. Реформы Петра по своему существу и результатам не были переворотом; Пётр не был царём-революционером, как его иногда любят называть.

Прежде всего деятельность Петра не была переворотом политическим: во внешней политике Пётр строго шёл по старым путям, боролся со старыми врагами, достиг небывалого успеха на Западе, но не упразднил своими успехами старых политических задач по отношению к Польше и к Турции... В политике внутренней Пётр недалеко ушёл от XVII века. Государственное устройство осталось прежним: полнота верховной власти, сформулированная царём Алексеем..., получила более пространное определение при Петре в регламенте воинском, в указах, наконец, в философских трактатах Феофана Прокоповича. Земское самоуправление, не имевшее политического характера и имевшее характер сословный до Петра, осталось таким и при Петре. Над органами сословного самоуправления, как и раньше, стояли учреждения бюрократического характера, и хотя формы администрации были изменены, общий тип её остался неизменным, как было и до Петра: смешение начал личного с коллегиальным, бюрократического с сословным.

Деятельность Петра не была и общественным переворотом... Прикрепление сословий к государственным повинностям осталось во всей силе, изменился только порядок исполнения этих повинностей...

В экономической политике Петра, в её задачах также нельзя видеть крутого переворота, Пётр ясно определил ту задачу, к решению которой неверными шагами шли и до него, – задачу поднятия производительных сил

страны... Россия, имея после Петра более двухсот фабрик и заводов, была все-таки сельскохозяйственной страной с очень слабым торговым и промышленным развитием.

И в культурном отношении Пётр не внёс в русскую жизнь новых открытий. Старые культурные идеалы были тронуты до него; в XVII веке вопрос о новых началах культурной жизни стал резко выраженным вопросом... Но его предшественники были ученики киевских богословов и схоластиков, а Пётр был ученик западноевропейцев, носителей протестантской культуры... Пётр не был творцом культурного вопроса, но был первым человеком, решившимся осуществить культурную реформу... он дал своему народу полную возможность материального и духовного общения со всем цивилизованным миром.

Если, таким образом, деятельность Петра не вносила по сравнению с прошлым ничего радикально нового, то почему же реформы Петра приобрели у потомства и даже современников Петра репутацию коренного государственного переворота?...

Близорукие московские люди объясняли себе и внешние предприятия, и внутренние нововведения государя его личными капризами, взглядами и привычками... За разрушенными и введёнными вновь частностями общественного быта они не видели общей сущности старого и нового... современникам Петра, присутствовавшим при бесчисленных нововведениях, и крупных и мелких, казалось, что Пётр перевернул вверх дном всю старую жизнь, не оставил камня на камне от старого порядка. Видоизменения старого порядка они считали за полное его уничтожение».

«Видоизменения старого порядка» – вот итог аналитики С. Ф. Платонова. Мы попытаемся подкрепить этот взгляд на эпоху Петра, рассмотрев некоторые из

форм и средств государственной пропаганды конца XVII – первой половины XVIII вв., акцентируя внимание на столь любимых царём европейских заимствованиях и пытаясь понять, какой идейный посыл обществу скрывался в их форме.

Идея «общего блага» и законотворчество Петра I

Просветители на Западе видели в государстве, прежде всего, в просвещённой абсолютной монархии, инструмент обеспечения «общего блага». «Правильное» государство через справедливые законы и законность в действиях всех ветвей власти учреждало сословный компромисс, который и был воплощением «общего блага».

Огромное число новых законов, указов и распоряжений Петра отчасти происходило от его желания в западноевропейском духе учредить в России законность. Новая государственно-правовая доктрина подпитывается идеями Х. Вольфа, В. Лейбница, С. Пуфендорфа и других мыслителей и правоведов, с которым Пётр был лично знаком.

Историк права М. О. Акишин насчитал 3314 «узаконений», включённых в «Полное собрание законов Российской империи» за период с 1696 по 1725 гг. [1, с. 100–101]. Акишин критиковал Е. В. Анисимова, насчитавшего только с 1713 по 1725 гг. 7584 указов по различным отраслям управления, за непонимание разницы «законов» и личных распоряжений царя. Однако, на наш взгляд, дело заключается не в наличии теоретической разницы, а в том, что в Петровскую эпоху, как и в старомосковские времена, живая воля царя и была воплощением верховной законности, могла противоречить недавно и давно принятым нормам. В отличие от западного правоведения XVIII в. в России никто не видел в этом нонсенса.

В публичных речах Петра, в его беседах с иностранными послами царь неоднократно говорит о себе как о «первом

слуге» государства. Однако в главных законодательных актах (указе «О Единонаследии», 1714 г.; «Воинском уставе», 1716 г.; «Генеральном Регламенте» (28 февраля 1720 г.), «Духовном регламенте», 1721 г.; законе о престолонаследии (1722 г.), «Табели о рангах» (январь 1722 г.), указе о «Должности Сената», 27 апреля 1722 г.) мы не найдём разделения понятий «самодержец» и «государство». Они там слиты и воплощены совершенно по-старомосковски в образе царя, наместника Бога, что само по себе знаково, т. к. показывает, что все заимствования из идеологии раннего западного просвещения в Петровскую эпоху не более чем декоративный глянец на прежнем каркасе патримониальной монархии, в корне отличной от института западноевропейского абсолютизма XVII–XVIII вв.

«Устав Воинский» 1716 г. определял нормы поведения не только военного, но и гражданского населения. Указом Сенату от 10 апреля 1716 г. «Устав Воинский» переносился на всех жителей России, превращая страну в один военный лагерь. Статус российского монарха там был определён предельно чётко: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответ дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять» («Воинский устав», гл. 3, арт. 20¹). Из столь строгого заключения мог следовать лишь один вывод: определять государственные интересы («общественное благо» в частной риторике Петра) может только государь. Самое интересное, как доказал М. М. Богословский, что процитированный выше артикул 20, столь обычный для представлений «холопов государевых» в Московском государстве конца XV–XVII вв., был почти целиком взят из шведского закона 1693 г. [2, с. 20].

Но заимствуя формулировку из западного акта, Пётр, как в своё время Иван III, Иван IV, Борис Годунов или первые Романовы, не прочь был использовать монопольное господство Российского государства над обществом в рамках старомосковского вотчинного уклада. Такой порядок не только не мешал, а, скорее, помогал быстрее внедрить в русскую жизнь отобранные царём западноевропейские новшества в хозяйстве, военном деле, в искусстве и в быту, не меняя при этом средневековой природы социально-экономических и социально-политических старомосковских институтов.

Это же стремление овладеть внешними формами наблюдается и в государственной пропаганде.

Аллегии и девизы Петровского времени на гравюрах, портретах, медалях, и орденах

С конца XVII в. появится немало парадных аллегорических царских портретов, указывающих на добродетели Петра I – военачальника, законодателя, строителя новой столицы, Отца Отечества и т. д. Работа по «европеизации» образа русского монарха началась в ходе Великого посольства, а потом в течение всего царствования Петра заказывались парадные и камерные портреты, гравюры с аллегорическими изображениями царя в типичном для западноевропейских монархов облачении.

Писали портреты первостепенные художники, которые имели известность и влияние при дворах многих европейских суверенов. Среди них, к примеру, были голландец П. ванн дер Верф и немец Г. Кнеллер. Последний являлся придворным художником английского короля Вильгельма III. Посвящённый королём в рыцари, он был необычайно популярен в Англии, писал портреты как аристократов, так и видных учёных (И. Ньютона, Д. Локка). Многочисленные изображения царя кисти известных на всю Европу мастеров (саксонца И. Г. Таннауэр,

¹ ПСЗ РИ. Т. V. № 3006.

официального придворного живописца Петра I, чеха Я. Купецкого, нидерландца Я. Хоубракена, француза Б. ле Кофра, придворного живописца датского короля, французов Ж.-М. Наттье и Л. Каравакка) формировали совсем другой образ россиянина. С этих картин часто тиражировали гравюры, причём как в Европе, так и в России. Из русских портретистов был востребован И. Никитин (парадные и камерные портреты), но главным русским мастером аллегорических портретов-гравюр стоит считать А. Ф. Зубова.

Появлялись столь насыщенные аллегориями портреты, что для донесения их смысла до зрителей создавались «иконологические лексиконы». Стараясь быть доступной адресату и одновременно нести просветительскую нагрузку, государственная пропаганда времён Петра I создала свою систему символов и девизов, опираясь на западноевропейскую традицию в этой области. В 1705 г. было выпущено пособие «Симбола и эмблематика». В работе над книгой царь принимал непосредственное участие. Это издание, а потом и ещё несколько подобных брошюр, должны были «облегчить жизнь» типографам, художникам и устроителям массовых публичных действий, указав им «правильный» лексический и образный ряд. «Наиболее любимые царём девизы многократно повторялись в разных произведениях и видах искусства. Иногда девизы создавались из общеизвестных “ходячих” выражений типа библейских цитат, поговорок или пословиц либо сочинялись ни на что не похожие по горячим следам каких-то значимых событий» [12, с. 104].

Антиподами в визуальных рядах выступали образы русского орла и шведского льва, в основе которых лежало обыгрывание государственных гербов России и Швеции. Олицетворять эти образы могли не только страны и народы, но также персонально Петр I и Карл XII. «Например, на гравюре Адриана Шхонебека, изображающей фейерверк в Мо-

скве 1 января 1704 г., орёл российский на центральном транспаранте держал на груди Андреевский крест, на крыльях он держал карты Белого и Азовского морей, в правой лапе – карту Каспийского моря, и всё это сопровождалось девизом “Сим чрез единого”». «Симбола и эмблематика» предлагала ещё 4 варианта образа орла с девизами: «1) орёл с пучком молний и оливковой ветвью, девиз: “Имею обои”; 2) орёл, сидящий на пушке, над ним Купидон, дующий ему на крылья, девиз: “От обоих бесстрашен”; 3) орёл, сидящий на ветке, пригнувшейся к земле, девиз: “Не гласом, но делами моими”; 4) орёл, нападающий на льва, девиз: “Приключая и сильному трясение”. Чаше других использовался образ орла, терзающего льва с соответствующими девизами, утверждающими победу России» [12, с. 104].

Нужные идейные символы внушались также через декоративное оформление памятных медалей. К примеру, в 1796 г. в честь взятия Азова была выпущена медаль. На лицевой стороне был изображён сам Пётр в анфас в латах и с античным римским символом славы – лавровым венке. По кругу шла надпись на русском языке: «ПЕТРЪ. АЛЕКСЕЕВИЧЪ. МОСКОВСКОЙ. ПРИСТНО. ПРИРАСТИТЕЛЬ». На обороте – картина обстрела Азова из пушек с указанием года 1696, т. е. уже в западноевропейском летоисчислении от Р.Х. (хотя официально такой стиль будет введён только с 1 января 1700 г.). Девиз на обороте, написанный в две строки над панорамой осады Азова, гласил: «МОЛНИЯМИ И ВОЛНАМИ / ПОБЕДИТЕЛЬ». В целом медаль была выполнена по западноевропейским лекалам с указанием имени мастера. В обреше плеча царя имелась надпись: «С. Ю.» (Самойла Юдин)¹.

¹ Медаль в память взятия Азова // Петровское барокко : [сайт]. URL: <http://petro-barocco.ru/archives/2851?yrwinfo=1642321341687971-3590623107126441579-man1-5786-849-man-l7-balancer-8080-BAL-4036> (дата обращения: 06.01.2022).

После возвращения Великого посольства в Россию памятные медали стали выпускаться преимущественно с девизами на латыни, что не удивительно, ведь выполнялись они западными мастерами, но при личном идейном надзоре со стороны Петра на стадии проекта.

В 1698 г. мастер Христиан Верт отчеканил медаль в честь такого неслыханного прежде в России события как частный (якобы инкогнито) вояж царственного урядника «Петра Михайлова» с Великим посольством в Европу. Профиль царя в лавровом венке и мантии на аверсе «по-русски»¹ повёрнут вправо. Надпись по кругу гласит: «PETR' ALEXEIEWICZ D:G.M. MOSCOV. TZAR» («Петр Алексеевич Божьей милостью Великий Царь Московии»). На реверсе Петра символизирует аллегорическая фигура путешествующего Геракла. Хронология «путешествия» римскими цифрами: «АО. М. DC. IIIС. ET MDCIIIС» («Годы 1697 и 1698»). Девиз: *PERLVSTRAT TERRAS*. (Обходит земли), второй девиз по гурту: «VIDIT INAVDITO EXEMPLO GERMANIA PRIMVM» («Германия впервые увидела неслыханный пример»)².

В 1698 г. была отчеканена ещё одна медаль в честь заслуг боярина Ф. А. Головина в дипломатической службе и за его участие в розыске по стрелецкому бунту. На главной стороне красовался профиль Головина с латинской надписью: «THEODOR. ALEXID. GOLOVIN CSAR MAY. INT. BOYARIN GENERAL. ET. BELLIC. EXPEDIT. COMMISSAR. IS. YAMLEGAT.EXTR. PLENIP. VICEREG. SIBIRIAE» («Фёдор Алексеевич Головин, Царского Величества ближний боярин, генерал и кriegс-комиссар, чрезвычайный и полномочный посол, наместник Сибири»). На

обороте – герб Головина: коронованный лев в обрамлении лавровых ветвей с девизом «Et consilio et zobore» («И советом, и мужеством»)³.

Корона на головинском гербе была графская. Ещё одним из символических утверждений принадлежности России к европейской цивилизации стало при Петре I получение титулов иностранных монархов. Головин, вторым после Меншикова, удостоился в Вене в 1698 г. от императора (и с разрешения царя) титула графа Священной Римской империи германской нации.

В конфликте с царевичем Алексеем Пётр полагал, что плохо скрываемое недовольство царевича его образом правления есть личная прихоть ленивого и недалёкого наследника. Угроза лишить Алексея наследия, спровоцировала бегство последнего в Австрию, что подвело основу к подозрению царевича в измене. Через А. Румянцева и П. Толстого обещанием прощения Пётр вернул сына в Россию. Как отец он даёт прощение царевичу, а как государь «за Отечество своё не жалеющий ни своего живота, ни животных подданных», простить его не может и фактически обрекает наследника престола на смерть.

Суд сановников, назначенных царём, был не более чем спектакль, организованный для придания законности расправы над наследником перед просвещённым западноевропейским мнением, а заодно и проверки лояльности российских чинов, назначенных в судилище. Старого фельдмаршала Б. П. Шереметева, сообщившего Петру о своей болезни, царь заподозрил в нежелании участвовать в суде и под угрозой опалы вытребовал в Петербург. По дороге Шереметев скончался, так что, скорее всего, царские подозрения были напрасны. Как обнаружил Н. И. Павленко, степень пыток, применённых к царевичу Алексею на следствии в спе-

¹ На античных монетах такое встречалось. На русских православных иконах такое направление было каноном. Западная геральдика требовала разворота справа налево.

² Медаль на первое путешествие Петра I по Европе (1698) Головина // Петровское барокко : [сайт]. URL: <http://petro-barocco.ru/archives/2826> (дата обращения: 06.01.2022).

³ Медаль в честь Фёдора Алексеевича Головина // Петровское барокко : [сайт]. URL: <http://petro-barocco.ru/archives/2837> (дата обращения: 06.01.2022).

циально созданной по его делу Тайной канцелярии, сильно превышала обычную практику пытки, применяемой главным органом политического сыска того времени – Преображенским приказом. Остаться в живых у Алексея Петровича просто не было шансов. Понятно, что превышение нормы пыток в отношении царского сына, как и смертный приговор ему, вынесенный сановниками, могли появиться только с санкции Петра.

Как ни странно, но по случаю дела царевича Алексея тоже была выпущена памятная медаль, причём ещё до судилища над царевичем. Дата чеканки на медали – декабрь 1717 г. На лицевой стороне красовалось погрудное изображение Петра в профиль с надписью по кругу: «ПЕТРСЪ. ПЕРВЫИ. БОЖІЕЮ МІЛОСТІЮ. ІМПЕРАТОРЪ. РОСІИСКІИ». Как мы видим, налицо пример позиционирования Петром себя как императора, хотя до официального поднесения сенаторами прошения о принятии царём императорского титула ещё остаётся почти 4 года. Принимая в 1721 г. титулы «Великий», «Отец народа» и «Император», пришедшие в западноевропейскую и российскую действительность из древнеримской истории, Пётр скажет, что будет «трудиться о пользе и прибытке общем, который Бог нам перед очьми кладёт»¹.

На оборотной стороне медали имела надпись: «ДОБРОДЕТЕЛЬ. ТВОРИТЬ. БЛАГОДШНА». Российское государство олицетворял орёл, сидящий в гнезде и укрывающий крыльями птенцов (очевидно, подданных). Голова орла была обращена в сторону восходящего солнца. Гнездо располагалось между сухой ветвью (аллегория на царевича Алексея) и живой ветвью с листьями и плодами², очевидно, символизирующими других возможных наследников. В 1718 г., как

мы знаем, официальным наследником был провозглашён царевич Пётр, сын Петра I и его второй жены Екатерины, прозванный родителями «Шишечкой». По смерти «Шишечки» был принят закон о престолонаследии 1722 г, которым император России подобно римским и византийским императорам оставил за собой право назначить себе любого наследника. Лучший публицист петровской эпохи Феофан Прокопович в «Правде воли монаршей» обосновал это решение интересами «общего блага».

На деле гибель царевича внушила не столько веру в преданность Петра I служению «общему благу», сколько укрепила прежнюю уверенность во всевластии и всемогуществе обладателя шапки Мономаха. Лишь староверы, бегущие к сибирским окраинам страны, противопоставили царской воле свою наивную средневековую сказку о «царевиче Нечае», Алексее, спасшемся Божьим чудом и скрывающимся среди старообрядцев.

В петровское царствование в честь разных событий было выпущено множество памятных медалей. Только посвящённых военным победам России начеканили на Монетном дворе 12. А выпускались ещё медали по случаям основания Кроншлота и Петербурга, поездок царя за границу, окончания процесса по винам царевича Алексея и другим поводам. Большинство из медалей имело изображение царя. Медали также вводили русского зрителя в эстетический и этический мир Ренессанса. В понимание прежде всего социальной элиты России вошли образы-символы античных богов и героев, преимущественно с римской формой имён – Марс, Амур, Геркулес и т. п., но встречалась и Афина-Паллада как дева-воительница и олицетворение мудрости. Появлялись цитаты античных авторов. Так, аверс медали 1704 г. в честь основания Кроншлота имел девизом цитату из Вергилия на латыни (*нер.*: «Паллада о крепости, которую основала, сама заботится. Вергилий»). На лицевой

¹ ПСЗ РИ. Т. VI. № 3840.

² Медаль в память процесса царевича Алексея (1717) // Петровское барокко : [сайт]. URL: <http://petro-barocco.ru/archives/2815> (дата обращения: 06.01.2022).

же стороне в обресе поместили и более понятную фразу: «Кроншлот среди зимы российским императором построен, 1704». А на реверсе латинская надпись цитировала уже Овидия («В зимнее время на гнезде сидит Альциона¹, тогда безопасна дорога моря. Овидий. Метаморфозы²).

Наибольшим смысловым подтекстом, подводящим итоги царствования Петра Великого, обладала вторая из 3 посмертных медалей в честь почившего государя. На лицевой стороне был расположен портрет Петра в доспехах римского императора и лавровом венке. Царский профиль был обращён вправо. Это важная деталь, т. к. западные геральдические правила требовали «смотреть» влево. Поворот профиля, аналогичный русской иконографической традиции, мог олицетворять самозначимость России в Европе и словно отражал записанную А. И. Остерманом фразу позднего Петра. Когда Россия на международной арене попала в блестящую изоляцию после победы над Швецией в Северной войне, зафиксированной в чрезмерных, по мнению многих в Европе, статьях Ништадтского мира, Пётр якобы заявил: «Мы возьмём всё, что нужно в Европе, а потом повернёмся к ней задом!».

Надпись на русском по кругу аверса гласила: «ПЕТРЪ. ВЕЛИКИ. ІМПЕРАТОРЪ. ИСАМОДЕРЕЦЪ. ВСЕРОСІСКИ». На реверсе на фоне бескрайнего моря и парусника неслась на облаке аллегоричная фигура Вечности, уносившая в своей руке Петра в небеса. Надпись фиксировала слова, обращённые императором к аллегоричной фигуре России в образе женщины, сидящей на берегу: «ВИЖЬ КАКОВУ ОСТАВИХЪ

ТЯ»³. Два лавровых дерева символизировали славные дела и вечную жизнь. Рядом с фигурой России находились символы государственной власти, науки, искусства и военной мощи. Для русского общественно-политического сознания (конечно, элитарного) революционным было включение в число достижений Петра, как государя, науки, которой в принципе не существовало в старомосковской России, и искусства, которое в прежние времена большинство служилых людей вряд ли бы отнесли к важным для монарха делам.

Появление русских орденов

Традиция выпуска медалей в России имела определённый отечественный источник. В XVII в. на Руси существовал обычай награждения за заслуги перед монархом особыми золотыми и серебряными монетами, не имевшими значения денег. Пётр помимо памятных медалей, подражая западной традиции, учредил 2 российских ордена: мужской и женский. Особый нагрудный знак символизировал принадлежность человека к ордену, обществу людей, совершивших, с точки зрения высшей государственной власти, достойные прославления поступки.

Мужчины могли быть пожалованы «вступлением» в орден Апостола Андрея Первозванного, который был учреждён 30 августа 1698 г. и имел одну степень. Первым орденосцем 10 марта 1698 г. (по юлианскому стилю) стал Ф. А. Головин. Мы знаем об этом из записок И. Г. Корба, секретаря австрийского посольства в России. «Его царское величество учредил кавалерский орден Св. апостола Андрея. Кавалеры будут носить крест такого вида, как обыкновенно изображают крест Св. Андрея, называемый иначе бургундским; надпись на лицевой стороне: “Св. Апостол Андрей”, на оборотной: “Пётр Алексеевич, обладатель и самодер-

¹ Альциона (др.-греч. Ἀλκυών – «зимородок») – в античной мифологии дочь Атланта. Именем Альционы названа одна из ярчайших звезд.

² Медаль на строительство Кроншлота (1704)-2 // Петровское барокко : [сайт]. URL: <http://petro-barocco.ru/archives/2840> (дата обращения: 06.01.2022).

³ Медаль на смерть Петра I (1725)-2 // Петровское барокко : [сайт]. URL: <http://petro-barocco.ru/archives/2768> (дата обращения: 06.01.2022).

жец Российский», поперёк имя царевича: «Алексей Петрович». Этот орден установлен как знак отличия для тех, которые во время турецкого похода прославили себя храбрыми подвигами. Его царское величество пожаловал боярина Головина первым кавалером этого ордена и дал ему знаки оногo. Боярин сегоднѣ же вечером¹ показывал этот орден императорскому посланнику и рассказал ему содержание устава» [11, с. 54–55].

Не последнюю роль тут сыграло то, что Фёдор Алексеевич был не только одним из трёх великих послов в Великом посольстве в Европу в 1697–1698 гг., но в этой роли принял самое деятельное участие в наёме на русскую службу иностранных моряков, а ранее осенью 1695 – весной 1696 гг. вместе с Лефортом координировал строительство на р. Воронеж первого петровского флота. По учреждению в Москве 11 декабря 1698 г. «Приказа воинского морского флота» Головин возглавил его. А флот, как известно, являлся любимым детищем Петра. 21 апреля 1699 г., после смерти ближайшего личного друга Петра адмирала Франца Лефорта, Головин стал первым из русских генерал-адмиралом флота².

В 1699 г. Пётр также внёс изображение ордена Андрея Первозванного и цепи к нему в российский герб. Элементы ордена Св. Андрея Первозванного вошли чуть позже в знаки гвардейских полков. Для преображенцев эскиз креста Андрея Первозванного нарисовал сам царь.

На западные истоки орденской системы в России указывает «Устав ордена Св. Андрея Первозванного», окончательно выработанный при Петре лишь в

1720 г.: «...мы сей наш новый орден именем сего Св. Андрея назвать за благо избрели; наипаче же и для того, что орден Св. Андрея, яко патрона и заступника, в Шотландии уже пресёкся; а другой от Филиппа Доброго, герцога Бургунского и Брабантскаго, в 1430 г. в честь Пресвятыя Богородицы и Апостола Андрея устроенный, в орден Золотого Руна превращён от цесаря Карла». Изучавший историю ордена А. Л. Хазин считает также аргументированным мнение Г. В. Вилинбахова, развиваемое Э. Зицером, что при Алексее Михайловиче в России появился культ Константиновского Св. Георгия, знака ордена, учреждённого римским императором Константином Великим в 312 г. [4, с. 219]. Почитание Константиновского креста может быть отнесено к русским истокам орденской системы Петра I.

Девиз ордена Андрея Первозванного, ставшего в дальнейшем главным орденом Российской империи, гласил: «За веру и верность». Он был близок и понятен как человеку с традиционным религиозным мировосприятием, так и людям Нового времени.

В 1703 г. сам царь Пётр Алексеевич и его любимец Алексашка Меншиков получили право носить знак ордена Св. Андрея Первозванного за подвиг по захвату в акватории вблизи Ниеншанца 2 шведских фрегатов. Это была чистой воды авантюра, героическая и опасная, не имевшая особого военного смысла, т. к. крепость Ниеншанц 1 мая 1703 г. уже сдалась русским. Однако захват фрегатов стал первой победой русских на Балтийском море. «Шведский адмирал Нумерс, не зная, что Ниеншанцем уже овладели русские, отправил 5 мая 2 корабля своей эскадры в устье Невы. Пётр решил атаковать корабли. Ранним утром 7 мая под покровом тумана от берега отчалили 30 лодок с солдатами. Половиной из них командовал Пётр, другой – Меншиков. Оба отряда лодок подкрались к шведским кораблям и одновременно взяли их на abordаж. Быстротечная схватка закончи-

¹ Запись относится к 20 марту 1698 г. по григорианскому стилю.

² Интересно, что сам Ф. А. Головин, как прежде Лефорт, не был военно-морским специалистом или «флотона начальником, выигрывавшим морские баталии. Однако он понимал это и сосредоточился на администрировании привлечения на русскую службу профессиональных западноевропейских военно-морских чинов, в чём преуспел и стал, таким образом, одним из создателей военного флота России.

лась овладением кораблями и почти полным истреблением экипажей, поскольку они “пардон зело поздно закричали” [7, с. 40]. В честь захвата фрегатов была выпущена медаль с девизом: «Небываемое бывает».

Женщин в петровское время могли по царскому указу приобщить к ордену Св. Великомученицы Екатерины. Этот орден был учреждён 24 ноября 1714 г. Орденом Св. Екатерины Пётр наградил только свою вторую супругу. Отчасти это был жест легитимации Екатерины как царицы после официального оформления брака в 1712 г. Долгое время Екатерина, популярная среди гвардейцев и «худородной» по происхождению новой знати (выдвиженцев из «птенцов гнезда Петрова»), не пользовалась расположением как у «фамильных людей» из старой аристократии, так и у высшего духовенства. Последнее, к примеру, упорно не отмечало тезоименитств Екатерины в церковных службах, хотя традиция такого праздника в честь царицы существовала со старомосковских времён.

После смерти Петра орден Св. Екатерины большого орла вручался только женщинам из царской семьи числом не более 12, а малого орла, числом не более 94 награждённых, – жёнам высших сановников с учётом государственных заслуг мужей.

Обязательным условием «зачисления» в Орден для российских подданных была принадлежность к шляхетскому сословию. Кстати, частое при Петре ещё до обнародования в 1722 г. «Табели о рангах» пожалование шляхетства простолюдином за служебное рвение и заслуги перед монархом также было наградой. Идеальный подтекст состоял в простой формуле: беззаветная служба государю/государству – высшая добродетель для россиянина. Дарование шляхетства простолюдину моментально возвышало его в общественных представлениях над представителями тяглых сословий. Пётр стремился к объединению всех старорус-

ских служилых наследственных сословий (бояр, дворян, сынов боярских) с новыми выдвиженцами в рамках единого шляхетского сословия.

Заемствование польско-литовского названия здесь неслучайно. О французских шевалье или немецких рыцарях в России знали не много, в то время как о шляхетстве Речи Посполитой хорошо было известно. Кроме того, тайно все русские служилые люди по отечеству завидовали его привилегиям и высокому положению. Называя себя шляхтичем, русский дворянин возвышался в собственном представлении над «народом рабочим, крепостным» и это примиряло его с возросшими тяготами его бессрочной службы государю.

Флот как символ Петровской эпохи

Любимым детищем Петра и серьёзным нововведением для России являлся военный флот. Помимо своего прямого назначения, он использовался и в качестве средства пропаганды. Причём здесь личная опека Петра была почти монопольной. Царь ещё в годы своей первой войны с Турцией в указе от 25 мая 1699 г. [5, с. 51; 12] застолбил за собой право выбирать названия судов, девизы, поясняющие смысл названий, и, наконец, скульптуры-аллегии и прочие украшения для кораблей. Ориентировался царь главным образом на примеры из книги де ла Фейя «Девизы и эмблемы».

Особую гордость царя по началу составлял «Гото предестинация» (лат. «Goto Praedestinatio» – «Божье предвидение»). Этот трёхмачтовый линейный корабль 4 ранга с экипажем в 253 человека имел на вооружении 58 пушек. Он был заложен на Воронежской верфи 19 ноября 1698 г. У современников закрепилось убеждение, и это очень значимо для представлений петровского времени, что конструкцию судна придумал сам царь.

Как не вспомнить свидетельство автора XVI в. С. Герберштейна, что русские полагают, что их государь знает и умеет

всё. Историки флота считают, что, скорее всего, Пётр I лично внёс изменения в привезённый им из Англии британский чертёж, чтобы корабль мог ходить по мелководью [3; 5]. Построен «Гото предестинация» был русскими корабельными плотниками во главе с Ф. М. Складным и Л. А. Верещагиным, которых царь отозвал из Венеции, где оба проходили обучение. Внешний вид корабля приучал вкус россиян к стилю, который искусствоведы позже назвали петровским барокко. Резьба на носу, корме и венки вокруг портов для пушек были позолочены, внутренняя часть бортов с портами была окрашена в огненно-красный цвет. Синие и красные надстройки на палубе имели позолоченные декоративные украшения с изящной резьбой. Под бушпритом находилась позолоченная фигура коронованного льва с прильнувшим к нему золотым ангелом. Корабль имел ещё много вызолоченных скульптур людей и животных по бортам и в каюте капитана. На корме над окнами капитанской каюты в центре гакаборта располагался овал с изображением коленопреклонённого апостола Петра. Над ним на фоне золотого солнца с лучами и голубя поместили девиз: «И на семъ камени созиждю церковь мою». Овал с каждой стороны окружали с трезубцами в руках по два Нептун, сидящих на фантастических рыбах, которые плыли по голубым волнам¹.

¹ Представление о внешнем и внутреннем виде «Гото предестинации» даёт его реконструкция, созданная при участии историков и музейных работников в 2011–2014 гг. Реконструкция основывается на изображениях «Гото предестинации», выполненных художниками, его видевшими (на триптихе А. Шхонебека, гравюрах из «Куншт корабельных» П. Пикарта и рисунках П. Бергмана), а также на его описаниях в письмах и других документах Петровской эпохи. Никах чертежей корабля не сохранилось. Существует довольно обширная литература о «Готопредестинации». Особой значимостью обладают статья И. А. Иванова и А. С. Константинова «Первый линейный корабль России», напечатанная в журнале «Моделист-конструктор» в № 9 за 1981 г. (с. 14–26), очерк «Готопредестинация» – первый линейный корабль русской постройки» Л. И. Алешина, В. И. Барыше-

Спуску «Гото предестинации» на воду 27 апреля 1700 г. был придан статус большого всероссийского и международного масштаба. Пётр привёз на Воронежскую верфь многих своих сановников, наследника престола – царевича Алексея, иностранных дипломатов. За действием наблюдали сотни простых жителей Воронежа и крестьян окрестных сёл, все русские и иноземные плотники верфи, солдаты гарнизона.

Ради справедливости скажем, что с практической точки зрения корабль оказался не так хорош, как красив. Его пришлось дорабатывать ещё до 1710 г., когда он, наконец, с русским экипажем при капитане и лекаре «немцах» вошёл в состав Азовского флота. Однако Азов пришлось вернуть османам после провала Прутского похода 1711 г. Азовский флот был уничтожен или частично продан Турции (включая «Гото предестинацию»).

Но к этому времени на Остзее, как тогда называли Балтийское море, имелся уже другой более мощный и современный флот. Недалеко от Ниеншанца 16 мая 1703 г. на Заичьем острове была заложена крепость, названная на голландский манер – Санкт-Петербурх. В 1705 г. здешняя Адмиралтейская верфь приступила к строительству кораблей. А двумя годами раньше на Олонецкой верфи при участии Петра сразу начали постройку 43 различных кораблей. К концу петровского царствования насчитывалось 147 линейных судов. Им часто царь утверждал имена животных и даже насекомых. К примеру: «Элефант» (девиз «Злым – лих»), «Спящий лев» (девиз «Сердце его бдит»), «Скорпион» (девиз «Смертью его исцеляются»). Другие корабли носили военные угрожающие названия: «Бомба» (девиз

ва и двух уже названных выше авторов в журнале «Судостроение» (№ 2 за 1977 г., с. 38–40) и статьи А. В. Иванова «Уникальный рисунок первого русского линейного корабля «Гото предестинация». Воссозданный корабль-музей может ходить по Воронежскому водохранилищу на дизельном ходу, но плавал он лишь раз и был пришвартован к пирсу у Адмиралтейской площади г. Воронеж.

«Горе тому, кому достанусь»), «Шпага» (девиз «Покажи мне, где суть лавровые венцы»), «Барабан» (девиз «Непотребен без грома») и т. д. Мелкие боты назывались с юмором. Так кораблик с именем «Три рюмки» имел поучительный девиз «Держи во всех делах меру». Привычку к иностранным названиям воспитывали такие имена кораблей, как: «Бир-Драгерс» («Пивоносец»), «Вайн-Драгес» («Виноносец») и т. п. [12, с. 104–106].

Л. Чёрная произвела сравнительный рейтинг употреблявшихся в Петровскую эпоху девизов и пришла к мнению, что при оформлении кораблей, как и гравюр, медалей, орденов, чаще всего использовались слоганы, апеллирующие к Богу: «С божьей помощью», «Божье сему есть предвидение», «Бог всем управляет» и т. п. [12, с. 106], что не удивительно, учитывая, что окружение Петра, да и сам государь, во многом сохраняли привязанность к религиозным традициям, а простой российский люд и не вышел за пределы старомосковского восприятия мира только через постулаты своей православной веры.

Театральные спектакли и Триумфы

Обратимся, однако, к другим формам внушения публике важных для Петровской эпохи истин.

Одной из таких форм был театральный спектакль-панегирик. Первый любительский театр в России, возник, как известно, при Алексее Михайловиче. Постановки разыгрывали ученики протестантской школы Немецкой слободы и актёры из холопов А. С. Матвеева при деятельном участии царевны Софьи. Спектакли прекратились в царствование Фёдора Алексеевича. Новому царю нравилась музыка. Он распространил в России западную музыку, а заодно и западную нотную грамоту, вытеснившую старорусские крюки. Пётр решил вернуться к начинанию времён отца.

В 1702 г. в Москву была приглашена профессиональная труппа Иоганса Кун-

ста. На Красной площади возвели «хоромину», вмещавшую до 2000 зрителей. Однако спектакли, разыгрываемые артистами-немцами, быстро надоели царю. Он уставал от роли пассивного наблюдателя пьес, не связанных с первостепенными делами его государства. В итоге роль «народного театра», выполнявшего государственный агитационный заказ, опять перешла к юным любителям. На сей раз это были уже не школьники пасторской школы, а студенты Славяно-греко-латинской академии. Многие из них были переведены в Москву из Киево-Могилянской академии, где существовала своя любительская театральная традиция, впитавшая отчасти черты польского театра.

29 декабря 1701 г. под Эрестфером русские одержали первую свою победу в Северной войне. 4 февраля 1702 г. студенты духовной Академии уже разыгрывали спектакль «Страшное изображение второго пришествия», являвшимся панегириком-аллегорией в честь победы отряда Б. П. Шереметева. Центральный персонаж – Марс Российский – появлялся на сцене как победитель прегордых шведов. Фортуна возлагала на голову Марса венец и вместе с Победой украшала «столп торжественный», а русский Орёл опускался на эту колонну и метал огненные стрелы.

Это незамысловатое, но радостное и наполненное «спецэффектами» зрелище входило в контекст Триумфа, посвящённого Эрестферу. Зрители быстро находили привычных ещё их предкам врагов России – «агарян проклятых», «еретиков богоотступных», «шведов, немцев проклятых» – и ликовали по случаю победы «наших», попутно знакомясь с античными Марсами и Амурами, ставшими теперь тоже «нашими».

Понимая недостаточную востребованность у населения в печатных панегириках, Пётр счёл правильным воздействовать на менталитет своих подданных через массовые праздничные зрелища, в контекст которых вплетались важные для

государства идейные послы и новины. Поводами к таким действиям служили военные победы, истари почитаемые населением как лучшее доказательство силы государя и богоизбранности его власти.

На Западе Европы ещё в эпоху Ренессанса в XIV–XVI вв. возродился жанр древнеримского парада Триумфа, в XVII в. он стал непременной частью празднования военных побед. Пётр и его окружение имели представление о западных Триумфах из рассказов служилых иноземцев и других обитателей столичной Немецкой слободы. Триумфы стали своего рода «визитной карточкой» петровского царствования.

Через Триумфы все интеллектуально-ментальные, этико-эстетические, религиозно-философские и политические наработки Ренессанса, Барокко и раннего Просвещения хлынули в Россию, работая на прославление центральной государственной фигуры – царской особы, которая в любом Триумфе оказывалась главным героем.

Первый Петровский триумф был организован в Москве 30 сентября 1696 г. в честь взятия Азова. С 9 утра до темноты по столичным улицам шли войска. Солдаты-победители двигались внутри людского коридора из пленных турок. «Праздновались подвиги командующих, генерала и адмирала Лефорта и генерала Шеина, подразумевались подвиги самого Петра, который являлся «Большим Капитаном». Семёновский полк вёл полковник Чемберс, генерал Патрик Гордон шёл во главе своих войск, а замыкали шествие полки стрельцов. В процессии шли и австрийские, и бранденбургские инженеры, а также Франц Тиммерман со своими кораблестроителями и плотниками» [2, с. 348]. Демонстративное единение русских и «немцев» в этом параде также было публичной демонстрацией, снимающей прежние религиозно-национальные барьеры. Взгляд на Европу как очаг цивилизации стал одной из революционных идей Петровской эпохи. В этом случае, как и в

пропаганде пользы наук и светского образования, петровская европеизация выходила за рамки поверхностного подражания внешним формам и приёмам.

Американский историк Р. С. Уортман подчёркивает особую значимость аллегорических изображений и надписей, украшавших Триумфальную арку. Бросались в глаза массивные барочные фигуры Геракла и Марса с надписями «С Геркулесовой крепостию» и «С Марсовой крепостию». «В Геркулесе и Марсе русские столкнулись с западными метафорами монарха-героя, монарха-бога...» [10, с. 68–69]. Цитата из Евангелия от Луки, помещённая на фронтон Арки, «Достоин делатель мзды своя» сопровождалась не иконой, а изображением «античной крылатой Победы с лавровым венком и зелёной ветвью в руках».

Присутствовали и надписи с упоминанием римского императора Константина, но не как защитника христианства, с которым так любили сравнивать прежних московских монархов русские монахи-книжники. Теперь на золотых гобеленах Константин выступал аллегорией царя Петра, прославляя его как монарха-воина, возвращающегося подобно римскому императору с победой и празднующего свой триумф «над нечестивым царём Максентием римским» [10, с. 69] (аллегорическим воплощением османского султана).

Не забывали петровские триумфы упомянуть и сподвижников царя. В их честь также звучали панегирики.

На московском Триумфе 1696 г. на крыше Триумфальной арки стоял Андрей Андреевич Виниус, сын голландца Андрея Виниуса (Старшего), создателя первой в России железоделательной европейской мануфактуры под Тулой (1632 г.), принявшего, в конце концов, православие, а вместе с ним и русское подданство. Младший Виниус был думный дьяк и главный почтмейстер России. На Триумфе он читал стихи собственного сочинения в честь Франца Лефорта:

«Генерал-адмирал, морских воев всех
Страх велий в Азове и всюду сил глава!
Пришед, зрей, победил прегордаго врага.
Мужеством командора турок вскоре поражен!
Премногих же оружий и запасов си лишён,
Сражением жестоким бусурманы побеждены;
Корысти их отбиты, корабли запалены;
Оставшиеж ся в бегство ужасно устремиша,
разшириша.
По сих, их сила многа на море паки прииде,
Но в помощь в град Азов от сих никтоже вниде:
Сие бо возбранила морских ти воев сила.
Их к сдаче град Азов всю выю наклонила.
И тем бо взятием весело поздравляем,
Труды же командора триумфом прославляем¹».

Перефраз «Пришед, зрей, победил» сравнивал с Юлием Цезарем даже не столько Франца Лефорты, сколько царя. Слова «пришёл, увидел, победил» были также помещены на Арке в трёх местах.

Звучал панегирик и воеводе Алексею Семёновичу Шеину:

«О великий воевода! ты мы восхваляем,
Преславные твои дела по всюду разширяем!
Радуйся, полководче, агарян победивый,
Полки татар и турок прехрабро прогонивый!
Где ныне гордость их, яже в высоту восходила,
Во все три части мира пространство размирила.
Преполная луна у них се ныне ущербляет,
Взятием бо Азова весьма ся умяляет.
Желаем же прилежно, как ныне побеждал
И в будущия б лета Измаил указал.
Преславное же воинство победы одержали,
С такими жь радостями в свояси возвращали.
Прехвальные те дела прияли достоинства,
И двалетние труды всего преславна воинства,
Сими враты победы повсюду разширяем
И подвиги прехрабры триумфом прославляем²».

Пушки салютовали Азовской «виктории». Музыканты, русские и иноземцы били в литавры и барабаны, звучала

европейская военная музыка. Вечером обязательно зажигались фейерверки в форме какой-нибудь аллегорической надписи или символического изображения из античной мифологии. Кстати, первые фейерверки завёл в России вовсе не Пётр, а его единокровный брат царь Фёдор III Алексеевич (1676–1682). Он являлся крёстным отцом Петра и веселил довольно часто маленького брата-крестника этим невиданным прежде зрелищем. Однако именно Пётр стал использовать фейерверки как часть идеологического спектакля.

В дальнейшем Триумфы, подобные Азовскому, но ещё более пышные и долгие, стали обычным делом. И всё это было так не похоже на старый колокольный звон и шествие духовенства с иконами. Впрочем, колокольный звон нигде не исчез. Но и в православных храмах на европейский манер духовные лица читали теперь сочинённые ими похвальные проповеди в честь царя и его великих дел. Они имели тот же смысл, что и вирши Андрея Виниуса, но были куда более поучительными и совершенными.

Продолжение получила и старорусская традиция почитания святых. В ранг государственного культа было введено почитание Александра Невского. При этом было полностью перестроено понимание памяти этого святого. Из благоверного князя, успевшего перед смертью принять постриг, а потому и изображаемого прежде на иконах в образе схимника, по государеву указу Александр превратился в идеал воина, изображаемого только в доспехах или другом княжеском облачении. Царским указом изменили и дату почитания, перенесли её на дату подписания Ништадтского мира. Выбор Св. Александра Невского и развитие вокруг него особой государственно-религиозной мифологии, понятной народу, куда лучше барочных аллегорий из античной мифологии объяснялся предельно просто. Невскую битву 1240 г., как и Ледовое побоище 1242 г., легко было представ-

¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра) / сост. Т. С. Майкова. М., 1974. С. 103–132.

² Дневниковые записи И. А. Желябужского (время Фёдора Алексеевича и Петра Великого) // Русский архив. 1910. № 9. С. 136–137.

лять истоками петровского «прорубания окна» в Европу.

Уже после смерти Петра, в 1725 г. был учреждён и новый российский орден – орден Св. Александра Невского.

С введением нового счёта лет от Рождества Христова (1700 г.) начало Нового года в России переместилось с 1 сентября на 1 января. Царским указом повелевалось, что надо как в Европе шумно и весело праздновать наступление Нового года с ёлками и хвойными гирляндами, с пальбой, угощениями, а главное с рвением, не меньшим, чем празднование Рождества с молитвой.

В утверждении «нового и цивилизованного» огромную роль Пётр придавал переодеванию служилых и горожан в «немецкое платье» и ношению ими «европейских» причёсок и париков. А поскольку петровской манере управления была свойственна спонтанность, склонность к режиму «ручного управления», то и здесь начало было положено импульсивным царским поступком. В августе 1698 г. по возвращении из заграничного вояжа царь собственноручно начал резать бороды и подолы старорусского платья. Прежде в России брадобритие считалось «елинской ересью». В феврале 1699 г. на шуточном освящении роскошного дворца, построенного в стиле европейского барокко в Немецкой слободе на Яузе, для главного любимца, друга и во многом учителя Петра I – женеваца Франца Лефорта, царь, вооружась ножницами, резал подолы старорусского платья у своих вельмож. Чуть позже в Китай-городе и у Чудова монастыря в Кремле появились листы с публикацией указа, чтобы в Москве и прочих городах все люди, а дворяне повсеместно, носили бы немецкие и венгерские кафтаны. В столице, где первая реформа по перемене старорусского платья на польский кафтан (но при запрещении немецкого костюма) прошла ещё при Фёдоре III, нововведение принимали спокойно. Совсем иное творилось в провинциальных городах. В Астрахани,

восставшей от возрастающих налогов и произвола властей, звучал клич: «За бороду и русское платье!».

Волей царя вводился ещё один «еретический» прежде обычай, за который ранее грозила смертная казнь, – курение табака.

Разгром бунтовщиков астраханцев, как и прочих восставших в многочисленных бунтах Петровской эпохи, освещали с церковного амвона и при чтении указов с лобного места, но не только.

На смену «Курантам», первой своего рода рукописной газете XVII в., читаемой только перед царём и боярами, в 1703 г. пришла европейская газета «Ведомости» с огромным по тем временам тиражом в 2000 экземпляров. Стоит согласиться с оценкой её роли, высказанной американским учёным Р. Пайпсом: «Это издание не только внесло большой вклад в русскую культурную жизнь, оно также ознаменовало важнейшее конституционное нововведение, ибо этим шагом Пётр положил конец московской традиции обращаться с внутренними и иностранными новостями как с государственной тайной» [8, с. 173].

Заключение

Мы привели лишь некоторые формы государственной идеологии Петровского времени. Насколько они вместе с многочисленными панегириками и прочими формами и способами донесения до публики важных для власти идеологием изменили менталитет русского населения к моменту смерти их инициатора Петра I?

Безусловно, наибольшее влияние было оказано на дворянскую социальную элиту, и об этом написано немало. Но, что не менее важно, память о Петре и оценка его дел сохранились в народном фольклоре. Народные сказания очень противоречивы. Мы можем найти и образ Петра как Антихриста в старообрядческом фольклоре, и образ Петра как Великого императора. Последнее свидетельствует о том, что до определённых народных слоёв идейные послы петровской пропаганды достигались.

Обычно, когда речь идёт о кончине императора Петра I, приводят погребальное слово Феофана Прокоповича: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!... безмерное богатство силы его и славы его... при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет; сделал врагам страшною, страшная и будет; сделал на весь мир славною, славная и быти не перестанет. Оставил нам духовные, гражданские и воинские исправления» [6, с. 552].

Однако и в фольклорных источниках мы находим памятники, родственные панегирику Прокоповича. Нам хочется закончить статью примером одной солдатской песни, отражающей новое мировосприятие рядовой служилой массы, воспитанной петровским «Воинским уставом», собственными воинскими подвигами и Триумфами в их честь. «Песнь» явно солдатская, но записана она в крестьянской среде уже в XIX в., что тоже немало важно. Создан данный источник был по средневековым канонам народного плача, но с идеологией, звучавшей в ходе публичных представлений Петровской эпохи. Публикаторы назвали песню «Смерть Петра I». Она начинается с рассказа о последних часах жизни императора:

Под одеялечком лежит удалой добрый молодец,
Удал добрый молодец, наш православный царь.
Православный царь Пётр Алексеевич.
Перед ним стоят все князья-бояре,
Все старшие фельдмаршалы:
«Тебе, видно, худо можется,
Худо можется конец близится.
На кого ты своё царство приказываешь,
На кого ты своё государство отказываешь?
Кому у нас будет сенат судить,
Кому у нас владеть каменной Москвой,
Каменной Москвой, всей Россиею?»
А возговорил наш батюшка православный царь,
Православный царь Пётр Алексеевич:
«Сенат судить вам, князьям-боярам,
Каменна Москва и Россия вся — моей государыне».

Услыхала государыня,
Из палат идёт, сама вопит:
«О ты гой еси, мой мил-сердечный друг,
Православный царь Пётр Алексеевич!...

Следующий сюжет этой печальной баллады переносит нас уже к похоронам царя:

Ах ты батюшко светел месяц.
Что ты светишь не по старому,
Не по старому и не по-прежнему.
Всё ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей тёмною.
Что у нас было на Святой Руси,
В Петербурге в славном городе,
Во соборе Петропавловском, что у правого
у крылоса.

У гробницы государевой,
Молодой солдат на часах стоял,
Стоючи, он призадумался,
Призадумавшись, он плакать стал,
И он плачет, что река льётся,
Возрыдает, что ручьи текут,
Возрыдаючи, он вымолвил:
«Ах ты матушка сыра земля,
Раступися ты на все стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
И ты встань, проснись, православный царь.
Посмотри сударь, на свою гвардию,
Посмотри на всю армию,
Уже все полки во строю стоят
...
Дожидаются они полковника,
Что полковника преображенного,
Капитана бомбардирского»¹.

В наивной и традиционной для фольклора форме здесь вполне чётко переданы события января 1725 г., включая отголосок официального объяснения причины кончины императора без составления духовной. Император выбрал наследника, когда в 1724 г. короновал свою вторую супругу Екатерину Алексеевну как императрицу. Звучит уважи-

¹ Исторические песни и баллады. М., 1991. С. 312.

тельный тон к высшим военным чинам (князьям-боярам, старшим фельдмаршалам), которым велено вести дела Сената, и так и невысказанная впрямую, но абсолютно понятная оценка деятельности Петра I. Очевидно, что воспитательная нагрузка петровских указов, триумфов и похвальных слов не оставила равно-

душной автора (авторов) этой песни, а вот образы из древнегреческих мифов, надолго вошедшие в символику дворянской мысли и в пространство высокого русского искусства, в солдатских головах явно не прижились.

Дата поступления в редакцию 29.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишин М. О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 100–101.
2. Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. I. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. 348 с.
3. Быховский И. А. Петровские корабли. Л.: Судостроение, 1982. 100 с.
4. Зицер Э. Орденские отступники: рыцарская идея в политической практике «компаний» Петра Великого // Пётр Великий : альманах / ред. Е. В. Анисимов. М., 2007. С. 210–240.
5. Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. 412 с.
6. Павленко Н. И. История Петра Великого. М.: Вече, 2006. 570 с.
7. Павленко Н. И. Пётр Первый и его время. М.: Просвещение, 1983. 144 с.
8. Пайпс Р. Россия при старом режиме / пер. В. Козловского. М: Независимая газета, 1993. 424 с.
9. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб.: С. В. Дорофеев, 2011. 608 с.
10. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М.: ОГИ, 2004. 605 с.
11. Хазин А. Л. Высшая награда Отечества. К вопросу о создании статута ордена Святого апостола Андрея Первозванного // Военно-исторический журнал. 2008. № 12. С. 53–55.
12. Черная Л. «Детская утеха принесла мужески триумф». Девизы Петра Великого как средства пропаганды, просвещения и патриотического воспитания // Родина. 2019. № 6 (619). С. 104–106.

REFERENCES

1. Akishin M. O. [«The Common Good» and the sovereign's decree in the era of Peter the Great]. In: *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Legal Journal], 2010, no. 3 (21), pp. 100–101.
2. Bogoslovskiy M. M. *Petr I. Materialy dlya biografii. T. I* [Peter the Great. Materials for a biography. Vol. 1]. Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1940. 348 p.
3. Bykhovskiy I. A. *Petrovskiy korabeli* [Peter's shipbuilders]. Leningrad, Sudostroyeniye Publ., 1982, 100 p.
4. Zitser E. [Order apostates: a knightly idea in the political practice of the «company» of Peter the Great]. In: Anisimov E. V., ed. *Potr Velikiy : almanakh* [Peter the Great : almanac]. Moscow, 2007, pp. 210–240.
5. Elagin S. I. *Istoriya russkogo flota. Period Azovskiy* [History of the Russian fleet. Azov period]. St. Petersburg, 1864. 412 p.
6. Pavlenko N. I. *Istoriya Petra Velikogo* [History of Peter the Great]. Moscow, Vech Publ., 2006. 570 p.
7. Pavlenko N. I. *Petr Pervyy i yego vremya* [Peter the Great and his time]. Moscow, Education Publ., 1983. 144 p.
8. Pipes R. Russia under the old regime (Russ. ed.: Kozlovsky V., transl. *Rossiya pri starom rezhime*. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1993. 424 p.).
9. Platonov S. F. *Lektsii po russkoy istorii* [Lectures on Russian history]. St. Petersburg, S. V. Dorofeev Publ. House, 2011. 608 p.
10. Wortman R. S. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii. T. I* [Scenarios of power. Myth and ceremony in Russian monarchy. Vol. 1]. Moscow, OGI Publ., 2004. 605 p.
11. Khazin A. L. [The highest award of the Motherland. On the issue of creating the statute of the Order of the Holy Apostle Andrew the First-Called]. In: *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Journal], 2008, no. 12, pp. 53–55.
12. Chernaya L. [«Children's joy brought a manly triumph». The mottos of Peter the Great as a means of propaganda, education and patriotic education]. In: *Rodina* [Motherland], 2019, no. 6 (619), pp. 104–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черникова Татьяна Васильевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации;
e-mail: Tchernikova1961@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Taniana V. Chernikova – Dr. Sci. (History), Prof., Department of World and Domestic History, MGIMO University;
e-mail: Tchernikova1961@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Черникова Т. В. Европейские новшества как внешний декор государственной пропаганды Петра I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 30–47.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-30-47

FOR CITATION

Chernikova T. V. European innovations as an external decoration of the state propaganda of Peter the Great. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 30–47.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-30-47

УДК 94(41/99)

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-48-57

ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АМАНАТСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И СЕВЕРЕ ТИХОГО ОКЕАНА

Петров А. Ю.^{1,2}, Савельев И. В.³

¹ Институт Всеобщей истории РАН

119334, г. Москва, Ленинский просп., д. 32А, Российская Федерация

² Московский государственный лингвистический университет

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

³ Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Аналитическое исследование генезиса института аманатства (политического заложенничества) и его развитие в Петровскую эпоху.

Процедура и методы. В статье применялись принципы объективности, диалектики, научности и историзма, анализа и синтеза. Для раскрытия темы были использованы методы: общенаучные, историко-правовой, проблемно-хронологический, системный и сравнительно-исторический.

Результаты. Аманатство – древний правовой институт, базировавшийся на основе норм обычного права и получивший повсеместное распространение. В петровскую эпоху институт аманатства окончательно оформился и продолжает эффективно применяться при освоении Дальнего Востока и севера Тихого океана. В качестве аманатов в основном использовались представители родо-племенной верхушки. Многие из них активно впитывали русскую культуру, язык, традиции, некоторые становились переводчиками, проводниками и даже священниками.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные сведения могут иметь практическую значимость в выстраивании политики по отношению к коренному населению, а также будут полезны при изучении широкого круга вопросов по истории АТР.

Ключевые слова: Петровская эпоха, колонии, история Русской Америки, аманаты, Тихий океан, экспедиции

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 22–18–00043) в Институте всеобщей истории РАН.

ERA OF PETER THE GREAT AND THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF AMANATS IN THE FAR EAST AND NORTH PACIFIC

A. Petrov^{1,2}, I. Savelyev³

¹ Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Leninskiy prosp. 32A, Moscow 119334, Russian Federation

² Moscow State Linguistic University

ul. Ostozhenka 38-1, Moscow 119034, Russian Federation

³ Northern (Arctic) Federal University (NARFU)

nab. Severnoy Dvini 17, Arkhangelsk 163002, Russian Federation

Abstract

Aim. Analytical study of the genesis of the institute of amanatism (political hostage-taking) and its development in Peter the Great's era.

Methodology. The article applied the principles of objectivity, dialectics, scientificity and historicism, analysis and synthesis. To reveal the topic, general scientific methods were used, as well as historical-legal, problem-chronological, systemic, and comparative-historical methods of research.

Results. Amanatism is an ancient legal institution based on the norms of customary law and rather widespread. In the era of Peter the Great, the institute of amanatism finally took shape and proceeded to be efficiently used in the exploration of the Far East and the North Pacific Ocean. Representatives of the tribal elite were mainly used as amanats. Many of them actively absorbed Russian culture, language, traditions, some became translators, guides and even priests.

Research implications. The data obtained can be of practical importance in building policies in relation to the indigenous population, and can also be useful in studying a wide range of questions on the history of Asia-Pacific countries.

Keywords: Peter the Great's era, colonies, history of Russian America, amanats, Pacific Ocean, expeditions

Acknowledgments. The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-18-00043) at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.

Введение

Со времени продвижения русских на север Тихого океана и выходу к Алеутским и Курильским островам продолжалось активное взаимодействие с коренными жителями. Русские в конце XVII – начале XVIII вв. продолжили взаимодействие с бурятами, ительменами, юкагирами, которые были объяснены, предоставили аманатов и активно заимствовали русскую культуру. В это же время начинается активное взаимодействие с чукчами, эскимосами и алеутами. Если первые 2 народности проявили свою воинственность и в целом не передавали заложников российским властям, то политическое заложничество (аманатство) со стороны алеутов являлось продолжением сложившейся в XVII в. сибирской практики.

Канадский исследователь Дж. Гибсон выдвинул концепцию «зависимости» русских от туземцев (зависимость от рабочей силы аборигенов и поставок ими продовольствия, от связей с туземками и пр.) [14, р. 358–359]. Действительно, русские переняли у островитян и образцы одежды (парки), которая больше все-

го подходила к суровому климату Алеутских островов, способы добычи морского зверя, навыки выживания в суровых условиях Аляски и Алеутских островов и т. д. Размер доставляемого в Россию промысла во многом зависел от умения и сноровки аборигенов, продававших пушнину русским или же добывавших её в составе промысловых партий.

Проблему аманатства изучали почти исключительно историки, а специалисты по истории права в курсе более широких проблем, связанных с изучением истории налогообложения и взимании ясака.

Генезис института аманатства и этимология термина

Одной из основных задач русских при продвижении и закреплении на новых территориях был сбор ясака с коренных народов. Этот процесс проходил как мирным путём, так и вооружённым. Важным элементом для решения территориальных вопросов, урегулирования споров и определённой гарантии от военных столкновений был институт аманатства.

Практика аманатства имеет истоки в истории первобытного общества

и зафиксирована в ранних источниках, связанных с обычным правом многих народов мира. Политическое и дипломатическое заложничество издревле имело место в обычном праве многих народов мира и в международных отношениях. Его использовали Византийская империя, Арабский халифат, русские княжества во взаимодействии между собой и половецкими ханами. Но умерщвление аманатов безо всякой причины считалось самым гнусным делом (например, Владимир Мономах раскаивался в умерщвлении половецких аманатов). В Средние века умерщвлять заложников считалось варварством; в случае нарушения договора заложник превращался в пленного. Поэтому в заложники брали только тех лиц, свобода которых была дорога для их правительств, нередко детей монарха. Так, Франциск I в обеспечение мадридского договора оставил испанцам своего сына¹.

Один из основоположников науки международного права Э. де Ваттель досконально описал правила относительно заложников: они должны быть из важнейших особ; обман относительно их качества есть преступление; только свобода их заложена, но не жизнь; как только выполнены условия договора, они должны быть освобождены; если заложник умрёт, его правительство не обязано дать другого; если принц в заложниках получает корону, его следует освободить и взять другого заложника; если условия договора не исполнены, заложник становится военнопленным; при этом он может вполне добросовестно порвать свою связь с государем, отдавшим его в заложники и отказавшимся от него, и взять подданство той державы, которой был отдан в залог [3, с. 45–50].

В новое время в мировой практике аманатство постепенно изживает себя –

стали верить слову государя и преимущественно использовали не личный, а вещевой залог. Но аманатство всё ещё было распространено в России XVI–XIX вв., причём в различных регионах Российской империи [8, с. 97–98]. Получил он своё развитие и приобрёл определённые особенности в период продвижения русских к берегам Тихого океана.

Вплоть до настоящего времени продолжают дискуссии о точном переводе и трактовке термина «аманат». Чаще всего переводят как *заложник*, что вошло в словари и концепции подавляющего большинства исследователей². Этот феномен можно объяснить отсутствием разъяснения на государственном уровне по отношению к тем или иным народам.

В одном случае мы видим аманата в качестве заложника в его историко-когнитивном восприятии, а в другом – представителя, почётного гостя, обладающего всеми свободами, получающего другой, более высокий, статус в глазах своих соплеменников и русских промышленников.

Этимология слова «аманат» предположительно относится к арабскому корню «аман», что обозначает *безопасность, обязательство, гарантия, благонадёжность*. Заимствование ориентализма «аманат» русским языком можно связать с его значениями: «гарантия», «надёжность» и «безопасность». Они были идентичны одному из устаревших смыслов исконных русских слов «*залог*», «*заклад*», связанных с поручительством при заключении договоров [13, с. 47]. В старорусском языке изначально существовал свой вариант слова – «*таль*»³.

Со временем смысл термина «аманат» трансформировался и стал отличаться от значения, которое ему было присуще при вхождении в лексико-семантическую си-

¹ Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. IV / под ред. П. Л. Лаврова. СПб.: Тип. И. Глазунова и Комп., 1862. С. 14–15.

² Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1961. С. 444.

³ Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. IV / под ред. П. Л. Лаврова. СПб.: Тип. И. Глазунова и Комп., 1862. С. 14–15.

стему русского языка. В результате можно говорить о том, что на русской почве произошла семантическая деривация лексемы «аманат»: изначальная семантика – «дипломатический заложник» модифицировалась в понятие «заложник». Более того, в казачьей народной речи понятие «аманат» приобрело значение «обманщик»¹.

Особенности аманатства в освоении Дальнего Востока и Тихого океана

В Сибири практика взятия аманатов развивалась, по всей видимости, с походов Ермака и существовала на протяжении следующих двух столетий. Применительно к изучаемому периоду и конкретному географическому региону аманат в основном перестаёт нести дипломатическую функцию. Это происходило отчасти от того, что народы Сибири, Дальнего Востока и Америки не создали ещё своей государственности. Аманатов в Сибири использовали как гаранты соблюдения политических договорённостей, безопасности немногочисленного, по сравнению с аборигенами, русского населения и поступления налогов (ясака) в казну. Причём, чем выше был статус аманатов, тем надёжнее были гарантии.

Отношение к аманатам было различным у разных народов. Всё зависело от конкретных условий и сложившихся военно-политических традиций. Если практика аманатства традиционно входила в культуру поведения противоборствующих сторон, то она воспринималась адекватно обеими сторонами и принимала более или менее приемлемые формы. В данном случае имела место взаимная передача заложников, или двустороннее аманатство: отношение к аманатам, условиям их содержания и т. п. [4, с. 130]. Иное дело, когда в систему подобных отношений попадал этнос, стадия социального развития которого не была подготовлена к системе договорных

отношений, пусть даже таких «диких», какими являлось аманатство [6, с. 121]. Когда один из участников подобных отношений был явно слабее, имело место одностороннее аманатство: только одна сторона выдавала заложников. Именно такой вариант чаще использовался в Сибири и на Дальнем Востоке.

Во многих сибирских городах на протяжении всего XVII в. и отчасти начале XVIII в. существовали «аманатские избы (дворы)» – специальные постройки для содержания аманатов, находившиеся внутри укрепленного острога [1], которые уже не использовались при взаимодействии с аборигенами в ходе продвижения на Курильских и Алеутских островах.

Нельзя сказать, что отношение к аманатам везде и всегда было одинаковым. Оно зависело от множества факторов: политических, экономических, личностных, наконец. Содержание аманатов зависело от их статуса. Имеющиеся аманатские избы мало отличались от тюремных помещений. К ним примыкали постройки, где хранились необходимые припасы для содержания заложников, и помещения для стражи, несущей круглосуточную охрану. Наиболее знатных и значимых аманатов держали «за приставом», т. е. во дворе служилого человека, который был обязан обеспечить политическому заложнику особый режим и был ответственен за его содержание. В этом случае положение аманата мало отличалось от пребывания «за приставом» ссыльных из метрополии, имевших определённый статус. Но это, конечно же, касалось далеко не всех. Содержание рядовых аманатов в небольших, отдалённых острожках иногда приводило к плачевным результатам [1].

Гарантии, которые обеспечивала практика аманатства в восточных регионах страны, были далеко ненадёжны и зависели, прежде всего, от развитости общественных отношений, устойчивости родовых связей, выделения властных структур и степени осёдлости этноса.

¹ Энциклопедия казачества / сост. Губарев Г. В. М.: Вече, 2008. С. 21.

Культура поведения и усвоенные традиции во многом определяли судьбы аманатов. Если этносы были хотя бы в малой степени знакомы с русской культурой и имели некоторое представление о быте русских переселенцев, то и пребывание «в аманатах» для них проходило менее болезненно, а порой и являлось полезным опытом. Аманаты активно усваивали русский язык, социальную структуру, методы хозяйствования, приобщались к культуре. Многие из них становились толмачами, проводниками и даже священниками [5, с. 338–340]. Они становились своеобразным посредником между культурой пришедшего сюда русского человека и традициями коренных жителей. В свою очередь, аманаты способствовали усвоению русскими первопроходцами и промышленниками способов добычи пушины аборигенами, выживанию в экстремальных условиях и т. д.

Иное дело, когда в аманаты попадали люди, исключённые из соприкосновения с культурой колонистов. Они приходили «чужими» и «чужими» уходили, представляясь населению русских острогов «непонятыми язычниками».

Азиатская Россия в Петровскую эпоху сформировалась как территория ссылки на самых разных уровнях, куда в основном отправляли в качестве управленцев неугодных политиков. Одновременно здесь отбывали наказание преступники различных сословий и военнопленные. Активизация освоения новых территорий также способствовала тому, что на фронтире присутствовала разнородная публика – от государственных людей, лично знакомых с царём и представителями местной администрации, до людей, скрывавшихся от правосудия и надеявшихся доказать свою лояльность примерным поведением или подвигами в географических открытиях.

Именно в петровское время сформировался интерес к освоению и включения в состав Российского государства территорий на берегах северной части Тихого

океана. В это время наблюдается упорядочение экспедиционной деятельности и смена континентального вектора экспансии на океанский [10, с. 91–92].

Последние 15 лет царствования первого русского императора можно охарактеризовать как «экспедиционно-исследовательский» период. Начинает формироваться отрасль российского колониального права, в которой аманатство занимает одну из важнейших позиций. В это время ещё отсутствовали писанные источники права, которые бы регулировали приобретение и освоение новых территорий (основную роль здесь играло право первооткрытия и первозаселения), их включение в экономический оборот, порядок организации и функционирования торгово-промышленных (купеческих) компаний и предоставление льгот отдельным купцам. Преобладала частноправовая составляющая. Это было вызвано тем, что территория северной части Тихого океана находилась далеко от органов центральной власти, которые имели возможность лишь косвенно влиять на участников экспедиций и следить за соблюдением правовых предписаний [11, с. 101–112].

Сложившееся положение накладывало специфический отпечаток в установление русско-аборигенных отношений, особенно если дело касалось этносов, стоящих на ранних стадиях общественного развития. С этой точки зрения следует подходить к такому явлению как практика «сибирского аманатства», а в дальнейшем и «американского аманатства». Приведение жителей вновь открытых земель в подданство и повышение их лояльности к российской короне облегчались использованием института аманатства, который способствовал формированию лояльной прослойки населения. Именно в петровскую эпоху окончательно сложилось понимание этого факта, и рассматриваемый институт, базирующийся на использовании норм обычного права, получил своё позитивное юридическое закрепление.

При кочевом образе жизни большинства коренных народов Сибири *договор шерти* (как было принято называть договорные отношения с аборигенами) не обеспечивал прекращения вооружённых столкновений и своевременную уплату ясака. Та или иная этническая группа кочевников, «дав шерть», могла поменять своё географическое местоположение. Чтобы добиться хоть каких-то устойчивых гарантий, русской администрации приходилось прибегать к практике взятия в аманаты представителей «лучших людей» из числа этнического объединения. Русская администрация была заинтересована в том, чтобы аманат принадлежал к знатной, уважаемой семье и имел влиятельных в своей среде родичей [1].

Аманатам полагалось выделять из казны содержание на пищу и прочие бытовые нужды. Кроме пищи, аманаты могли получать казённую одежду и предметы бытового обихода. В первые десятилетия XVII в. Сибирь испытывала потребность в продовольствии, поэтому возникали сложности обеспечения аманатов. Например, в Красноярске аманаты беспрепятственно передвигались по городу и просили милостыню и, судя по всему, получали её. Таким образом, происходило непосредственное общение аборигенного населения с горожанами-колонистами, и в этих конкретных обстоятельствах отчасти снималось противопоставление на «своих» и «чужих» [1].

С целью стабилизации ситуации с аманатами в конце XVII в. – начале XVIII в. появились предписания центральных властей о порядке содержания аманатов: «беречь накрепко, и корм и питьё им давать по указу, чтоб им голоду не было»¹. Тем не менее подобные рекомендации не всегда исполнялись на окраинах государства необходимым образом. В Сибири практика взятия аманатов в целом сошла

на нет к середине XVIII в., когда коренные народы этого региона окончательно были включены в систему русской государственности.

Тем не менее практика политического заложничества на восточных окраинах России и территориях на севере Тихого океана упорядочилась в годы правления Петра I. Именно в правление первого императора началось освоение этих земель, и именно от аманатов русские нередко получали ценные сведения о соседних народах и землях [9, с. 267–270]. Кроме того, их нередко использовали в качестве «вожей», т. е. проводников на новые территории, что способствовало выполнению наказов руководителям исследовательских и промысловых экспедиций. В дальнейшем в рапортах и донесениях самих русских мореходов и передовщиков аманаты упоминаются достаточно часто.

При организации новых экспедиций и открытии новых земель взятие аманатов предполагалось как обязательное условие по умолчанию и не всегда упоминалось в инструкциях (к примеру, экспедиция под руководством якутского казачьего головы А. Ф. Шестакова для поиска и освоения новых земель и островов). «...И прежде утвердить те места, которыми уже российское владение было, и кои народы на Камчатке и в других тамошних поморских местах ещё были не покорены. А не утвердя оного, на острова морские не ходить и острогов на них не строить, но разведав об них подлинно, какие на таких островах народы и под чьими владениями, и торг с кем имеют ли и чём, о том о всём писать к сибирскому губернатору и в Сенат. А между тем, где возможно, на такие острова посылать только для уговаривания добровольно в подданство и збору ясачного...»².

Непосредственно главы экспедиций, в т. ч. В. Беринг, разбирали вопросы притеснения коренных жителей со стороны представителей местной администрации: на «Уки реки, также и по реке Камчатке лутчие иноземцы доносили мне словесно

¹ Наказ Астраханскому воеводе № 1793 «Об управлении казенными, земскими и военными делами» от 30.05.1700 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 4.

² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сборник документов. Т. 1. С. 55.

чрез толмачей, а многие и сами российским языком об своих обидах, доносили, что сверх ясаку и аманатцкого корму збирают с них сладкую траву, ягоды и сарану, от чего им немалая тягость, и терпят голод»¹.

В целом, документы свидетельствуют о широком использовании аманатства на начальных этапах колонизации Русской Америки. Царские власти всячески поддерживали данную практику на тихоокеанских островах. Как и в Сибири, их основной целью был ясак, а без аманатов получить его было весьма затруднительно. В интересах государственной политики казённое начальство призывало промышленников обходиться с туземцами-аманатами как можно «ласковее». Кроме того, практика аманатства, как и делаемые представителям коренного населения подарки, способствовали упорядочению ясачного платежа [2, с. 23–26].

Ещё в первые десятилетия освоения Сибири царским правительством издавались акты, предписывающие сугубо мирные отношения с коренными [12, с. 157–159]. Такой подход сохранялся и в дальнейшем – в процессе присоединения и освоения земель на берегах Тихого океана. Лишь в более позднее время, уже в конце XVIII в. коронные власти разработали специальную инструкцию об обращении с аманатами.

В рапортах и донесениях самих русских мореходов и передовщиков аманаты упоминаются достаточно часто. Например, в рапорте казака С. Т. Пономарёва и передовщика С. Г. Глотова в Большерецкую канцелярию говорилось об их пребывании на островах Умнак и Уналашка в 1759–1762 гг., где они смогли формально привести в российское подданство нескольких местных вождей-тоенов и собрать с них ясак. От алеутов удалось получить и 2 аманатов, которых русские доставили на Камчатку. В своём рапорте Пономарёв и Гловы сообщали: «А при отправлении с вышеозначенных островов по добровольному тех народов к под-

данству склонению, а чрез нашу к ним ласку и привет оные желание возымели и впредь быть в подданстве и чтоб к ним российские люди всегда на судах ходили, и что они будут ясак платить бездоимочно, дали добровольно в аманаты первого острова тоена Шашука племянника малолетного, парня именем Мушкаля, которого мы называли Иваном, возрастом, например, около 12 или 13 лет, которого со всяким в пути, как возможно, охранением, привезя при сем же, в Большерецкую канцелярию объявляем»².

На Алеутских островах, как и в Сибири, русские предпочитали брать в аманаты именно детей туземцев, т. к. это обеспечивало максимальную лояльность со стороны их родителей. Кроме того, для промышленников было более безопасно иметь детей-аманатов, чем взрослых туземцев, да и прокормить их было гораздо легче. Реже в качестве аманатов содержались взрослые мужчины и женщины, как правило, высокого социального статуса. В «Наставлении» от 16 сентября 1778 г. иркутским купцам, отправлявшим свои суда для промыслов и торговли на Алеутские и Курильские острова, иркутский генерал-губернатор Ф. Г. Немцов особо подчёркивал необходимость заботы об аманатах, «которых сверх ласкового обхождения довольствовать пищею избыточно буде»³. А несколько ранее, в 1775 г., в инструкции начальника Камчатки премьер-майора М. К. фон Бема главе экспедиции на Курильские острова И. М. Антипину была развернута целая программа в отношении аманатов⁴. Она предусматривала не просто содержание аманатов для безопасности русских, но и некую «культурную» составляющую. В

² Архив внешней политики Российской империи. Ф. Российско-американской компании. Оп. 888. Д. 6. Лл. 172–174 об.

³ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. Т. 2. М.: Наука, 1989. С. 172.

⁴ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. Т. 2. М.: Наука, 1989. С. 172.

¹ Там же. С. 68–69.

частности, Бем рекомендовал обучать туземцев-аманатов русскому языку и обычаям для последующей более успешной аккультурации местного населения. Разрабатывая эти положения инструкции, он, очевидно, обобщил уже имевшийся к тому времени опыт содержания аманатов в Сибири и на Алеутских островах. Таким образом, аманаты служили в дальнейшем проводниками русской культуры в обществе алеутов, а аманатство постепенно приобретало в Русской Америке не только политический и экономический, но и культурный аспекты.

На культурный аспект аманатства указывала в своей монографии специалист по истории и этнографии Алеутских островов Р. Г. Ляпунова: «Русские с самого начала широко применяли для обеспечения своей безопасности систему взятия аманатов, преимущественно детей тоенов, в возрасте от 8 до 14 лет. Эта система была очень удобна для обучения алеутов русскому языку и приобщения их в целом к русским культурным традициям» [7, с. 59].

Подобное наблюдение принадлежит и архимандриту Иоасафу на Кадьяке, отмечавшему, что аманаты приучались к образу жизни русских и смягчали «варварские нравы» своих отцов.

Русские не препятствовали регулярным встречам родственников с аманатами, а иногда даже позволяли последним навещать сородичей в туземных селениях.

Длительное пребывание у русских помогло многим аманатам хорошо обучиться их языку.

Заключение

Аманатство было органической частью российской колонизации как Сибири, так и земель тихоокеанского побережья (особенно на ранних этапах освоения). В этом состояло одно из её существенных отличий от испанской, английской и французской колониза-

ций Нового Света. В целом аманатство зарекомендовало себя как весьма действенное средство подчинения коренного населения, прежде всего, на Алеутских островах, где оно выполняло, как и в Сибири, не только политическую, но и важную экономическую функцию. Кроме того, через посредничество аманатов среди коренного населения Аляски распространялись элементы русской культуры и знание русского языка.

В ходе колонизации Сибири аманатство получило развитие, было окончательно упорядочено в Петровскую эпоху и потом почти в неизменном виде успешно применялось в процессе освоения Алеутских островов и выхода к берегам Америки, когда на территории метрополии эта практика практически прекратилась. Именно в Петровскую эпоху происходит окончательное закрепление этого института, базировавшегося на нормах обычного права в позитивной юридической форме. В аманатах видели важный и опробованный метод закрепления на новых территориях, создание лояльной российской короне прослойки туземного населения и закрепление института подданчества.

Государство Петровской эпохи избегало официального признания и регулирования института аманатства, хотя отсутствовало и осуждение за его применение. В изучаемое нами время имелось почти исключительное одностороннее понимание аманатства – только со стороны русских. Позиция коренных народов даётся либо в пересказе тех же русских, либо в свидетельствах другой, более поздней, эпохи.

Понимание института аманатства представляется важным аспектом при изучении борьбы за колонии на севере Тихого океана в XVIII – первой половине XIX вв.

Дата поступления в редакцию 29.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Березиков Н. А. Надзор и принуждение: аманатские избы в Сибири XVII в. // Баландинские чтения. 2015. Т. 10. № 1. С. 44–46.
2. Бродников А. А. Подарки аборигенам как элемент механизма их вовлечения в ясашный платёж (на примере Ленского волока и прилегающей территории) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2013. Т. 12. № 1. С. 23–26.
3. Ваттель Э. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 179 с.
4. Гринёв А. В. Туземцы-аманаты в Русской Америке // Клио. 2003. № 4 (23). С. 128–142.
5. Иерусалимский Ю. Ю., Лукашенко С. П. Витус Беринг и миссионерская деятельность Русской Православной Церкви // Отечественная историко-цивилизационная матрица: Миссия. Время. Ценности : сб. науч. ст. / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль: ИПК «Индиго», 2020. С. 337–344.
6. Люцидарская А. А. Аманаты в Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. 12. № 2. С. 121–124.
7. Ляпунова Р. Г. Алеуты: Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987. 226 с.
8. Мелкумян Г. А. Историко-правовой анализ действий, связанных с захватом заложников // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 3. С. 97–101.
9. Петров А. Ю., Ермолаев А. Н., Коскина М. М. Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // Quaestio Rossica. 2021. Vol. 9. № 1. С. 265–280.
10. Петров А. Ю., Савельев И. В. Особенности правового взаимодействия участников экспедиций по изучению Тихоокеанского региона (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вопросы истории. 2021. № 9. С. 88–99.
11. Петров А. Ю., Савельев И. В., Капалин Г. М. Становление колониального права в Русской Америке // Российская история. 2015. № 4. С. 101–112.
12. Подкин М. В. Методы взаимодействия русских первопроходцев с коренными народами Сибири в XVII в.: к вопросу о характере присоединения края // Шаг в историческую науку : материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных / отв. ред. Кругликова Г. А. Екатеринбург, 27 апреля 2018. Екатеринбург, 2018. С. 157–159.
13. Озова Ф. А. К этимологии историзма «amanat» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 4. С. 45–54.
14. Gibson J. R. European Dependence Upon American Natives: the Case of Russian America // Ethnohistory. 1978. Vol. 25. № 4. P. 359–385.

REFERENCES

1. Bereznikov N. A. [Supervision and coercion: Amanat huts in Siberia in the 17th century]. In: *Balandinskie chteniya* [Balandin readings], 2015, vol. 10, no. 1, pp. 44–46.
2. Brodnikov A. A. [Gifts to aborigines as an element of the mechanism of their involvement in yasash payments (on the example of the Lena port and the adjacent territory)]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2013, vol. 12, no. 1, p. 23–26.
3. Vattel E. *Pravo nartodov ili principi estesstvennogo prava, prineniaemie k povedeniu i delam natsi i isuverenov* [The Law of Nations or the Principles of Natural Law Applied to the Conduct and the Affairs of Nations and Sovereigns]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960, 179 p.
4. Grinev A. V. [Amanat natives in Russian America]. In: *Klio* [Klio], 2003, no. 4 (23), pp. 128–142.
5. Ierusalimsky Yu. Yu., Lukashenko S. P. [Vitus Bering and the missionary of the Russian Orthodox Church]. In: Iyerusalimskiy Yu. Yu., ed. *Otechestvennaya istoriko-tsvivilizatsionnaya matritsa: Missiya. Vremya. Tsennosti : sb. nauch. st.* [Patriotic historical and civilizational matrix: Mission. Time. Values : collection of scientific articles]. Yaroslavl, IPK «Indigo» Publ., 2020, pp. 337–344.
6. Lutcidarskaya A. A. [Amanats in Siberia]. In: *Problemi arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], 2006, vol. 12, no. 2, pp. 121–124.
7. Liapunova R. G. *Aleuti: ocherki etnicheskoi istorii* [Aleuts: Essays on Ethnic History]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 226 p.

8. Melkumyan G. A. [Historical and legal analysis of actions related to hostage-taking]. In: *Vestnik Vladimirskogo uridicheskogo instituta* [Bulletin of Vladimir Law Institute], 2009, no. 3, pp. 97–101.
9. Petrov A. Yu., Yermolayev A. N., Koskina M. M. [Peter the Great and Russia's growing interest in the exploration of the Pacific Ocean, 1711–1722]. In: *Quaestio Rossica*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 265–280.
10. Petrov A. Yu., Savelev I. V. [Features of legal interaction of participants of expeditions to study the Pacific region (late 17th – early 18th centuries)]. In: *Voprosy istorii* [History Questions], 2021, no. 9, pp. 88–99.
11. Petrov A. Yu., Savelev I. V., Kapalin G. M. [The origins of colonial law in Russian America]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian History], 2015, no. 4, pp. 101–112.
12. Podkin M. V. [Methods of interaction between Russian pioneers and indigenous people of Siberia in the 17th century: regarding a question of the annexation of Siberia]. In: Kruglikova G. A., ed. *Shag v istoricheskuyu nauku : materialy XVII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii molodih uchenih. Ekaterinburg, 27 aprelya 2018* [Step into historical science : Materials of the 18th All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Yekaterinburg, April 27, 2018], Yekaterinburg, 2018, pp. 157–159.
13. Ozova F. A. [To the etymology of historicism «amanat»]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences], 2014, no. 4, pp. 45–54.
14. Gibson J. R. European Dependence Upon American Natives: the Case of Russian America. In: *Ethno-history*, 1978, vol. 25, no. 4, pp. 359–385.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петров Александр Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник института всеобщей истории Российской академии наук;
e-mail: alaska13@yandex.com

Савельев Иван Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: ivan_saveliev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr Yu. Petrov – Dr. Sci. (History), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences;
e-mail: alaska13@yandex.com

Ivan V. Savelev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of International Law and Comparative Jurisprudence, Northern (Arctic) Federal University named after M. Lomonosov;
e-mail: ivan_saveliev@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Петров А. Ю., Савельев И. В. Петровская эпоха и развитие института аманатства на Дальнем Востоке и севере Тихого океана // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 48–57.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-48-57

FOR CITATION

Petrov A. Yu., Savelyev I. V. Era of Peter the Great and the development of the institute of amanats in the Far East and North Pacific. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 48–57.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-48-57

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-58-68

РОЛЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ОСВОЕНИИ РУССКОЙ АРКТИКИ

Иерусалимский Ю. Ю.^{1,2}, Давыдов В. В.¹

¹ Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова
150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить планы Петра Великого по отношению к Русской Арктике и провести анализ развития Арктического побережья России в Петровскую эпоху.

Процедура и методы исследования. Исследование построено на работе с источниками, а также обобщении данных, приведённых в отечественной исторической литературе. Применены методы: проблемно-хронологический, историко-системный и сравнительно-исторический.

Результаты. Изучение динамики развития Арктического побережья Российской империи при Петре I показало, что в это время в Арктике произошел переход от ресурсной схемы к логистической. Приведены новые доказательства «японского вектора» устремлений Петра Великого и организации поиска Северо-Восточного прохода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Создана концепция 3 факторов отечественного освоения Арктики: ресурсный, логистический и военно-стратегический. По мнению авторов, она более продуктивна, чем существующая в наши дни в исторической литературе идея волн русской колонизации Сибири: меховая, металлическая и аграрная. Материалы статьи могут быть использованы при разработке спецкурсов и спецсеминаров по периоду петровских преобразований, истории Русской Арктики, истории географических открытий.¹

Ключевые слова: Пётр Великий, Русская Арктика, концепция освоения Арктики, Архангельск, XVII в., XVIII в.

Благодарности. Статья выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

THE ROLE OF PETER THE GREAT IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC

Yu. Ierusalimskiy^{1,2}, V. Davydov¹

¹ Yaroslavl State University
ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl 150003, Russian Federation

² Moscow Region State University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the article is to study Peter the Great's plans for the Russian Arctic and analyze the development of the Arctic coast of Russia in the Peter the Great's era.

Methodology. The study is based on the authors' work with sources, as well as the generalization of data given in the Russian historical literature. The article uses problem-chronological, historical-systematic and comparative-historical methods.

Results. The study of the development dynamics of the Arctic coast of the Russian Empire under Peter I showed that at that time there was a transition from a resource scheme to the logistics one. New proofs of the «Japanese vector» of Peter the Great's aspirations and the organization of the search for the Northeast Passage are presented

Research implications. The concept of three factors of domestic development of the Arctic was created: resource, logistics and military-strategic. According to the authors, it is more productive than the idea of waves of Russian colonization of Siberia (fur, metal and agrarian) which exists in historical literature today. The materials of the article can be used in the development of special courses and special seminars on the period of Peter the Great's transformations, the history of the Russian Arctic, the history of geographical discoveries.

Keywords: Peter the Great, the Russian Arctic, the concept of Arctic exploration, Arkhangelsk, XVII century, XVIII century

Acknowledgment. The article was supported by the YarSU VIP-018 project.

Введение

Русские владения издревле находились в Арктике. Для укрепления позиций Новгородской земли на крайнем севере много сделал Александр Невский. На рубеже 40-х – 50-х гг. XIII в. Александр Ярославич, будучи первоначально князем в Новгороде, а спустя год и в Киеве, увидел, с одной стороны, усиление внимания монголов к русским землям, а с другой – нарастание активности норвежских сборщиков дани на обширной территории в заполярной тундре. Активность последних наблюдалась там, где не была определена граница между новгородскими владениями и Норвегией.

Итогом дипломатических усилий Александра Невского по отстаиванию интересов Новгородской земли на Кольском севере и в Лапландии в зоне соприкосновения с Норвегией стала «Разграничительная (Рунная) грамота», не имеющая точной датировки [25, с. 56; 26]. Грамота приводится в рукописи 114а 4°коллекции Арнамагниани, хранящейся в Копенгагенском университете. Известно, что это пергаменная рукопись первой половины XIV в. [14, с. 135]. И. П. Шаскольский датировал несохранившийся оригинал «Разграничительной грамоты» 1251 г. [29], В. Т. Пашуто и Ю. К. Бегунов – 1254 г. [1, с. 139; 18, с. 123], епископ Митрофан (Баданин) – 1257 г. [9, с. 45].

По мнению И. П. Шаскольского, В. Т. Пашуто и Ю. К. Бегунова в указанной грамоте Новгород сохранил за собой право собирать дань до западной границы страны саамов, т. е. весьма близко к пределам собственно норвежской территории, что свидетельствует о безусловной успехе дипломатии Александра Невского [1, с. 139; 18, с. 123; 30, с. 123]. Международное и репутационное значение соглашений с Норвегией чрезвычайно велико. Как подчеркнул И. П. Шаскольский: «К 1251 г. Александр Невский ... укрепил границы государства с тремя главными западными соседями – Швецией, Германией и Литвой. Необходимо было закрепить отношения с четвертым соседом – Норвегией, и тогда Русь могла быть спокойна за всю свою западную границу ... Александр вёл переговоры как глава великой державы европейского Севера и высоко поднял международное значение русской государственности» [30, с. 115–116].

В 1475 г. государь вся Руси Иван III в процессе ликвидации новгородской независимости получил Двинскую землю. При Иване IV продолжилось продвижение России на восток евразийского материка. Россия прирастала новыми землями по арктическому побережью и в начале XVIII в. утвердилась в северной части Тихого океана.

Три вектора освоения Арктики

Природно-климатические условия огромного региона не позволяли реализовать традиционную для Московского царства схему аграрного освоения земель, которая гарантированно инкорпорировала новые территории в государство. Поэтому в дальнейшем судьба Российской Арктики определялась тем или иным фактором, приобретающим общегосударственное значение. Таких факторов, задававших свою схему освоения Арктики, можно выделить три:

1. *ресурсный*, когда Север становился источником ресурсов, необходимого для развития или существования государства;

2. *логистический*, когда жизненно важный статус для государства приобретал путь, проходящий через регион;

3. *военно-стратегический*, когда регион приобретал большое значение в планах противостояния России со своими военно-политическими противниками.

Эти векторы освоения Арктики не изолированы друг от друга. Наличие важного ресурса предполагает эффективные пути его доставки к месту, где он нужен. Вследствие этого развиваются коммуникации. Ресурсы нужно защищать от оппонентов, также предъявляющих на него права, для чего нужны меры военного развития. Иногда статус такого ресурса приобретает сама коммуникация, обеспечению жизни которой подчинены и ресурсная, и военная политика. Иногда же этим ключевым ресурсом становится сам регион, дающий возможность в ходе военного конфликта «дотянуться» до противника или выступающий в качестве поставщика сил и средств для завершения конфликта. Были моменты, когда большое значение имели все факторы одновременно, а правительство это значение прогнозировало заблаговременно. Именно тогда Арктика развивалась такими темпами.

Ресурсный фактор развития

К началу номинального царствования Петра I в 1682 г. России принадлежало арктическое побережье от р. Паз в Восточной Лапландии на западе [27, с. 27] до устья Колымы и Чукотки – на востоке [2, с. 153–159].

Уровень освоенности и хозяйственного использования Русской Арктики был различным. Наиболее населённым и вовлечённым в экономическую и политическую жизнь страны можно считать европейскую часть побережья. На Мурманском берегу, побережье Белого моря, уже несколько сотен лет проживало достаточно многочисленное русское население, сформировавшее специфический поморский тип хозяйства, связанный с морскими промыслами. Промысловая деятельность поморов охватывала район от Кольского полуострова (рыболовство) и Шпицбергена до Новой Земли (добыча морского зверя) [11, с. 194–195].

Выходцы из Холмогор, Архангельска, Мезени, Пинеги, Пустозёрска и других поморских поселений вопреки правительственным запретам и ограничениям продолжали традиции «морского хода» в Карское море для торговли с местным населением [2, с. 126]. По оценкам авторитетного исследователя арктического мореплавания М. В. Белова, в арктическом бассейне ежегодно во второй половине XVII в. выходило в плавание более 300 судов [3, с. 122–123], а некоторые современные авторы оценивают общий объём поморского флота в 1500–2000 единиц [5, с. 47].

Военно-административный и ресурсный факторы

Влияние России утверждалось сетью укреплённых поселений, созданных Московским царством для обеспечения военно-административного контроля и/или взимания дани с местных племён. Эту роль выполняли Кола на Мурманском берегу со стрелецким гарнизоном

и воеводой¹, Соловецкий монастырь, ответственный за управление и оборону на значительных территориях до границ со Швецией и Норвегией, Сумской посад, Кемь, Мезень, Пинега, Пустозёрск и т. д. Однако к концу XVII в. значение северной подконтрольной территории, в т. ч. в качестве источника поступления доходов, для центрального правительства снизилось, что выразилось, в частности, в утрате внимания властей к фортификационным сооружениям Колы и Сумского острога².

Логистическое и военно-стратегическое значение Архангельского порта

На развитие европейского сегмента Арктического побережья России влияло в это время логистическое значение Архангельского порта, который был конечной точкой транспортной коммуникации, связывающей Россию с Западной Европой. Как отметил В. Н. Захаров: «В XVII в. единственным крупным портом, через который Россия могла вести непосредственную торговлю на западном направлении, был Архангельск» [10, с. 92].

С началом Северной войны коммуникация приобрела стратегический характер. В Архангельск в значительных количествах поступало западноевропейское вооружение и материалы, необходимые для снабжения русской армии (огнестрельное и холодное оружие и комплектующие для его производства, сера и свинец, мундирное сукно и т. д.)³. В Архангельск рубежа веков прибывали иностранные офицеры и специалисты, нанятые на русскую службу, в т. ч. офицеры и младшие командные чины флота,

в которых особенно нуждался Петр I [8, с. 92–93; 12, с. 560–569, 616–617].

Понимание стратегической роли Архангельска привело шведского короля Карла XII к плану морской экспедиции 1701 г. против Архангельска, нацеленной на пресечение доставки военных грузов в Россию⁴. И даже после провала шведского плана 1701 г. информация о возможности повторения подобных попыток в 1702, 1703 и 1708 гг. заставляла Петра I принимать существенные меры по усилению обороны города [6, с. 44–45; 12, с. 111–112]⁵.

Архангельск занимал лидирующие позиции во внешнеторговых оборотах России, несмотря на все попытки царя перенести центр морской торговли в Санкт-Петербург. Число приходящих в порт иностранных судов выросло с 50 в последнее десятилетие XVII в. до 230 – в 1715 г. Объем вывоза в 1710 г. достиг почти 1,8 млн руб. [16, с. 117]. Среднегодовой размер товарооборота, по подсчетам Н. Н. Репина, в 1717–1719 гг. составлял 2,9 млн руб., в 7 раз превосходя объем торговли в Петербурге в 1718 г. [22, с. 83].

Только окончание боевых действий позволило Петру I реализовать свой план переноса центра морской торговли в столицу. Принятие именного указа от 26 ноября 1721 г. «О трактах к портовым городам», дополненное принятием жестких мер по контролю за его выполнением, включая ревизию капитана гвардии С. Пырского, казалось, поставило крест на архангельской внешней торговле. В 1725 г. в Петербург пришло 236 кораблей, в Архангельск – 19. По размеру товарооборота это превышение составило более чем 2232% (3430,9 тыс. руб. против 153,7 тыс. руб.) [22, с. 88–89]. Процесс

¹ До 80-х годов XVI в. центр торговли России с иностранными государствами [26, с. 156–157].

² См.: Допросы Кольской Воскресенской церкви священника Иуды // Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого» Архангельск, 1993, С. 47–48.

³ Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С. 20.

⁴ Инструкция короля Карла XII офицерам, участвующим в экспедиции на Архангельск // Тревожные годы Архангельска, 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С. 313–319.

⁵ Тревожные годы Архангельска, 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого» Архангельск, 1993, С. 181–182, 196, 207–211.

отмены ограничительных мер для Архангельска, начавшийся в 1726 г. после смерти Петра I, растянулся более чем на 30 лет [21].

Освоение арктического побережья Сибири: от ресурсного фактора к логистическому

Далее к востоку лежало арктическое побережье Сибири, пройденное российскими промышленными и «служилыми» в погоне за мехом («мягкой рухлядью»). Мех соболя был ресурсом, в значительной мере определяющим состояние финансовой системы государства. Торговля мехом давала казне, по разным оценкам, от 10–20% [15, с. 102–104] до трети [23, с. 95] или даже половины [20, с. 253] доходов. Мех рассматривался в качестве главной «свободно конвертируемой валюты». Ресурсный фактор определил ход освоения арктического побережья от Печоры до Колымы.

К концу XVII в. пушной промысел на севере Сибири пришёл в упадок из-за истребления соболя [2, с. 181–182]. Однако правительство Петра I не желало терять столь значимый источник дохода и продолжало политику продвижения на Восток для расширения сферы сбора «пушного ясака» [2, с. 183–185]¹, одновременно укрепляя государственную монополию на ценные меха [28, с. 323–324]². Тем не менее кризис соболиного промысла затронул и Восточную Сибирь, стимулировав переход к поиску иных ис-

точников дохода, включая комплексное использование промыслового потенциала, в т. ч. промысел «морского зверя» [15, с. 102–104, 259–304]. Этот процесс, активизированный результатами российских экспедиций первой четверти XVIII в. в северной части Тихого океана, привёл к формированию в дальнейшем группы промысловых компаний и завершился созданием в 1797 г. Российско-Американской компании.

Однако считать главной причиной морской экспедиционной активности россиян в северных морях при Петре I поиск новых источников пушнины и «ясака» – значит, упрощать ситуацию.

Анализ документов конца XVII – начала XVIII в. свидетельствует о постепенном изменении характера ставящихся перед экспедициями задач. Так, в указе приказчику Камчадалских острогов пятидесятнику О. Миронову от 16 февраля 1710 г. о «проведывании» острова около Камчатки ставится задача узнать, «какие люди на том острове, и какой веры, и под чьим владением ... и какой в том острове зверь, и иное какое богатство у них есть...»³. Аналогичные по смыслу указания давались в первое десятилетие века посланным на Камчатку казачьему десятнику В. Савостьянову (1710 г.)⁴, приказчику В. Колесову (1711 г.)⁵, служилому П. Попову (1711 г.)⁶.

Однако уже в 1716 г. при организации экспедиции «Большой Камчатский

¹ «Наказ якутскому казачьему десятнику Василию Савостьянову // Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография МВД, 1882. С. 418–421; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сборник архивных материалов. Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. С. 3–4.

² «Грамота енисейскому воеводе о присылка в Москву соболей ценою выше ста рублей» // Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография МВД, 1882. С. 409; Именной указ от 22 марта 1697 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 3. СПб.: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 282.

³ «Указ приказчику Камчадалских острогов Осипу Миронову» в сб. Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография МВД, 1882. С. 411–412.

⁴ Наказ якутскому казачьему десятнику Василию Савостьянову // Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография МВД, 1882. С. 419–420.

⁵ Отписка якутского воеводы о числе служилых людей, посланных на службу в Камчадалские остроги // Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография МВД, 1882. С. 470.

⁶ Показание якутского служилого человека Петра Попова // Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография МВД, 1882. С. 457.

наряд» в задачи включаются тщательное исследование островов «...близ Камчатского мыса, отыскивая золотую и серебряную руду, медь, другие полезные ископаемые, краски и жемчуг...»¹. Последующие же экспедиции: Ф. Ф. Лужина и И. М. Евреинова (1719–1722 гг.) и Первую Камчатскую (1725–1730 гг.) можно считать знаковыми этапами в реализации замыслов Петра I, связанных с новым статусом России в мире. Идеи Петра Великого во многом были обусловлены социально-экономическими изменениями в Европе.

В Западной Европе в XVII в. на фоне дальнейшего развития капитализма началась эпоха Просвещения. В XVIII в. идеи Просвещения широко распространились по всей Европе. Государственные деятели, купцы и учёные развивали идеи меркантилизма и продолжали искать северный морской проход в обход евразийского и американского материков, который привёл бы их в Китай и Японию.

В России эти идеи всемерно развивал Петр I и его сподвижники, переустроившие страну из царства в империю, из объекта в субъект международных отношений. Эпоха петровских преобразований вновь поставила на повестку логистический план развития Русской Арктики.

Логистический план развития Русской Арктики

К открытию морского пути в Индию через Северный Ледовитый и далее Тихий океаны Петр Великий стремился давно и упорно. Согласно замыслам Петра I, подкреплёнными теоретическими построениями Лейбница, парижской Академии наук, а также проектами молодых российских моряков и кораблестроителей Россия должна была получить прямой путь в обход Сибири в Китай, Японию и далее.

¹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сборник документов М.: Наука, 1984. Док. № 7.

В 1713–1714 гг. командированный в Западную Европу корабельный мастер Ф. С. Салтыков представил Петру Великому доклады «Препозиции» и «Изъявления прибыточныя государству»², в которых излагался план исследования и освоения того, что в наше время называется Северным морским путём. Многие предложения Ф. С. Салтыкова были реализованы в рамках Второй Камчатской экспедиции.

Но данный план, по-видимому, формировался ещё раньше. Уже в наказе воеводы Д. А. Траурнихта якутскому казначьему десятнику В. Савостьянову от 9 сентября 1710 г. предписывается «домогатца ему всякими мерами... учинить с Японским государством меж рускими людьми торги не малые...» а также собрать информацию о торговом и военном потенциале Японии.

Для реализации плана предполагалось направить из Москвы дворянина в чине спальника³. В 1711 г. воеводская администрация и правительство из челобитной участников убийства приказчиков П. Чирикова и О. Липина получили сведения о Японии, добытые авторами у спасшихся на Камчатке членов команды разбитого японского судна⁴. Во время «допроса с пристрастием» 2 мая 1712 г. одного из убийц В. Атласова – Г. Переломова следователи выясняли, знает ли он расстояние до Японии⁵. Указание о «проездивании» «...о Апонском государстве и за перелевами о морских островах...» получил вышеупомянутый приказчик В. Колесов, организовавший плавание

² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. (1713–1743). Т. 1. М.: Наука, 1984. Док. № 1–2.

³ Наказ якутскому казначьему десятнику Василию Савостьянову // Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография МВД, 1882. С. 419–420.

⁴ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография МВД, 1882. С. 442.

⁵ Распросные речи одного из убийц приказчиков Камчадалских острогов // Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография МВД. 1882, С. 489.

И. П. и П. П. Козыревских в 1712–1713 гг. [13, с. 36]¹. В документе о задачах «Большого Камчатского наряда» также содержится пункт о действиях в случае встречи с японцами².

Учитывая перечисленные факты и принимая во внимание полученный кабинетом Петра I в 1715 г. отчёт якутского воеводы о плавании И. П. и П. П. Козыревских с группой казаков к Курильским островам, в ходе которого состоялся их контакт с японцами³, а также обстоятельства ещё ранее состоявшегося знакомства царя с попавшим в Россию в результате кораблекрушения японцем Дэнбеем [24], версия о первоочередном внимании императора к «японскому направлению» выглядит вполне мотивированно. Однако это составляло лишь часть предполагаемого Петровского «имперского замысла», которому, как мы полагаем, была подчинена вся исследовательская деятельность русских первопроходцев в Тихом океане в первой половине XVIII в.

«...сошлася Америка с Азиею...»

Мысли о поиске морского пути в Азию и Америку с Камчатки высказывал императору капитан-лейтенант Ф. И. Соймонов [4, с. 42–43]. Приблизжённый к Петру I А. К. Нартов сообщил о разговоре императора с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным при вручении наказа Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга: «Я [Петр I] вспомнил на сих днях то, о чём мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию» [17, с. 14].

В 1719 г. началась экспедиция геодезистов Ф. Ф. Лужина и И. М. Евреинова, получивших личную инструкцию Петра I. Им предписывалось «ехать до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить»⁴.

Расплывчатый характер инструкции Ф. Ф. Лужину и И. М. Евреинову, наличие ссылок на некие дополнительные указания и краткость их отчёта так же, как и в случае с Первой Камчатской экспедицией В. Беринга, стимулировали дискуссию историков о целях предприятия⁵. Известный специалист по истории Русской Америки А. Ю. Петров с соавторами справедливо отметили, что перед геодезистами ставились цели изучения Курильских островов, поиски возможных полезных ископаемых и проведывание пути в Японию [19, с. 275].

Следовательно, российскую активность на Тихом океане можно рассматривать как этап реализации замысла Петра об установлении торгового пути со странами Азии – Индией и Японией. Северо-Восточный проход, несомненно, был желательной частью этого замысла.

В этой связи следует также упомянуть о проводившихся в 1709–1724 гг. экспедициях по поиску островов к северу от Яны, Индигирки и Колымы Д. Бусорманова, М. Вагина и Я. Пермякова, В. Стадухина, А. Маркова и Г. Кузякова⁶, И. Вилегина, Ф. Амосова и др. [2, с. 248–249], а также поиску морского пути на Камчатку из Охотска. Внешне не связанные между собой эти экспедиции позволили бы при успешном исходе сформировать картину

¹ Отписка якутскому воеводе приказчика Камчатских островов Василия Колесова // Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография МВД, 1882. С. 541–542.

² Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сб. док. М.: Наука, 1984. Док. № 8.

³ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. (1713–1743). Т. 1. М.: Наука, 1984. Док. № 6, 17.

⁴ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. (1713–1743). Т. 1. М.: Наука, 1984. Док. № 11.

⁵ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. (1713–1743). Т. 1. М.: Наука, 1984. Док. № 11, прим. 1; док. № 27.

⁶ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2. 1713–1724. СПб.: Типография МВД, 1885. С. 1–26, 69–70, 504–506, 527–528.

состояния прибрежной полосы от устья Яны до Камчатки и Охотска.

О наличии единого проекта может косвенно свидетельствовать извещение о результатах экспедиции в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 16 марта 1730 г., где отмечалось, что Беринг достиг $67^{\circ}19'$ северной широты и подтвердил, что «тамо подлинно северо-восточный проезд имеется таким образом из Лены, если бы в северной стране лёд не препятствовал, водяным путём до Камчатки и тако да Японы, Хины [Китая] и Ост-Индии доехать возможно было» [7, с. 38]. Инструкции, подготовленные «птенцами гнезда Петрова» руководителю Второй Камчатской экспедиции, содержали задачи, нацеленные на поиск морских путей в Америку и Японию, включая изучение северного побережья Сибири¹.

Заключение

Итак, ради реализации замысла Петра Великого были организованы Первая (1725–1730 гг.) и Вторая (1733–1743 гг.),

также известная как Великая Северная) Камчатские экспедиции под руководством датского подданного на русской службе В. Беринга. Обеспечение безопасности морского пути было одним из мотивов военных походов Д. И. Павлуцкого на Чукотке в 1727–1747 гг.

В результате было изучено и описано побережье арктических морей от устья Печоры до устья Колымы, берега Камчатки, открыт пролив между Азией и Америкой, намечен морской путь в Японию. Однако идею Северного морского пути претворить в практическую плоскость при уровне развития техники XVIII в. оказалась невозможно. В наши дни, когда вектор государственной политики вновь направлен на освоение и развитие арктических территорий, стоит помнить о вкладе в это дело выдающихся соотечественников, среди которых особое место занимает первый российский император Пётр Великий.

Дата поступления в редакцию 25.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегунов Ю. К. Александр Невский. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 336 с.
2. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М.: Морской транспорт, 1956. 592 с.
3. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеизд, 1980. 163 с.
4. Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов (1692–1780). М., 1966. 284 с.
5. Гостев А. М., Давыдов Р. А. Русский Север в войнах XVI–XIX веков. Архангельск, 2014. 262 с.
6. Гостев И. М. Береговая оборона Архангельска в XVIII веке // Военно-исторический журнал. 2013. № 12. С. 44–46.
7. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 годах. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 428 с.
8. Елагин С. И. Рождение русского флота. Азовский период 1695–1711. М.: Вече, 2016. 368 с.
9. Епископ Митрофан (Баданин). Князь Александр Невский и Кольский север. Неизвестные страницы жития. СПб.; Мурманск: Ладан, 2017. 72 с.
10. Захаров В. Н. Внешняя торговля России при Петре I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 91–103.
11. История северорусского судостроения / Г. Е. Дубровин, А. В. Окорочков, В. Ф. Старков, П. Ю. Черношвитов. СПб.: Алетей, 2001. 406 с.
12. Кротов П. А. Российский флот на Балтике при Петре Великом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2017. 744 с.
13. Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1984. 384 с.

¹ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. (1713–1743). Т. 1. М.: Наука, 1984. Док. № 87.

14. Линд Дж. Х. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6 (16). С. 135–143.
15. Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII века. Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1972. 363 с.
16. Павшинская М. С. Конкуренция Архангельского и Петербургского портов в первой четверти XVIII века // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 116–119.
17. Пасецкий В. М. Витус Беринг (1681–1741). М.: Наука, 1982. 176 с.
18. Пашуто В. Т. Александр Невский. М.: Молодая гвардия, 1975. 160 с.
19. Петров А. Ю., Ермолаев А. Н., Коскина М. М. Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // Quaestio Rossica. 2021. Vol. 9. № 1. С. 265–280.
20. Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г. Н. Потанина) / сост. Н. М. Дмитриенко, Т. В. Родионова. Томск: Изд-во Томского университета, 2013. 312 с.
21. Репин Н. Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангелогородский и Петербургский порты). Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 1989. 80 с.
22. Репин Н. Н. Морская торговля России со странами Европы в первые шесть десятилетий XVIII века: политика русского правительства и её результат // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2008. № 1 (18). С. 77–108.
23. Савченко А. Б., Тревиш А. И. Историко-географические особенности освоения северных и арктических территорий России в XVII–XIX веках // Известия РАН. Серия Географическая. 2017. № 3. С. 90–102.
24. Федорова Т. С. Жизнь японцев в России и Русской Америке начиналась с Камчатки // Камчатка разными народами обитаема : мат-лы XXIV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 25 апреля 2007 г. Петропавловск-Камчатский: Информ.-изд. центр Камчатской областной научной библиотеки, 2007. С. 179–188.
25. Федоров П. В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии) // Арктика и север. 2017. № 26. С. 53–75.
26. Федоров П. В. Россия, окруженная водой. Обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991. СПб: Международный банковский институт им. А. Собчака, 2021. 726 с.
27. Федоров П. В. Центр и северная окраина Российского государства в XVI–XX вв: динамика стратегических связей (на материалах Кольского заполярья) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Архангельск, 2009. 50 с.
28. Чапаев М. Р. Государственно-правовое регулирование меховой торговли в России в XVII веке // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 322–325.
29. Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. 1945. Т. 14. С. 38–61.
30. Шаскольский И. П. Посольство Александра Невского в Норвегию [Электронный ресурс] // Вопросы истории. 1945. № 1. URL: <https://www.shamardanov.ru/i-shaskolskij-posolstvo-aleksandra-nevskogo-v-norvegiyu-voprosy-istorii-№-1-1945.html> (дата обращения: 06.01.2022).

REFERENCES

1. Begunov Yu. K. *Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevsky]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2009. 336 p.
2. Belov M. I. *Arkticheskoe moreplavanie s drevnejshih vremen do serediny XIX veka* [Arctic navigation from ancient times to the middle of the 19th century]. Moscow, Morskoj transport Publ., 1956. 592 p.
3. Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F. *Mangazeya. Mangazejskij morskoy hod* [Mangazeya. Mangazeya sea passage]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1980. 163 p.
4. Goldenberg L. A. *Fedor Ivanovich Sojmonov (1692–1780)* [Fyodor Ivanovich Soimonov (1692–1780)]. Moscow, 1966. 284 p.
5. Gostev A. M., Davydov R. A. *Russkij Sever v vojnah XVI–XIX vekov* [Russian North in the wars of the 16th–19th centuries]. Arhangelsk, 2014. 262 p.
6. Gostev I. M. [Coastal defense of Arkhangelsk in the 18th century]. In: *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military history magazine], 2013, no. 12, pp. 44–46.

7. Grekov V. I. *Ocherki iz istorii russkikh geograficheskikh issledovanij v 1725–1765 godah* [Essays from the history of Russian geographical explorations in 1725–1765]. Moscow, House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960. 428 p.
8. Elagin S. I. *Rozhdenie russkogo flota. Azovskij period 1695–1711* [The birth of the Russian fleet. Azov period 1695–1711]. Moscow, Vechе Publ., 2016. 368 p.
9. Bishop Mitrofan (Badanin). *Knyaz Aleksandr Nevskij i Kolskij sever. Neizvestnye stranicy zhitiya* [Prince Alexander Nevsky and the Kola North. Unknown pages of life]. St. Petersburg, Murmansk, Ladan Publ., 2017. 72 p.
10. Zakharov V. N. [Russia's foreign trade under Peter the Great]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 4, pp. 91–103.
11. Dubrovin G. V., Okorokov A. V., Starkov V. F., Chernosvitov P. Yu. *Istoriya severorusskogo sudostroeniya* [History of Russian North shipbuilding]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 406 p.
12. Krotov P. A. *Rossijskij flot na Baltike pri Petre Velikom* [The Russian fleet in the Baltic under Peter the Great]. St. Petersburg, Historical Illustration publ., 2017. 744 p.
13. Kutakov L. N. *Rossiya i Yaponiya* [Russia and Japan]. Moscow, Science, 1984. 384 p.
14. Lind J. H. [«Delimitation Letter» and the Novgorod-Norwegian Treaties of 1251 and 1326]. In: *Novgorodskij istoricheskij sbornik* [Novgorod historical collection], 1997, iss. 6 (16), pp. 135–143.
15. Pavlov P. N. *Pushnoj promysel v Sibiri XVII veka* [Fur trade in Siberia in the 17th century]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical Institute Publ., 1972. 363 p.
16. Pavshinskaya M. S. [Competition of ports of Arkhangelsk and Saint-Petersburg in the first quarter of the XVIII century]. In: *Vestnik Pomorskogo universiteta. seriya: Gumanitarnye i socialnye nauki* [Bulletin of the Pomor University. Series: Humanities and social sciences], 2011, no. 2, pp. 116–119.
17. Pasetsky V. M. *Vitus Bering (1681–1741)* [Vitus Bering (1681–1741)]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 176 p.
18. Pashuto V. T. *Aleksandr Nevskij* [Alexander Nevsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1975. 160 p.
19. Petrov A. Yu., Yermolaev A. N., Koskina M. M. [Peter the Great and Russia's growing interest in the exploration of the Pacific Ocean, 1711–1722]. In: *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica], 2021, vol. 9, no. 1, pp. 265–280.
20. Dmitrienko N. M., Rodionova T. V. *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoy retrospektive XVIII v. (po dokumentalnym publikaciyam G. N. Potanina)* [The space of Northern Kazakhstan and Siberia in the historical retrospective of the XVIII century (based on documentary publications by G. N. Potanin)]. Tomsk, Publishing House of Tomsk University, 2013. 312 p.
21. Repin N. N. *Vneshnyaya trgovlya i social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii v XVIII v. (Arkhangelogorodskij i Peterburgskij porty)* [Foreign trade and socio-economic development of Russia in the 18th century. (Arkhangelsk and Petersburg ports)]. Omsk, Dostoevsky Omsk State University Publ., 1989. 80 p.
22. Repin N. N. [Maritime trade of Russia with European countries in the first six decades of the 18th century: the policy of the Russian government and its result]. In: *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin], 2008, no. 1 (18), pp. 77–108.
23. Savchenko A. B., Treyvish A. I. [Historical and geographical features of the development of the northern and arctic areas of Russia in the 17–19th centuries]. In: *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Series Geographical], 2017, no. 3, pp. 90–102.
24. Fedorova T. S. [The life of the Japanese in Russia and of Russian America began with Kamchatka]. In: *Kamchatka raznymi narodami obitaema : mat-ly XXIV Krashenninnikovskikh chtenii. Petropavlovsk-Kamchatskii, 25 aprelya 2007 g.* [Kamchatka is inhabited by different peoples: materials of the XXIV Krashe-ninnikov readings. Petropavlovsk-Kamchatsky, April 25, 2007]. Petropavlovsk-Kamchatsky, Information and Publishing Center of the Kamchatka Regional Scientific Library Publ., 2007, pp. 179–188.
25. Fedorov P. V. [About the appearance of the Russian border in Lapland (some of the results of the discussion)]. In: *Arktika i sever* [Arctic and North], 2017, no. 26, pp. 53–75.
26. Fedorov P. V. *Rossiya, okruzhennaya vodoj. Obzor istorii Kol'skogo poluostrova. 1216–1991* [Russia surrounded by water. Overview of the history of the Kola Peninsula. 1216–1991]. St. Petersburg, A. Sobchak International Banking Institute Publ., 2021. 726 p.
27. Fedorov P. V. *Centr i severnaya okraina Rossijskogo gosudarstva v XVI–XX vv: dinamika strategicheskikh svyazej (na materialah Kolskogo zapolyarya) : avtoref. diss. ... dok. ist. nauk* [The center and northern out-

- skirts of the Russian state in the 16th-20th centuries: the dynamics of strategic ties (based on the materials of the Kola polar region) : Abstract of Dr. Sci. thesis in Historical Sciences]. Arkhangelsk, 2009. 50 p.
28. Chapaev M. R. [State and legal regulation of the fur trade in Russia in the 17th century]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2011, vol. 13, no. 3 (2), pp. 322–325.
29. Shaskolsky I. P. [Treaties between Novgorod and Norway]. In: *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], 1945, vol. 14, pp. 38–61.
30. Shaskolsky I. P. [Embassy of Alexander Nevsky to Norway]. In: *Voprosy istorii* [Issues of History], 1945, no. 1. Available at: <https://www.shamardanov.ru/i-shaskolskij-posolstvo-aleksandra-nevskogo-v-norvegiyu-voprosy-istorii-№-1-1945.html> (accessed: 06.01.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории культуры и социального развития Московской области Московского государственного областного университета, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, научный руководитель лаборатории военной истории ЯрГУ, руководитель Межведомственной рабочей группы по вопросам сохранения российского исторического и культурного наследия в США при ЯрГУ, научный консультант лаборатории «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ» ЯрГУ;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Давыдов Вячеслав Викторович – старший преподаватель кафедры социологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;
e-mail: v.davydov@uniyar.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuriy Yu. Ierusalimskiy – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Cultural History and Social Development of the Moscow Region, Moscow Region State University; Department Head, Department of Medieval and Modern Russian History, Yaroslavl State University; Scientific Director, YarSU Military History Laboratory; Head of the Interdepartmental Working Group on the Preservation of Russian Historical and Cultural Heritage in the USA at YarSU; scientific consultant, the laboratory «Russia and Europe: Comparative Study of Pre-Industrial Societies», Yaroslavl State University;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Vyacheslav V. Davydov – Senior Lecturer, Department of Sociology, Yaroslavl State University;
e-mail: v.davydov@uniyar.ac.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иерусалимский Ю. Ю., Давыдов В. В. Роль Петра Великого в освоении русской Арктики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 58–68.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-58-68

FOR CITATION

Ierusalimskiy Yu. Yu., Davydov V. V. The role of Peter the Great in the development of the Russian Arctic. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 58–68. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-58-68

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-69-80

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ И 9 (22) ЯНВАРЯ 1905 Г.

Кременецкий К. В.

Нью-Йоркская киноакадемия

CA 91505, Риверсайд Драйв, 3300, Бербанк, Калифорния, США

Аннотация

Цель. Анализ двух интервью великого князя Владимира Александровича американским газетам в январе 1905 г.

Процедура и методы. В статье рассмотрена пропагандистская кампания против великого князя Владимира Александровича в английской печати, которая была частью информационного обеспечения русско-японской войны. С помощью интервью американским газетам русское правительство пыталось донести до американской публики правительственную точку зрения на события января 1905 г. в Петербурге. Рассмотрены отклики на интервью в западной и отечественной периодике.

Результаты. Владимир Александрович был объявлен английской прессой главным виновником событий 9 (22) января в Петербурге. Интервью Владимира Александровича были важным элементом публичной реакции правительства на события января 1905 г. в Петербурге. Для внешней и внутренней аудитории было подтверждено, что правительство полностью контролирует ситуацию и полагается на лояльность вооружённых сил. События 9 (22) января 1905 г. объяснялись как попытка мятежа, организованного революционерами и подавленного благодаря решительным действиям военных. Простые обыватели были вовлечены в уличные беспорядки обманом и оказались их невинными жертвами. Осуждалась клеветническая кампания, поднятая по поводу этих событий в западной, преимущественно английской, печати. Мнение Владимира Александровича подтверждается другими свидетельствами современников. Меры по поддержанию порядка оказали влияние на дальнейший ход событий в столице империи.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённая работа позволяет воссоздать более полную и объективную картину событий января 1905 г. в Петербурге. Уроки январского мятежа 1905 г. Были учтены и правительством, и революционерами.

Ключевые слова: Владимир Александрович, царь Николай, Эмиль Диллон, пропаганда, интервью, мятеж, газеты

GRAND DUKE VLADIMIR AND JANUARY 9 (22), 1905

K. Kremenetsky

New York Film Academy

Riverside Drive 3300, Burbank CA 91505, California, USA

Abstract

Aim. The paper analyses two interviews by Grand Duke Vladimir to the American newspapers at January 1905.

Methodology. The article considers the media campaign against the Grand Duke Vladimir which was a part of media war waged mostly by the British newspapers during the Russo-Japanese war. Two interviews of grand Duke Vladimir to the American papers were an attempt by Russian government to convey the official Russian position on the events of January 1905 to the American public. The article considers the reviews and comments by British and Russian media.

Results. British newspapers made Grand Duke Vladimir the scapegoat of tragic events of January 9 (22) in Petersburg. His interviews were an important component of the official reaction to these events. Thus, Russian government demonstrated to the international and domestic audience that it remains in full control and can rely on loyalty of the army. The event of January 9 (22) was explained as a socialist riot suppressed by action of the military. Bystanders were seen as innocent collateral victims of the events. Vladimir finger pointed to the defamation campaign of western, mostly British, papers. Opinion of the Grand Duke Vladimir was similar to the published views of other contemporaries. Measures to maintain law and order were important for the further development in the imperial capital.

Research implications. This analysis helps to establish a more complex and balanced view of the events of January 1905 in Petersburg. Lessons of the January riot were learned by both the government and the revolutionaries.

Keywords: Grand Duke Vladimir, tsar Nicholas, Emile Dillon, propaganda, interview, riot, newspapers

Введение

Третий сын Александра II, великий князь Владимир Александрович, сыграл заметную роль в истории России второй половины XIX – начала XX вв. Разные аспекты государственной деятельности Владимира Александровича описывались многими историками [1; 2; 4; 5; 6]. В литературе есть упоминания о роли Владимира Александровича в событиях 9 (22) января 1905 г. в Петербурге [1, с. 83–84], однако этот эпизод биографии Владимира Александровича не был объектом специального рассмотрения.

Обращение к современной событиям периоде России, Великобритании, Франции и США позволяет проследить, как был сформирован и с какими целями использовался образ Владимира Александровича как «виновника» событий 9(22) января 1905 г. Практически не использовались исследователями два интервью Владимира Александровича американским газетам в январе (феврале) 1905 г. Они представляют интерес хотя бы потому, что обычно великие князья

не общались с иностранной прессой и согласие Министерства двора на эти интервью объяснялось беспрецедентной пропагандистской кампанией, организованной преимущественно английской прессой в январе 1905 г.

Образ Владимира Александровича в западной прессе

Необходимо пояснить, почему ответственность за «кровавое воскресенье» 9 (22) января 1905 не возлагалась непосредственно на царя Николая. Это соответствовало пропагандистской картине личности русского царя, которая создавалась годами преимущественно английской прессой и интенсифицировалась с началом русско-японской войны.

Орган общества друзей русской свободы *Free Russia* в 1901 г. поместил анонимную статью в жанре «письма высокопоставленного француза». Подчёркнуто, что этот француз якобы лично видел и общался с царём и царицей. В «письме» имеется стандартный набор утверждений: лично царь – хороший человек, но

безволен, тяготеет своим положением, им манипулируют министры¹.

То же самое писал о царе Николае выходивший в Англии диссидентский журнал «Свободное слово»: «Какое печальное, жалкое зрелище представляет этот ослеплённый, уверенный в своём величии человек, служащий послушным орудием в руках кучки самодовольных и корыстолюбивых людей, извлекающих выгоды из бедственного положения своей родины»².

Одной из тем пропаганды был тезис, что безвольный царь – это марионетка в руках великих князей³. Русский революционер И. А. Рубанович издавал в Париже на французском языке журнал партии эсеров *La Tribune Russe*. Секретарём журнала был Ж. Маритен. Там было опубликовано «письмо Иванова» к цивилизованным народам Европы и Америки. Иванов объявлял, что средства на создание военного флота были разворованы великими князьями⁴.

О «клике великих князей», вершащей судьбы России, писал корреспондент *The Daily Telegraph* в России Э. Диллон в опубликованном им от лица «высокопоставленного русского бюрократа» пасквиле на царя Николая⁵. Царь Николай сравнивался со слабоумным Фёдором Иоанновичем⁶. Эту статью цитировали другие английские и американские газеты, она особенно пригодилась после 9 (22) января 1905 г.⁷. В другой статье Диллона из этого цикла руководителями «великокняжеской банды» были объявлены великие князья Владимир и Сергей Александровичи⁸.

Русские газеты упоминали эти клеветнические статьи, но не догадывались об их авторстве⁹.

Эмиль Диллон жил в России с 1878 г. до 1914 гг., великолепно знал язык и прекрасно понимал Россию¹⁰. В 1894 г. в написанной под псевдонимом Ланин статье Диллон изложил сценарий победоносной войны против России, где отметил, что необходимым условием закрепления победы над Россией должно стать расчленение страны¹¹.

Другим мотивом пропаганды были сообщения о том, что великий князь Владимир плетёт интриги против своего племянника, причём царю был поставлен диагноз эпилепсия¹². Нью-йоркская газета обнародовала слухи о том, что военные готовят заговор по свержению царя и замене его регентом – Владимиром Александровичем. Добавлено, что такие же планы великие князья строили сразу после смерти Александра III по причине неспособности Николая править страной¹³.

Парижская газета *L'Humanité* со ссылкой на сообщение издателя революционного журнала «Освобождение», выходившего в то время в Париже, рассказала о том, что великие князья Владимир Александрович и Сергей Александрович выступают за репрессии, в то время как другие великие князья склонны к проведению реформ¹⁴.

Владимир Александрович возглавлял комиссию по сооружению храма в память об Александре II Спас на Крови. Поэтому сообщения о воровстве при строительстве были одним из способов его дискредитации. Ещё в 1890 г. художник Н. Н. Ге рассказывал Л. Н. Толстому сплетни, что

¹ Free Russia. 1901. November. P. 1.

² Свободное слово. 1903. Апрель. С. 10.

³ Justice. London. 1904. April 23. P. 1.

⁴ La Tribune Russe, No 12-13, 20 Juin – 5 Juillet 1904, 174; издано также отдельной брошюрой: Ivanof S. Le Peuple et le Gouvernement Russes. Bibliothèque de la Tribune Russe. Paris, 1904, p. 13.

⁵ The Quarterly Review. 1904. № 399. P. 205–207.

⁶ The Quarterly Review. 1904. № 399. P. 191.

⁷ Justice. London. 1904. July 23. P. 4; The Daily Mirror. 1905. January 25. P. 11; The World, New York. 1905. January 29. P. E1.

⁸ The National Review. 1905. February. P. 969–998.

⁹ Новое Время. 1905. 16 февраля (1 марта). С. 13.

¹⁰ Dillon E. J. Russia Today and Yesterday. London & Toronto. J.M. Dent & Sons Ltd., 1929. 338 p.

¹¹ The Fortnightly Review. 1894. January 1. P. 135–136.

¹² Justice. London. 1904. May 7. P. 1.

¹³ New York American and Journal. 1904. June 12. Part II. P. 50.

¹⁴ L'Humanité. 1904. Décembre 10. P. 3.

при строительстве храма всё украли¹. В годы русско-японской войны эта тема стала более востребованной.

В 1904 г. в России и в Манчжурии провёл несколько месяцев корреспондент парижской *Le Matin* П. Жиффар. Русского языка он не знал, но это ему и не требовалось. По возвращении во Францию Жиффар опубликовал книгу о России. Лейтмотивом книги, по отзывам рецензентов, была всеобщая коррупция и аморальность управления в России на всех уровнях общества². Жиффар поведал, что в ходе строительства Спаса на Крови несколько архитекторов покончили с собой один за другим из-за разворовывания средств на сооружение храма³. О том, что много раз были украдены деньги, предназначенные для строительства Спаса на Крови, писали и в Англии⁴. Наконец, напрямую обвинил в этом великого князя Владимира парижский еженедельник *Courrier Européen*⁵.

9(22) января 1905 г. – «Владимиров день»

Автором версии о виновности Владимира Александровича в событиях 9(22) января в Петербурге был корреспондент *The Daily Telegraph* Э. Диллон. Ему принадлежит формулировка «Владимиров день» (Vladimir's day) для описания событий 9(22) января. Сделано это было в жанре «интервью» с мифическим придворным. В этом «интервью» Владимир Александрович сравнивается с Наполеоном, объявляется, что Владимиру Александровичу царём предоставлены полномочия по поддержанию порядка в столице⁶.

Творчество Э. Диллона оказалось востребовано в советский период: «О роли

этого кровавого романовского палача английский корреспондент лондонской газеты *The Daily Telegraph* Диллон, близкий к царским придворным кругам, тогда же, в день 9 января, в своей корреспонденции писал...»⁷.

11 (24) января 1905 г. изложение «интервью придворного» со ссылкой на корреспондента «Дейли Телеграф» напечатала парижская *Le Matin*⁸.

В этот же день тему злодейства Владимира Александровича развили другие лондонские газеты.

The Daily Mirror опубликовала фотографию Владимира Александровича с подписью: «Человек, который отдал приказ об убийствах». В другой статье в этом же номере газета поясняла, что Владимир Александрович ответственен за гибель сотен невинных мужчин, женщин и детей. Для иллюстрации жертв расправы была помещена фотография о. Иоанна Сергиева с подписью, что это отец Сергей, убитый у Нарвских ворот в Петербурге⁹. Вслед за *The Daily Telegraph* о «Владимировом дне» с пояснением, что это сделано по аналогии с Варфоломеевским днём во Франции, написала *The Standard*. В статье Владимир Александрович был объявлен диктатором Петербурга и главным виновником событий 9(22) января 1905 г.¹⁰

Аналогичные сообщения появлялись и в последующие дни.

Парижская *La Petite République* напечатала вслед за *Le Matin* изложение «интервью придворного» со ссылкой на корреспондента *The Daily Telegraph* и с заголовком, что это мнение Владимира Александровича¹¹. Похожую статью об «алкоголике, организовавшем бойню в воскресенье» поместила *L'Aurore*¹².

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 51. М.: ГИХЛ, 1952. С. 24.

² Touche-à-tout: revue hebdomadaire universelle illustrée. 1904. Novembre 6. P. 626.

³ Giffard P. Roubles et roubleards. Voyage aux pays russes. Paris. P.-V. Stock, 1904. P. 104.

⁴ Perris G. H. Russia in Revolution. London. Chapman & Hall, 1905. P. 165.

⁵ Courrier Européen. 1905. Avril 28. P. 384

⁶ The Daily Telegraph, 1905. January 23. P. 9.

⁷ Волин Б. М. «Кровавое воскресенье», 9 января 1905 года (35-летие начала первой русской революции) // Исторический журнал. 1940. № 1. С. 31.

⁸ Le Matin. 1905. 24 Janvier. P. 3.

⁹ The Daily Mirror. 1905. January 24. P. 1, 6.

¹⁰ The Standard. 1905. January 24. P. 6.

¹¹ La Petite République socialiste. 1905. Janvier 25. P. 2.

¹² L'Aurore. 1905. Janvier 25. P. 1.

В развитие этой темы парижский еженедельник сочинил несколько историй о великом князе Владимире: рассказывается байка, как Владимир застрелил железнодорожного станционного мастера, потому что тот задержал поезд Велико-го Князя на 3 часа. Причина же задержки поезда заключалась в необходимости пропустить военный состав. Во время визита в Париж Владимир сумел вытрясти из некоей парижской газеты 50 тыс. франков, которые ему срочно понадобились. Приведён мифический диалог между царём Николаем II и Победоносцевым. Победоносцев выговаривает Николаю, что он не такой, как его дядя Владимир, и хвалит Владимира за решительность¹. Историю об убийстве железнодорожника оценили и перепечатали в Лондоне².

Лондонские газеты продолжали писать о вине Владимира Александровича³. Одновременно сообщалось о том, что Владимир Александрович хочет организовать дворцовый переворот и захватить власть⁴.

Вслед за англо-французскими газетами о зловещей роли великого князя Владимира Александровича стали писать выходившие в Европе диссидентские русские газеты.

О всесии Владимира Александровича написала выходившая в Стокгольме *Fria Ord*⁵ (эта газета была предназначена для Финляндии).

Выпускавшаяся в Женеве социалистическая газета «Вперёд» писала: «... правительство вообще (и великий князь Владимир в особенности) *хотело* вызвать кровавую расправу при наиболее выгодных для него условиях»⁶.

О руководящей роли Владимира Александровича писали выходившие

в Англии «Революционная Россия»⁷ и «Свободное слово»:

«Казачи были расставлены по линиям и проспектам Васильевского острова с обнажёнными шашками, по три человека. Инструкции им никакой не было дано, велено только усмирять. А так как усмирять было некого, то они рубили мальчишек, которые играли между собой. Попалась, впрочем, и одна беременная женщина, которой почти отрубили голову, говорят, за то, что она обругала казака, который на её глазах изрубил 7-летнего мальчишку. Всеми этими храбрыми войсками распоряжался великий князь Владимир Александрович»⁸.

Интервью Владимира Александровича для *New York American*

Во вторник 11 (24) января за информацией о событиях в Петербурге к Владимиру Александровичу обратились представители Нью-Йоркских газет известного издателя Херста.

На первой странице *New York American* появился заголовок: «Военный диктатор Петербурга сделал первое официальное заявление с начала событий». Далее следовал краткий текст о том, что газетные сообщения о событиях в Петербурге сильно преувеличены и что порядок в столице вскоре будет восстановлен. Ниже следовало пояснение от редакции газеты, что телеграмма была послана в ответ на запрос газеты с просьбой сообщить мнение русского правительства о положении в России⁹.

На следующий день сообщение о телеграмме и саму телеграмму перепечатали со ссылкой на *New York American* английские и французские газеты¹⁰.

В соответствии с протоколом интервью было согласовано с Министерством двора. Интервью рассматривалось в Пе-

¹ Courrier Européen. 1905. Janvier 27. P. 180–181.

² Justice. London. 1905. February 11. P. 5.

³ The Daily Mirror. 1905. January 25. P. 3; The Sphere. 1905. January 28. P. 99.

⁴ The Daily Mirror. 1905. January 25. P. 7.

⁵ Fria Ord. 1905. 26 Januari. P. 2.

⁶ Вперед. 1905. 31 (18) января. С. 2.

⁷ Революционная Россия. 1905. 10 февраля. С. 12.

⁸ Свободное слово. 1905. № 15. С. 31.

⁹ New York American. 1905. January 25. P. 1.

¹⁰ The Standard. 1905. January 26. P. 5; L'Humanité. 1905. 26 Janvier. P. 2; Le Petit Parisien. 1905. 26 Janvier. P. 2.

тербурге как возможность донести до американской публики взгляд русского правительства на события 9(22) января 1905 г.

Интервью Владимира Александровича специальному корреспонденту *New York American* Р. Лонгу состоялось в пять вечера в воскресенье 16 (29) января 1905 г. в Зимнем дворце, и на следующий день было опубликовано в газете¹.

Характерные заголовки: «Убийство народа одобрено царём!», «Солдаты снова будут стрелять!».

Как отметил корреспондент, Владимир Александрович свободно говорит по-французски и по-английски, но по протокольным соображениям интервью проходило по-русски.

Далее великий князь подчеркнул, что ни в одной стране мира власти не могут допустить уличных революций. Он действовал в качестве командующего Петербургским округом. Применение оружия войсками не планировалось заранее, а осуществлялось в соответствии с обычными законами Империи в тех случаях, когда полиция не могла справиться с толпой. Военные выполняли свой долг и выполняют его в дальнейшем в случае необходимости. Император огорчен происшедшим кровопролитием, но признаёт это как печальную необходимость и полон решимости противостоять всем революционным требованиям. Реформы в России будут продолжаться, но по воле императора.

Отвечая на вопросы корреспондента, Владимир Александрович опроверг все сообщения о том, что были случаи неповиновения войск приказам. Он также опроверг утверждения, что практически стал диктатором, и подчеркнул, что как военный он не занимается политикой.

Отвечая на вопрос о революционном движении в России, великий князь обратил особое внимание на то, что все беспорядки и мятежи будут решительно подавляться. Он опроверг сообщения о том, что император бежал из Царского Села.

¹ *New York American*. 1905. January 30. P. 1–2.

В заключение интервью Владимир Александрович ещё раз повторил, что военные выполняют свой долг.

Интервью Владимира Александровича для *New York American* частично перепечатали и прокомментировали английские и французские газеты. В целом содержание интервью передано довольно точно. Добавлены отсутствующие в *American* слова об осуждении революционных вождей и о забастовке в Ревеле². Газета с гордостью объявила читателям, что интервью великого князя Владимира для *American* перепечатали лондонские газеты³.

Интервью Владимира Александровича для *Associated Press*

Ещё одно интервью было взято у Владимира Александровича корреспондентом *Associated Press* Р. Уилтоном в Петербурге во вторник 18 (31) января 1905 г. и было опубликовано одновременно в двух газетах в Нью-Йорке⁴.

В этом интервью Владимир Александрович сказал, что ознакомился с сообщениями иностранной прессы и пришёл в ужас от вымышленных историй о расстреле мирной процессии со священником во главе. За мирной процессией скрывался анархистский и социалистический заговор, невольным орудием которого стали неповинные рабочие. По результатам осмотра погибших и задержанных установлено, что священников изображали переодетые революционеры и студенты.

При рассеянии толпы, к сожалению, вместе с виновными пострадали невинные. Решительные действия потребовались для подавления мятежа. Далее великий князь остановился на примерах клеветнических сообщений иностранной прессы, в особенности английской. Выдумываются самые фантастические со-

² *The Daily Express*. 1905. January 31. P. 1; *Le Petit Parisien*, 1905. 31 Janvier. P. 3.

³ *New York American*. 1905. January 31. P. 1.

⁴ *New York Daily Tribune*. 1905. February 1. P. 2; *The New-York Herald*. 1905. February 1. P. 9.

общения. При этом они не пишут о нападениях мятежной толпы на офицеров на улицах города, об убитых и раненых полицейских. На самом деле сведения о пострадавших 9 (22) января, убитых и раненых, публикуются и уточняются.

В качестве примера клеветы английской прессы Владимир Александрович упомянул сообщения о том, что трупы убитых рабочих спускали под лёд в Неву. Имелся в виду рисунок из *Daily Mirror* (рис. 1).

The Daily Mirror

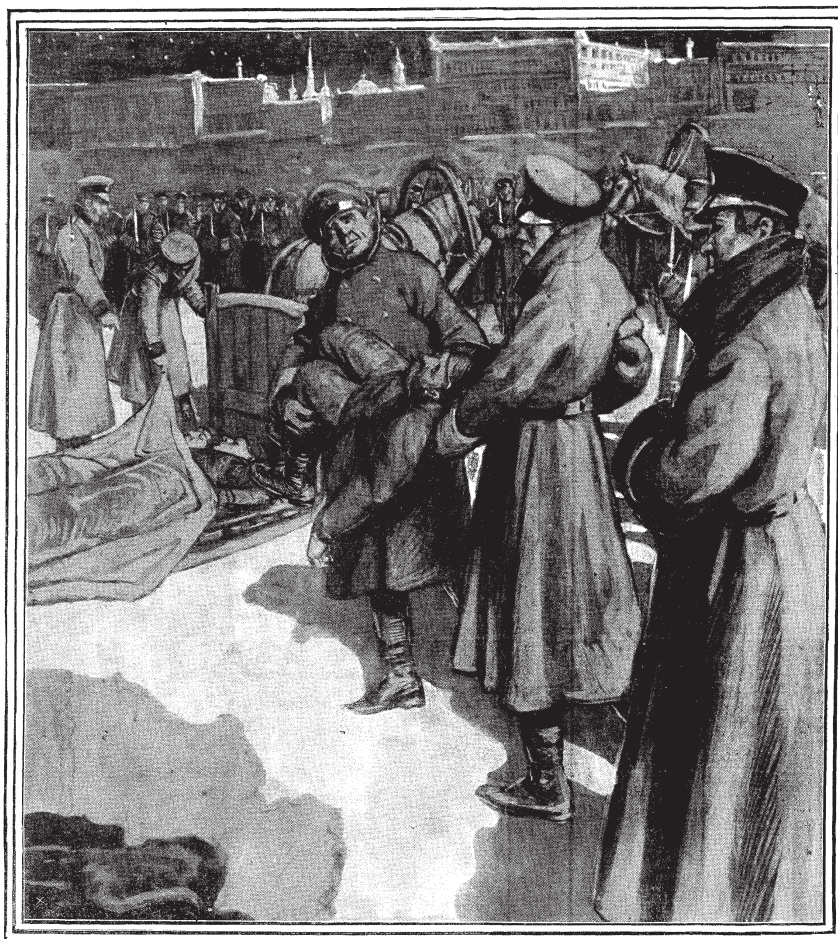
No. 386.

Registered at the G. P. O.
as a Newspaper.

FRIDAY, JANUARY 27, 1905.

One Halfpenny.

RUSSIAN STRIKERS BURIED UNDER THE ICE OF THE NEVA.

Many of the workmen who were massacred in St. Petersburg when they attempted to march to the Winter Palace to present their petition for redress to the Tsar will never be accounted for now, since a hole in the ice of the swiftly-running Neva presented an easy way of disposing of superfluous bodies. Our drawing depicts the cruel manner in which the Russian soldiers dragged the bodies of the poor unfortunate workmen to the opening and shovelled them under the thick ice.—(Drawn from a sketch supplied by our St. Petersburg correspondent.)

Рис. 1 / Fig. 1. Русских забастовщиков хоронят подо льдом Невы (рис. по эскизу Петербургского корреспондента *Daily Mirror*) / Russian strikers are buried under the ice of the Neva (fig. according to the sketch of the St. Petersburg correspondent *Daily Mirror*)

Источник: The Daily Mirror. 1905. January 27. P. 1

Изобилующий живописными подробностями рассказ о расстреле мирной демонстрации со священником (священниками) во главе был сочинён главным образом корреспондентами английских газет: Э. Диллоном (*Daily Telegraph*), МакГауеном (*Standard*), Беррингером (*Reuters*), Ч. Хендз (*Daily Mail*)¹. Корреспондент *Reuters* сообщал, что, по слухам, было 20 тыс. убитых и 4000 раненых².

В остальном это интервью по содержанию повторяет интервью для *New York American*. Владимир Александрович в ответ на вопрос корреспондента опроверг сообщения о том, что власти хотят повесить Максима Горького.

На следующий день *New-York Herald* напечатала сообщение своего корреспондента в Петербурге в жанре интервью с высокопоставленным чиновником, пожелавшим остаться неизвестным. В этом «интервью» воспроизведён тезис о царе, который понятия не имеет о том, что происходит в стране. Всё произошло из-за слабости правительства, которое не знает, что делать³. Вышедшее сразу после интервью с Великим князем, это «интервью» должно было создать впечатление, что правительство пытается снять с Владимира ответственность.

Интервью Владимира Александровича корреспонденту *Associated Press* было перепечатано *The Times* с минимальными изменениями. В передовой статье в том же номере газета обвинила Владимира Александровича в том, что он пытается оправдаться⁴. Сообщения об интервью с выдержками напечатали и другие английские и французские газеты⁵.

В середине января в Россию приехал специальный корреспондент *New York American* Майкл Дэвитт. 19 января (1 февраля) 1905 г. он брал интервью у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Важной целью встречи было приобщить Л. Н. Толстого к хору осуждения властей в связи с 9(22) января 1905 г. В разговоре не был забыт и Владимир Александрович. Один из подзаголовков в *New York American*: «Он [Толстой] говорит, что царь и Владимир виновны в равной степени, если они одобрили бойню». В публикации имеется следующая фраза: «Если великий князь Владимир отдал приказ стрелять, и если император это одобрил, тем хуже для них обоих – они соучастники преступления»⁶.

21 января (3 февраля) 1905 г. Жорж Клемансо написал передовую статью в *L'Aurore* о событиях в России. Непосредственным поводом к написанию материала был приём царём в Царском Селе депутации рабочих крупных предприятий Петербурга. Обличая самодержавие, Клемансо вспомнил о великом князе Владимире, приписав ему желание повесить 200 первых попавшихся под руку манифестантов. Это было развитие сюжета «интервью придворного» Э. Диллона, в котором великий князь был готов повесить 100 человек⁷.

23 января (5 февраля) М. Дэвитт был в Москве и присутствовал на приёме, данном Сергием Александровичем в Николаевском дворце Кремля. Дэвитт написал письмо Сергею Александровичу с просьбой о встрече. В интервью с Великим князем ему было отказано, но с Дэвиттом побеседовал начальник канцелярии Воронин.

Одной из тем беседы стало интервью Владимира Александровича для *American*. Дэвитт сказал Воронину, что интервью у Владимира Александровича брал он, Дэвитт, и спросил, может ли Сергей

¹ The Daily Telegraph. 1905. January 23. P. 10; The New-York Herald. European Edition. Paris. 1905. January 23. P. 1; The Standard. 1905. January 23. P. 5; The Standard. 1905. January 27. P. 5.

² The Manchester Guardian. 1905. January 23. P. 7.

³ The New-York Herald. 1905. February 2. European Edition. P. 1; New-York Edition. p. 11

⁴ The Times. 1905. February 2. P. 3, 7.

⁵ The Daily Telegraph. 1905. February 2. P. 10; The Standard. 1905. February 2. P. 5; Le Petit Parisien. 1905. Février 2. P. 3; Le Journal. 1905. Février 2. P. 4.

⁶ New York American. 1905. February 2. P. 1.

⁷ The Daily Telegraph. 1905. January 23. P. 9; L'Aurore. 1905. Février 3. P. 1.

Александрович прокомментировать слова Владимира Александровича о том, что император полностью одобрил действия войск в Петербурге 9 (22) января. В ответе Воронин подтвердил согласие с мнением Владимира Александровича, как оно было представлено ему Дэвиттом¹.

Об интервью Владимира Александровича *Associated Press* писало «Новое Время». Согласно цензурному уставу, слова Высочайших особ, к которым относились члены императорской фамилии и Великие князья, могли печататься с разрешения министра Двора². Чтобы обойти это цензурное требование, газета дала сообщение со ссылкой на *Associated Press* под заголовком «Беседа с высокопоставленным лицом»:

«Петербургский корреспондент *Associated Press* беседовал с одним высокопоставленным лицом относительно последних событий в России. Это высокопоставленное лицо сожалеет о преувеличенных рассказах иностранной печати.

Рассказывают, сказал он, о какой-то бойне невинных людей. Правительству известно, что за мирным протестом скрывался социалистский и анархистский заговор. Доказано, что многие якобы священники, бывшие во главе рабочих, были на самом деле переодетыми агитаторами, в руках которых рабочие были лишь оружием. Пострадали на ряду с виновными невинные, но разве можно было позволить толпе в 140 000 чел. приблизиться к входу в Зимний Дворец... Мы исполнили ту обязанность, которая лежит на всяком правительстве.

В дальнейшей беседе высокопоставленное лицо с особенным порицанием высказалось об американской и английской печати. За границу ничего не говорилось об офицерах, на которых напала толпа, не упоминалось о раненых и убитых полицейских»³.

Англо-французские газеты продолжали писать о Владимире Александровиче.

Специальный корреспондент *L'Humanité* в Петербурге Этьен Авенар в «журналистском расследовании» о событиях 9(22) января писал о желании Владимира Александровича пустить кровь трудящимся для успокоения общества⁴. Мюнхенский еженедельник «Симплициссимум» поместил рядом 2 карикатуры. На одной (рис. 2.1) был изображен убийца князь Владимир, а на другой – прячущийся под столом царь (рис. 2.2). Это наглядный пример пропагандистского тезиса о безволии царя и всесии великого князя Владимира Александровича.

Тема Владимира Александровича получила продолжение в *The Times*. 24 марта 1905 г. газета разместила заметку с заголовком «Великий князь Владимир». Публикация включала письмо в редакцию от Д. М. Уоллеса. Уоллес представил «письмо от русского друга». Ниже следовало оправдательное по тону письмо «русского друга». В письме отрицалось существование «великокняжеской клики» – это была полемика со статьей Э. Диллона⁵. Письмо повторяет основные тезисы английских газет, но снимает персональную ответственность за события 9 (22) января 1905 г. с Владимира Александровича⁶.

В мае 1905 г. *The National Review* напечатал очередной материал «высокопоставленного русского бюрократа» (Э. Диллона) «Конец самодержавия»⁷. В этой статье ответственность за события 9(22) января возлагается на великого князя Владимира Александровича и князя Васильчикова. Диллон писал, что Владимир Александрович пытался оправдаться в английских и американских газетах и приводил цитату из «письма от русского друга»⁸.

⁴ L'Humanité. 1905. Février 16. P. 2.

⁵ The National Review. 1905. February. P. 969–998.

⁶ The Times. 1905. March 24. P. 5.

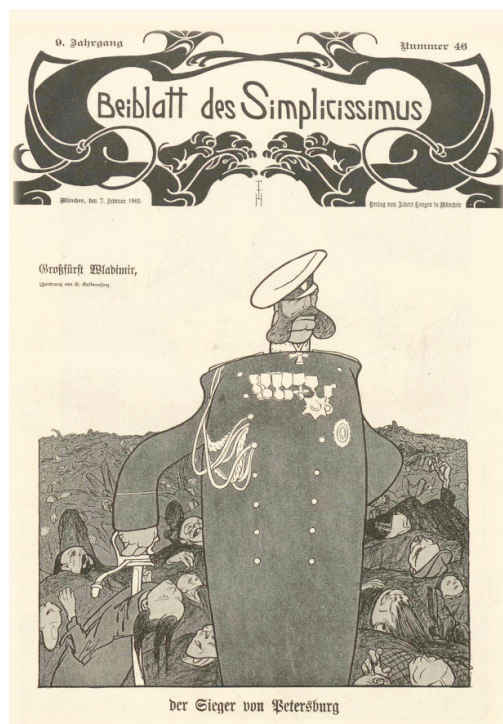
⁷ The National Review. 1905. May. P. 416–446.

⁸ The Times. 1905. March 24. P. 5; The National Review. 1905. May. P. 420; Dillon E. J. The Eclipse of Russia. London: J. M. Dent Publ., 1918. P. 134.

¹ New York American and Journal. 1905. February 5. P. 49.

² Новости и Биржевая Газета. 1904. 1(14) декабря. С. 2.

³ Новое Время. 1905. 24 января (6 февраля). С. 3.

1

2

Рис. 2 / Fig. 2. Карикатуры из мюнхенского еженедельника «Симплициссимус» / The caricatures from the Munich weekly *Simplicissimus*

Источник: *Simplicissimus*. 1905. 7 Februar. P. 459–460.

После отставки Владимира Александровича с поста командующего гвардией и Санкт-Петербургского военного округа в ноябре 1905 г. он перестал быть мишенью для пропаганды западной прессы. Однако левые газеты периодически о нём вспоминали. *L'Aurore* напечатала со ссылкой на некое агентство в Вене, которое получило из Львова конфиденциальное сообщение от русского графа-камергера. Царь Николай якобы собрался отречься от престола и объявить Владимира Александровича регентом при малолетнем Алексее¹. Другой парижский журнал, рассказывая о визите великого князя Владимира Александровича в Болгарию в связи с празднованием юбилея русско-турецкой войны 1877–1878 гг. назвал его «настоящим самодержцем России»².

¹ *L'Aurore*. 1906. Août 9. P. 1.

² *Courrier Européen*. 1907. Octobre 25. P. 619–620.

Заключение

Интервью великого князя Владимира Александровича американским газетам являются важными документами эпохи. Они позволяют составить более точное представление о характере событий 9 (22) января в Петербурге в контексте информационной кампании западной прессы, с которой столкнулось русское правительство в годы русско-японской войны.

Мнение Владимира Александровича подтверждалось другими современниками [3]. Запись о бунте в Петербурге имеется в дневнике князя Олега Константиновича Романова³. В интервью европейскому корреспонденту газеты Пулитцера С. Маккене издатель «Нового времени» Суворин отмечал, что, по его

³ Князь Олег. Пг., Типография Голике, 1915. С. 41.

сведениям, «поп Гапон» не принимал никакого участия в событиях 9 (22) января¹.

Оглядываясь на прошедшие события, еженедельник «Гражданин» отмечал, что имела место попытка переворота: «Бедные рабочие поддались на гнусный и подлый обман: их вызывали на стачки и на демонстрации яркими призраками успеха и будто бы желанием облегчить их положение, а на самом деле под этою маскою скрывался гнуснейший из гнусных замыслов: рабочие массы подвигнуть на

беспорядки, подставить под плети и выстрелы, чтобы на их трупах устраивать себе пьедестал для осуществления их личных безумных замыслов политического переворота и захвата власти»².

Об обманутом революционерами народе писал Н. А. Энгельгарт: «Наивный, простодушный он пошёл за священником в эпитрахили и с крестом в руке. Мог ли он думать, что этот священник переодетый»³.

Дата поступления в редакцию 30.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. Н., Щаблов Н. Н. Титулованные огнеборцы России: Его Императорское Высочество великий князь Владимир Александрович // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2017. № 3 (36). С. 78–88.
2. Герасимова Е. В. Великий князь Владимир Александрович – государственный деятель, исследователь и библиофил (1847–1909): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2007. 26 с.
3. Кременецкий К. В. Епископ волынский Антоний (Храповицкий) и 9 (22) января 1905 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, регионоведение, международные отношения. 2017. Т. 22. № 1. С. 64–76.
4. Крылов-Толстикович А. Н., Барковец О. И. Великий князь Владимир Александрович: страницы биографии. СПб: Абрис, 2010. 368 с.
5. Хмельницкая И. И. Во благо родного Отечества. Великий князь Владимир Александрович – Президент Императорской Академии художеств. СПб.: Политехника-сервис, 2010. 136 с.
6. Хмельницкая И. И. «Жизнь и служение России»: Великий князь Владимир Александрович и русская культура. СПб.: Ассоциация графических искусств, 2013. 143 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V. N., Schablov N. N. [Titled firefighters Russia: His Imperial Highest Great Prince Vladimir Alexandrovich]. In: *Psikhologo-pedagogicheskie problem bezopasnosti chelovecheka i obschestva* [Psychological and pedagogical safety problems of human and society], 2017, no. 3 (36), pp. 78–88.
2. Gerasimova E. V. *Velikii kniaz Vladimir Aleksandrovich – gosudarstvennyi deyatel, issledovatel i bibliofil (1847–1909): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Grand Duke Vladimir Alexandrovich as a statesman, researcher and bibliophile (1847–1909): abstract of Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. St. Petersburg, 2007. 26 p.
3. Kremenetsky K. V. *Episkop volynskii Antoni (Khrapovitsky) i 9 (22) yanvarya 1905 g.* [Bishop of Volyn Antonius (Khrapovitsky) and January 9 (22), 1905]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya, regionovedeniye, lecheniye otnosheniy* [Science Journal of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 1, pp. 64–76.
4. Krylov-Tolstikovich A. N., Barkovets O. I. *Velikii kniaz Vladimir Aleksandrovich: stranitsy biografii* [Biography of Grand Duke Vladimir Alexandrovich]. St. Petersburg, Abris Publ., 2010. 368 p.
5. Khmelnitskaya I. I. *Vo blago rodnogo Otechestva. Velikii kniaz Vladimir Aleksandrovich – President Imperatorskoi Akademii Khudozhestv* [To the benefits of Motherland. Grand Duke Vladimir Alexandrovich – President of the Imperial Academy of Arts]. St. Petersburg, Polytekhnika-servis Publ., 2010. 136 p.
6. Khmelnitskaya I. I. «*Zhizn i sluzhenie Rossii*»: *Velikii kniaz Vladimir Aleksandrovich i russkaia kultura* [«In service of Russia»: Grand Duke Vladimir Alexandrovich and Russian culture]. St. Petersburg, Assotsiatsia graficheskikh isskustv Publ., 2013. 143 p.

¹ The World, New York. 1905. January 29. P. 2.

² Гражданин. 1905. № 3-5. С. 4.

³ Русский Вестник. 1905. Февраль. С. 817.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кременецкий Константин Владимирович – кандидат географических наук, преподаватель Нью-Йоркской киноакадемии;
e-mail: kkrementski@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Kremenetsky – Cand. Sci. (Geography), lecturer, New York Film Academy;
e-mail: kkrementski@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кременецкий К. В. Великий князь Владимир Александрович и 9 (22) января 1905 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 69–80.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-69-80

FOR CITATION

Kremenetsky K. V. Grand duke Vladimir and January 9 (22), 1905. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 69–80.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-69-80

УДК 94(470) «1941/1945»

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-81-95

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ В СССР ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОТ СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЫ ДО ИЗМЕНЫ РОДИНЕ

Ларионов А. Э., Камнева Г. П., Сотников А. А., Сотников С. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности девиантного поведения советских людей как специфического социально-исторического феномена военного времени 1941–1945 гг.

Процедура и методы. Изучен комплекс источников, сформулирована и проведена верификация гипотезы на основе анализа аутентичных фактов с привлечением репрезентативной историографической выборки.

Результаты. Социальные девиации являлись неотъемлемой и достаточно значимой частью повседневной жизни и общественно-политического развития СССР в годы Великой Отечественной войны. Они отличались значительным типовым и видовым многообразием. Учитывая экстремальные исторические условия, можно сказать, что девиантное поведение являлось дополнительным фактором риска, существенно снижавшим устойчивость и резистентность Советского Союза перед лицом внешней агрессии. Вместе с тем советское общество и государство выработали широкий спектр воспитательных и репрессивных мер, позволявших не только купировать негативные социальные последствия девиантного поведения, но и повышать жизнеспособность социальной системы. Недопустима абсолютизация негативных примеров в качестве аргумента в пользу негативной оценки всей советской эпохи. Недопущение перерастания социальных девиаций в разрушительный патогенез общества и государства явились следствием успешного синтеза ценностей и принципов традиционного общества с технологиями эпохи модерна в управлении.

Теоретическая и/или практическая значимость. Систематизированные в работе данные и научные результаты способствуют более глубокому пониманию советской эпохи, позволяя в перспективе построить единую теорию истории России XX в. Материалы статьи могут быть использованы при патриотическом воспитании школьников и обучении студентов гуманитарных специальностей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социальные коммуникации, девиантное поведение, социальные нормы и ценности, санкции

SOCIAL DEVIATIONS IN THE USSR IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: FROM ADULTERY TO HIGH TREASON

A. Larionov, G. Kamneva, A. Sotnikov, S. Sotnikov

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the peculiarities of the deviant behavior of Soviet people as a specific socio-historical phenomenon of 1941–1945 wartime.

Methodology. The authors studied a set of sources, phrased and verified the hypothesis of the article based on the analysis of authentic facts with the involvement of a representative historiographical sample.

Results. Social deviations were an integral and quite significant part of everyday life and socio-political development of the USSR during the Great Patriotic War. They were distinguished by a significant type and species diversity. Given the extreme historical conditions, it may be stated that deviant behavior was an additional risk factor that significantly reduced the stability and resistance of the Soviet Union in the face of external aggression. At the same time, Soviet society and the state developed a wide range of educational and repressive measures that allowed not only to stop the negative social consequences of deviant behavior, but also to increase the viability of the social system. The absolutization of negative examples as an argument in favor of a negative assessment of the entire Soviet era is unacceptable. The prevention of the development of social deviations into a destructive pathogenesis of society and the state was the result of the successful synthesis of values and principles of traditional society with the technologies of the Modern era in management.

Research implications. The data and scientific results systematized in the article help to gain a deeper understanding of the Soviet era, allowing in the future to build a unified theory of the history of Russia in the twentieth century. In addition, the materials of the article can be used in teaching students of humanities and patriotic education of schoolchildren.

Keywords: The Great Patriotic War, social communications, deviant behavior, social norms and values, sanctions

Введение

Данная статья является попыткой решить такую социально-историческую проблему, как роль и место девиантно-го/патологического поведения граждан СССР в годы Великой Отечественной войны. Актуальность научного анализа этой проблемы проистекает из нескольких достаточно очевидных наблюдений за тенденциями социокультурного и гуманитарного научного развития современного российского общества.

Во-первых, неослабевающим интересом пользуется советская эпоха как важнейший структурный элемент национальной исторической памяти. При этом оценки периода в целом, отдельных его периодов и событий могут быть диаметрально противоположными, но сам накал дискуссий и даже конфликтов в российском обществе по поводу советского периода отечественной истории не ослабевает. Ещё более примечательно, что одним из активных субъектов нормообразующего характера в этих дискуссиях выступает государственная власть, включая достаточно эмоциональные высказывания В. В. Путина: «Конечно, к со-

жалению, есть подходы к истории, когда её пытаются превратить в политическое и идеологическое оружие. Мы видим, какие риски влечёт циничное отношение к прошлому. Как фальсификация, манипуляция историческими фактами ведёт к разобщению стран и народов»¹. Законодательная криминализация высказанных в публичном информационном пространстве недостатков фундаментальных оценочных суждений негативной направленности в адрес событий и персонажей российской истории служит тому подтверждением².

¹ Путин: фальсификация истории ведёт к разобщению стран и народов // НТВ : [сайт]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1798080/> (дата обращения: 02.11.2021).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Статья 354.1. Реабилитация нацизма // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/ (дата обращения: 02.11.2021); КоАП РФ. Статья 13.15 Злоупотребление свободой массовой информации п.4 // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/82c0a663173b440cc9b027bc8e687dc9e36e71ad/ (дата обращения: 02.11.2021).

Во-вторых, в течение последних десятилетий в отечественной исторической науке наблюдается определённый вектор интереса к тем или иным формам девиантного поведения советских людей в многовариантной конкретике исторических обстоятельств, не исключая период Великой Отечественной войны. Таким образом, мы наблюдаем как интерес общества к Советской эпохе, так и рост градуса научного внимания к теневым сторонам советской действительности. Однако далеко не всегда эти волны интереса порождают подлинно научное (т. е. стремящееся к постижению истины) знание. Нередко мы можем наблюдать позицию в духе антисоветчика А. И. Солженицына или белоэмигранта и почитателя Гитлера философа И. А. Ильина, которые были склонны отрицать и дискредитировать весь советский проект, некорректно абсолютизируя любые отрицательные явления в области права, быта, морали, экономики, государственного управления или военного командования.

Аналогичная методология прослеживается и в интересных, но тенденциозных работах современных российских исследователей М. В. Зефирова и Д. М. Дёгтева, посвящённых труду и жизни в советском тылу [2]. Противопоставить такого рода деструктивным информационным интервенциям можно не столько административные или уголовные санкции, но, прежде всего, взвешенную и обоснованную источниками и логикой аргументацию. Ибо, как показывает опыт «боёв за историю» в отечественном изводе, любая ложь претендует на скандальность и ажиотаж, тогда как истина – спокойна и терпелива. Когда волна ажиотажа схлынет, то, что претендовало на сенсационность, предстаёт во всём своём убожестве и неприглядности.

Здесь уместно вспомнить слова одного из основоположников российской патриотической контрпропаганды – поэта, дипломата и мыслителя Ф. И. Тютчева: «Истинный защитник России – История,

в течение трёх столетий разрешавшая в её пользу все тяжбы, в которые русский народ раз за разом ввергал всё это время свои таинственные судьбы...»¹. Соответственно, миссия исторической науки в данном контексте – адресовать обществу взвешенные суждения на основе объективных свидетельств, не боясь негатива, но и не впадая в национально-историческую гордыню, но соблюдая спокойное достоинство любящих детей своей Родины.

Сообразно с актуальностью можно сформулировать цель настоящей научной публикации как выявление особенностей девиантного поведения граждан СССР в 1941–1945 гг., рассматриваемого в качестве самостоятельного социально-исторического феномена данного ключевого этапа советской истории.

Для максимального полного достижения цели по ходу статьи необходимо решить следующий комплекс задач:

1. сформулировать определение девиантного поведения в контексте истории советского общества;
2. осуществить обзорный анализ источников и научных публикаций по теме статьи;
3. классифицировать девиантное поведение в СССР военного времени по типам и видам;
4. проанализировать характерные примеры, иллюстрирующие проблематику статьи;
5. определить роль и место социальных девиаций/патологий в истории СССР периода Великой Отечественной войны;
6. проанализировать реакции общества и государства на девиантное поведение граждан;
7. исходя из характеристики девиантного поведения и реакций на него, определить сущность советского общества;

¹ Тютчев Ф. И. Россия и Германия. Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты» // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в 6 т. Т. 3. Публицистические произведения. М.: Классика, 2003. С. 112.

8. дать оценку социальных стратегий государства и общества в контексте взаимодействия с девиантным поведением граждан в 1941–1945 гг.

При сложности и обширном характере предмета исследования набор методов также достаточно широк. Прежде всего, в рамках проблематики настоящей статьи применялись следующие методы: идеографический, историко-генетический, структурный и системный. Социальные девиации рассматриваются в качестве структурного компонента такой сложной социально-исторической системы, как советское общество. Их феноменология и конкретные проявления могут быть реконструированы на основе изучения источников и проанализированы как обусловленные особенностями исторического развития России и конкретикой исторической ситуации.

Источники и историография социальных девиаций в СССР периода Великой Отечественной войны

Источниковедческое основание изучения феномена социальных девиаций в СССР военного времени обладает рядом специфических черт. Прежде всего, отсутствует свод или хотя бы каталог источников, специально посвящённый данной проблеме. Необходимые нам свидетельства приходится выявлять путём скрупулёзного поиска среди множества архивных документов и источников личного происхождения. Информация рассеяна подобно множеству блёсток, которые необходимо отыскать и извлечь. Часто для этого требуется сплошной просмотр сборников документов и архивных дел, опубликованных дневников, писем, мемуаров и интервью.

Следует отдать должное государственной исторической политике: в течение последних двух десятилетий опубликовано большое количество сборников документов общероссийского и регионально-муниципального уровней, позволяющих составить довольно полное

представление о социальных процессах в советском обществе в годы Великой Отечественной войны. В них можно отыскать свидетельства девиантного поведения в различных условиях и ситуациях, равно как почерпнуть информацию о реакции общества и органов власти на случаи отклоняющегося, деструктивного поведения. В частности, при написании настоящей статьи использовались следующие публикации: «Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953»¹, целый раздел данного сборника посвящён жизни уральской деревни в годы войны; «Партизаны Карельского фронта. Сборник документов и материалов»²; среди почти 700 опубликованных документов содержатся весьма интересные свидетельства о девиациях в партизанских отрядах; сборник документов «Освобождение Заполярья»; интересный и содержательный сборник документов о работе органов госбезопасности в предвоенные и военные годы – «Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946»³.

Кроме официальных документов, большим информативным потенциалом применительно к теме статьи обладают источники личного происхождения. Изданные относительно недавно фронтовые дневники лейтенанта Владимира Гельфанда⁴ и маршала А. И. Ерёменко⁵, пронзительные воспоминания И. Л. Дегена⁶ и дневник девочки-блокадницы Лены Мухиной⁷, дневниковые записи

¹ Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 // сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. М.: РОССПЭН, 2006. 912 с.

² Партизаны Карельского фронта : сб. док-тов и мат-лов // сост. Т. Н. Петрова. Петрозаводск: Версо, 2020. 661 с.

³ Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М.: МФД; Материк, 2006. 640 с.

⁴ Гельфанд В. Н. Дневник 1941–1946. М.: РОССПЭН-Книжки, 2015. 751 с.

⁵ Ерёменко А. И. Дневники, записки, воспоминания. 1939–1946. М.: РОССПЭН, 2013. 391 с.

⁶ Деген И. Л. Война никогда не кончается. М.: АСТ, 2014. 352 с.

⁷ «...Сохрани мою печальную историю...»: блокадный дневник Лены Мухиной. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. 368 с.

ответственного работника Челябинской области Бориса Катаева¹, целый ряд аналогичных источников позволяют посмотреть на эпизоды негативного поведения конкретных людей глазами простых советских граждан, как бы погрузиться в эпоху. Таким образом, количество источников по проблеме достаточно обширно. Однако они нуждаются в тщательном изучении и систематизации для максимально эффективного использования при работе над темой.

Переходя к характеристике историографического обеспечения темы социальных девиаций в СССР в годы Великой Отечественной войны, отметим существенное оживление исследовательских усилий по данной проблематике в последние годы. Интересные и характерные факты вкупе с их научным осмыслением приводятся в работах по истории регионов СССР в годы войны. Так, в монографии А. Громова «Арктика в Великой Отечественной войне» специальный раздел посвящён борьбе с криминалом в Мурманске [1, с. 112–114]. Факты аморальных и преступных деяний можно найти в работе А. В. Сперанского «На войне как на войне. Свердловская область в 1941–1945 гг.» [8, с. 98–99]. Интереснейшие факты и выводы можно почерпнуть в богато снабжённой источниками работе А. В. Митякова «Поручить НКВД... Спецлагеря в документах ГКО и наркоматов СССР (1942–1946)» [4]. Интересный, хотя и с долей предвзятости, материал приведён в работах М. В. Зефинова и Д. М. Дёгтева [2; 3]. Региональные аспекты девиантного поведения рассмотрены в работе А. В. Неменко [6]. Проблемы повседневного, в т. ч. и девиантного, поведения в советском тылу затрагиваются в коллективной монографии под редакцией Б. Физелера и Р. Марквика [7].

Не менее значимы публикации в научной периодике. В частности, самое пря-

мое отношение к теме настоящей статьи имеет работа дагестанского исследователя И. А. Эмирханова о девиантном поведении населения СССР и Германии при решении «продовольственного вопроса» [11]; проблемы девиантного поведения несовершеннолетних в годы войны рассматривают в своих историко-правовых статьях Л. Я. Тарасова, Мухаммедов Р. А., Пашкин А. Г. [5; 9].

Даже перечисленных работ достаточно для того, чтобы сделать вывод: тема социальных девиаций в СССР в 1941–1945 гг. не является табуированной и/или вовсе неизученной. Напротив, её проблематика активно вводится в научный оборот. Накапливается фактологическая база, повышается обеспеченность источниками. Но при этом необходимо отметить некоторые «болезни роста», которые бывают присущи любой научной проблеме на стадии её осознания и развития в качестве отдельного направления исследований. В частности, пишущие на темы социальных девиаций в годы войны авторы рассматривают отдельные сегменты общественной жизни и государственного управления. Попыток синтеза, обобщения почти не наблюдается. Кроме того, не делается и соотнесение поведенческих девиаций как отдельного универсального феномена с ценностными основаниями государственной политики и общественной жизни. Наконец, как это ни парадоксально выглядит, когда различные авторы говорят о девиантном поведении, они не дают определения самого базового термина в конкретике исторических условий.

Данная методологическая недоработанность в существующей историографии, безусловно, служит препятствием для выхода на уровень масштабных социально-исторических обобщений и теорий для включения феномена социальных патологий в единую канву отечественной истории XX столетия, что побуждает нас к продолжению исследований и формулировке собственной позиции по данной проблематике.

¹ Катаев Б. С. Повседневность и война. Челябинский дневник 1941, 1943, 1944. СПб.: Изд. дом «Первоград», 2016. 312 с.

Понятие девиантного поведения в контексте истории Великой Отечественной войны

Кажущаяся ясность общеупотребительного термина «девиантное поведение» не должна вводить в заблуждение и ослаблять «охотничий инстинкт» исследователя! Недостаточно сказать фразу «отклоняющееся поведение» и снабдить её толкованием из словаря по социологии или психологии, чтобы считать терминологический вопрос решённым. Лишь поставив вопросы: от чего конкретно отклонялось поведение советских граждан? Что представляло собой советское общество в нормативно-ценностном и структурном плане? В чём заключалась специфика переживаемого страной момента? И последовательно на них ответив, мы можем надеяться, что приблизимся к верному уяснению («схватыванию» по М. Хайдеггеру) предметной сути данного понятия. Иначе говоря, необходимо вписать предельно общее понятие в социально-исторический контекст Великой Отечественной войны, после чего раскрыть его содержание.

Советский Союз был идеократическим обществом традиционного типа, но использующим управленческие, техно-экономические и военные технологии модерна ради сохранения себя в качестве субъекта мировой истории. С учётом прошлого исторического опыта СССР можно рассматривать как адаптационный ответ русской цивилизации на вызовы истории и её же проект будущего.

Фактически, в первые два десятилетия существования советской власти в стране было возрождено служилое общество с господством солидарных ценностных установок и приоритетом общего интереса над частным, долга и обязанности над индивидуальными правами и свободами. Важным новшеством стали множественные социальные лифты, которых в архаическом традиционном обществе не предусмотрено. Данная социальная метаморфоза охватила все сферы жизни, ока-

зав влияние на общественную мораль, право, принципы повседневной социальной коммуникации.

Начало Великой Отечественной войны буквально поставило вопрос о «жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР»¹, потребовав радикальной перестройки деятельности общества и системы государственного управления. Спасение будущего требовало чрезвычайных мер в настоящем. Солидарно-коллективистские ценностные установки, централизованные и мобилизационные принципы управления, ужесточение ответственности – все эти компоненты служилого государства актуализировались в максимальной степени. Их выполнение или нарушение оказывало прямое воздействие на выживание социума перед лицом внешней агрессии.

Таким образом, говоря о *девиантном поведении* в СССР в годы Великой Отечественной войны, мы должны подразумевать под ним всю *совокупность частных и публичных действий, нарушающих нормы морали и права традиционного идеократического общества в условиях тотальной войны на выживание*. Иными словами, девиантное поведение в социальной реальности СССР представляло собой не просто поведенческий акт, разово нарушающий ту или иную социальную норму, но *отрицание самих этих норм*, вне зависимости от того, было ли это отрицание спонтанным или умышленным, единоразовым или систематическим. За отрицанием норм просматривалось покушение на ценности, что, в свою очередь, создавало угрозу историческому бытию социума в целом.

Проблема классификации социальных девиаций в историческом контексте

Разумеется, сублимация всякого нарушения социальных норм к угрозе существованию общества в целом не означает

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1948. С. 13.

их полной унификации в духе легистской доктрины Шан Яна. Напротив, для получения соответствующей реальности картины необходимо типологизировать фактологию отклоняющегося поведения по содержанию и сферам жизни государства и общества. При этом принципов типологизации может быть применено несколько:

1. *зональный*: с первых дней войны территория СССР оказалась разделена на 3 неравные части с колеблющимися границами: тыловые районы; фронтовая полоса; оккупированные территории. По объективным причинам, условия жизни людей в них отличались часто самым радикальным образом. Соответственно, понятия и границы поведенческих эталонов, норм и девиаций часто существенно различались;

2. *социальный*: в зависимости от того, к какой именно сфере жизни общества и государства относился тот или иной конкретный акт девиантного поведения. Здесь можно выделить сегменты: семья, хозяйственная жизнь, идеология и политика, война и т. п.;

3. *нравственно-правовой*: все поведенческие патологии могут быть отнесены к 2 большим категориям: сфере морали или сфере права. В ряде моментов эти области могли пересекаться, но далеко не всегда нравственное отклонение являлось таковым с точки зрения формально-го законодательства;

4. *половозрастной*: факты отклоняющегося поведения совершались конкретными людьми, мужчинами, женщинами, подростками, зрелыми или пожилыми людьми. И здесь можно увидеть определённые особенности, присущие той или иной социальной группе.

Каждый поведенческий акт может рассматриваться и классифицироваться по всем 4 принципам. Разумеется, в рамках данной статьи не ставится такая нереальная задача как исчерпывающая характеристика всей совокупности социальных девиаций по типам и видам.

Мы лишь выстраиваем умозрительную модель по указанным векторам и снабжаем свои предположения и выводы некоторыми показательными иллюстрациями. При этом в операциональном плане наиболее удобным нам представляется 1-й типологический принцип, к которому мы и будем обращаться чаще всего.

Феноменология девиантного поведения: проблематика описания и интерпретации

Как можно заключить из вариантов классификации, диапазон девиантного поведения был весьма широк, включал в себя как приватные социальные практики, осуждаемые только на уровне общественной морали, так и серьёзные противоправные деяния, которые преследовались всю мощью репрессивного аппарата государства.

Поскольку судьба страны решалась на фронте, в ходе военных действий, логично начать предметный анализ девиантного поведения именно с фронтовой повседневности. Значительная часть патологий касалась взаимоотношений между людьми. Но в эти взаимоотношения неизбежно вплеталась реальность войны. Так что конфликты по поводу неподобающего поведения могли возникать там, где в более спокойных условиях ничего предосудительного не было бы. Обратимся к первоисточнику – фронтовым дневникам А. И. Ерёмко. В сентябре–октябре 1941 г. он в звании генерал-лейтенанта командовал Брянским фронтом. В результате начала немецкого наступления на Москву в войсках фронта сложилась напряжённая обстановка: «Я принял на месте нужные меры... после этого поехал на ВПУ (временный пункт управления). Там я застал тов. Ефремова и члена Военного Совета армии, ведающего тылами, тов. Ганенко. Эти друзья сидели за столом, накрытым обильной едой и выпивкой и играли в шахматы. Играл тов. Ганенко с одним офицером штаба, а тов. Ефремов был у них в каче-

стве консультанта ... Когда я увидел эту компанию, я весь внутри кипел, но, не показывая виду, налил себе и Мазепову вина и сказал:

– Выпьем за тех, кто проигрывает в шахматы нашу страну.

Это взорвало тов. Ганенко...

– Товарищ командующий, поосторожней выражайтесь, не оскорбляйте, я член ЦК.

Это меня взорвало, и я хотел его избить, но нечем было ... Но я их так пропесочил, что они не знали куда деваться ... После этого инцидента тов. Ганенко послал шифровку Сталину ... В ответе Сталину я изложил всё, как было ... Когда Сталин читал моё донесение, он здорово смеялся и сказал:

– Ерёменко поступил правильно, но можно было и пожестче.

Ефремова и Ганенко сняли в 24 часа»¹.

Казалось бы, невинный эпизод игры в шахматы вызвал резко негативную реакцию комфронта. Но надо учитывать специфику момента. Действие было воспринято как вопиющее нарушение не военно-уставных, а именно моральных норм в силу своего категорического несоответствия требованиям ситуации: представители высшего командного звена позволяют себе выпивку, закуску и развлечения в тот момент, когда противник наступает, а на станции рвутся под немецкими бомбами не разгруженные вовремя эшелоны со снарядами! Вербальная инвектива и даже готовность к рукоприкладству в отношении подчинённых была обусловлена категорическим несоответствием уровнем должности и ответственности перед страной и обыденным поведением людей. Санкция в данном случае носила больше моральный характер, но показательно, что И. В. Сталин поддержал её не только словесным одобрением, но и кадровыми перестановками.

Впрочем, следует напомнить, что самоустранение от исполнения обязан-

ностей могло иметь и гораздо более тяжёлые последствия. В начале войны командующий Западным фронтом Павлов был приговорён к расстрелу «за преступное бездействие и халатное отношение к своим обязанностям». Другими словами, при определённых обстоятельствах «игра в шахматы» под выпивку и закуску могла перейти в разряд воинских преступлений и повлечь за собой «высшую меру социальной защиты».

Неизмеримо строже карались поступки военнслужащих, которые прямо нарушали устав и присягу. В особенности это касалось сдачи в плен с оружием в руках или отступления без приказа. Обе ситуации получали однозначно негативную оценку в документах высшего военного уровня. Приказы Ставки Верховного Главнокомандования за № 270 от 16 августа 1941 г. и Приказ Наркома Обороны СССР № 227 от 27 июля 1942 г. фактически усматривали в таких действиях покушение на предательство и предписывали самые жёсткие меры вплоть до бессудной расправы на месте. Виновных в оставлении позиций без приказа свыше по приговору трибунала могли отправить в «подразделения переменного состава», т. е. штрафные роты, либо приговорить к расстрелу. Переход на сторону врага не имел срока давности. Бесславная судьба генерала А. А. Власова тому яркий пример.

Однако, что роднит между собой относительно мелкий эпизод бытового конфликта по поводу игры в шахматы в прифронтовой обстановке и расстрел за добровольную сдачу в плен или отступление без приказа? И то, и другое действие рассматривалось в качестве девиантного поведения и оценивалось резко отрицательно (пусть и с разными последствиями для виновников) по причине того, что наносился ущерб обороноспособности страны во время войны. Фактически в столь непохожих ситуациях дезавуировалась такая высшая ценность, как историческое существование страны и народа.

¹ Ерёменко А. И. Дневники, записки, воспоминания. 1939–1946. М.: РОССПЭН, 2013. С. 109–110.

Только в первом случае люди как бы показывали малую значимость в их субъективном восприятии и поведении (шахматы важнее судьбы страны), тогда как во втором (переход на сторону врага) – человек своим поступком вообще отрицал страну, которой присягал служить. Но с точки зрения коллективной морали путь к предательству вполне мог начинаться с пренебрежением своими обязанностями.

Безусловно, спектр девиантного поведения на фронте был неизмеримо шире. Сюда входили и факты самодурства, произвола и пьянства начальников, аморальное поведение, хищение и разбазаривание продуктов и вещевого имущества, бытовые конфликты в среде военнослужащих, факты насилия в отношении гражданского населения и др. В тех случаях, когда этические регуляторы не срабатывали, в дело вступали политотделы, особые отделы, военная прокуратура. Для выявления злоупотреблений имущественного характера в структуре Главного управления тыла Красной Армии существовал специальный отдел инспекторов, материалы проверок которого при необходимости также передавались в военную прокуратуру.

Как видно из этого краткого обзора, в Действующей Армии существовала сложная система регуляции и борьбы с социальными девиациями, обладавшая широким набором инструментов – от мнения воинского коллектива и воспитательных бесед политработников и командиров до официальных карательных санкций со стороны особых отделов (с 1943 г. – органов военной контрразведки «Смерш»), военной прокуратуры и военных трибуналов. Тот факт, что Красная Армия как единый социальный организм сохранила управляемость и боеспособность даже в периоды тяжелейших неудач 1941–1942 гг., сумела адаптироваться к обстоятельствам и затем превзойти противника, а после вступления на вражескую территорию не превратиться в орду озверевших мстителей (эксцессы

были, но не делали погоды и достаточно жёстко и оперативно купировались), свидетельствует о том, что, во-первых, социальные девиации/патологии никогда не носили доминирующего характера, а воинский социум в целом обладал достаточной прочностью и резистентностью для противостояния разрушительным тенденциям; во-вторых, существовавшая система моральных и юридических санкций была достаточно гибкой и эффективной для устранения девиаций; в-третьих, неофициальные регуляторы «снизу» эффективно и в целом гармонично взаимодействовали с официальными регуляторами «сверху».

Существенно иначе складывалась ситуация с девиантным поведением в тылу. Прежде всего, иным был набор типовых патологических поступков. В силу нормированного снабжения и острой нехватки продуктов питания и товаров первой необходимости значительное место занимали такие нарушения общественной морали и права, которые были связаны с обеспечением продовольствием и товарами. Диапазон аморальных поступков и преступлений был достаточно обширен: спекуляция и торговля «из-под прилавка», подделка документов на снабжение продуктами и «мануфактурой», прямые хищения различного масштаба (от выноса килограмма зерна до кражи вагонами). В статье А. И. Эмирханова приводятся такие факты, как подделка и воровство продуктовых карточек сотрудниками карточных бюро, «в функции которых входил непосредственный контроль за выдачей продуктовых талонов» [11, с. 99]. В данном случае катализатором, спровоцировавшим возникновение социальной девиации, являлся доступ людей к управлению ресурсами в условиях их дефицита. Вместе с тем, если данное явление воспроизводилось, следует говорить о специфике кадрового отбора, когда в такие структуры нередко устраивались люди со сниженным моральным и правовым сознанием. Сблaзн восполь-

зоваться своим начальственным положением был достаточно велик и возникал в самых разных ситуациях, порождая поступки мелкие в масштабах войны, но чрезвычайно мерзкие. Об одном из них повествует рассказ очевидца, уроженца дер. Саларёво Ровдинского района Архангельской области, в годы войны подростком работавшим на лесозаготовках, Журавлёва Николая Власьевича 1926 г. р.: «Все были постарше меня, я был самым младшим по возрасту – 14 лет. Когда я заехал на вырубку, там уже никого не было, кроме одного взрослого мужчины Максимова Александра Петровича – бригадира по вывозке леса на лошадях. Я один никак не мог погрузить бревно на сани, как ни пытался, и попросил у него помощи, но он ответил: “Помогу, но с тебя половина пайки хлеба, суточная 600 г, и половина зарплаты”. Я заплакал от обиды и бессилия и поехал домой пустой, отъехал примерно 5 км от выруб и встретил начальника лесопункта «Козье» Петрова Николая Ивановича. На улице смеркалось, он говорит: «Коля, я тебя потерял, пошёл тебя встречать, что случилось?», я всё рассказал, что произошло. Начальник меня успокоил и велел не плакать, и мы с ним поехали домой, хороший был человек, добрый. Максимова Александра Петровича, который с меня требовал пайку, за помощь через 2 дня отправили на фронт, и больше о нём никто ничего не слышал»¹. В данном случае взрослый мужчина, начальник, попытался воспользоваться беспомощностью подростка и вытянуть с него пайку хлеба. Были нарушены как нормы морали (бескорыстная помощь взрослого и сильного слабым и младшим), так и права (вымогательство), покушение осуществлялось на жизненный ресурс. Санкция последовала немедленно. Справедливость восторжествовала. Конечно, были и другие случаи, когда подобные мерзости оставались без-

наказанными – ведь далеко не всё можно было выявить и наказать.

Гораздо большую опасность устойчивости общества и государства представляли откровенно криминальные деяния. В частности, широкое распространение в городах (особенно крупных) получили банды и шайки, члены которых промышляли воровством, грабежом и разбоем. По данным М. В. Зефирова и Д. М. Дёгтева (к сожалению, не снабжённым ссылками на источники), в 1942 г. уровень преступности возрос на 22% к 1941 г., в 1943 г. рост составил 21% к 1942 г., в 1944-м – 8,6%. И только в 1-м полугодии 1945 г. было зафиксировано снижение к аналогичному периоду предыдущего года на 10% [2, с. 359].

Хозяйственные преступления (хищения, спекуляция, обман покупателей) получили широкое распространение. Интересный факт изменения самой спекуляции – «чёрный рынок» реагировал на изменение потребительского спроса и возможностей: «В конце 1941 – начале 1942 г. на рынках появились т. н. “ложечники”: они продавали продукты не килограммами, а ложками, стаканами, поштучно. Так, чайная ложка служила меркой при продаже соды, чая; столовая ложка – муки, крупы; стакан – пшена, молока; блюдечко – капусты. Картофель продавался поштучно» [10, с. 206].

Спекулянты вызывали в народе двойственные чувства: с одной стороны, к ним формировалось отрицательное и презрительное отношение как к наживающимся на общем горе. С другой стороны, без них часто было не обойтись. Но примечательно и то, что на уровне государственной правовой политики также не было абсолютно единого мнения в отношении спекулянтов (но не расхитителей!). Количество осуждённых за спекуляцию в годы войны сократилось, хотя сами репрессии ужесточились.

В то же время прокурор СССР В. М. Бочков считал оживление спекуляции неизбежным при наличии затрудне-

¹ Журавлёв Н. В. Воспоминание о войне // Воспоминания. Летопись маленького поселения в большой войне. Верхнешоношское с/п, 2020. С. 12.

ний в снабжении населения, мобилизации и милитаризации экономики и т. п. Нередко происходило смягчение приговоров в результате перекалфикации дел: вместо ст. 107 УК РСФСР (спекуляция) могла применяться ст. 105 (нарушение правил торговли), предусматривавшая более мягкие санкции. Прокуратура часто рекомендовала выносить приговоры с учётом социального положения подсудимого, реальной величины и конкретных обстоятельств нанесённого ущерба. На этом фоне интересен вывод современного исследователя о качестве советской правовой системы военного времени: «... Нет ... оснований для поддержки ... мнения, что законодательство по вопросам юридической ответственности граждан в годы войны было заменено “квазиправовой системой регулирования”, а нормы уголовного вводились бессистемно» [10, с. 214]. Доля оправдательных приговоров по ст.ст. 105 и 107 в отдельные периоды доходила до 15–19%! Таким образом, государство предпринимало усилия не только по борьбе с хозяйственными преступлениями, но и по сохранению, насколько возможно, нормальной правовой системы без сползания её в «чрезвычайщину» в угоду принципу «война всё спешет». Правоприменительная практика была гибкой, а моральная позиция общества – амбивалентной.

Однако другие социальные патологии вызывали гораздо более резкую реакцию, причём как снизу, так и сверху. Например, попытка уклонения от призыва на военную службу в условиях войны. С одной стороны, мы имеем документы органов госбезопасности высшего уровня. Как, например, спецсообщение Л. Берии И. Сталину, В. Молотову и А. Антонову о фактах незаконного освобождения от службы в РККА со стороны работников райвоенкоматов и военно-врачебных комиссий (за взятки). Материал относится к ноябрю 1944 г. По всем выявленным фактам было открыто уголовное делопроизводство, затем материалы

передавались в военные трибуналы¹, т. е. ответственность настигала тех, кто буквально подрывал обороноспособность государства. Мерами наказания в таких случаях выступали смертная казнь либо направление в штрафные подразделения на фронты.

Но вот взгляд с другого полюса – от народа. Известен очерк Василия Пескова, повествующий о том, как отец собственноручно застрелил сына-дезертира, уподобившись литературному герою Тарасу Бульбе. Очерк записан «из первых рук»². Безусловно, такая реакция носителя традиционной морали является уникальной. Но и показательной. Категорическое неприятие попыток уклониться от священного служения. Самосуд, опережающий санкции государства и, возможно, более жестокий. Но вполне в духе идеалов и ценностей общества, специфики переживаемого страной исторического момента. Вообще, санкции общества в ряде случаев не имели альтернатив, поскольку могли касаться таких сторон человеческой жизни, которые не могли быть регулируемы ничем, кроме моральных норм и нравственных устоев конкретного человека. Если же деяние, которое противоречило моральным нормам, но не законодательству, происходило, то осуждение со стороны общества было единственным средством – пусть не ликвидировать последствия аморального поступка, но напомнить о существовании тех ценностей, на которых стоит общество и за которые сражаются и умирают солдаты на фронте.

В качестве примера можно привести историю с письмом в форме стихотворения. Его написал К. М. Симонов женщине из г. Вичуга. Письмо было опубликовано в газетах. Антигероиня письма извещала мужа-офицера, что пока он воюет, она связала свою жизнь с другим

¹ Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М.: МФД: Материк, 2006. С. 471–472.

² Песков В. М. Отцовский суд // ВикиЧтение. Песков В.М. Война и люди : [сайт]. URL: <https://history.wikireading.ru/221966> (дата обращения: 06.11.2021).

мужчиной. Остроты всей истории придавало то обстоятельство, что письмо однополчане офицера получили вскоре после его гибели и собирались известить об этом семью. Всё это вызвало праведный гнев сослуживцев, и по их просьбе Симонов написал стихотворный ответ, в финале которого были такие строки:

*Примите же в конце от нас
Презренье наше на прощанье.
Не уважающие вас
Покойного однополчане¹.*

Презрением и позором клеймилась женщина, изменившая мужу, пока тот защищал её на фронте и пожертвовал жизнью, будучи свято убеждённым в обоюдной любви. Благодаря печатному слову клеймо позора словно бы накладывалось обществом на всех женщин, которые поступают аналогичным образом. Это была своеобразная профилактика нравственных отклонений.

Впрочем, в художественной культуре военного времени на полумерах не останавливались. В созданных произведениях супружеская измена вполне могла сопрягаться с изменой Родине. Например, художественный фильм военных лет «Радуга», в финале которого советский командир собственноручно убивает свою жену, которая стала любовницей немецкого офицера. Просматривается вполне ясная коннотация: супружеская верность есть также верность Родине, тогда как супружеская измена означает также измену Родине. Следовательно, нравственность является залогом Победы в войне.

Такова идеальная схема, на основе которой строилась борьба с социальными девиациями в годы Великой Отечественной войны. Идеалы и ценности задавали те эталоны и нормы поведения, которым надлежало следовать во имя

будущего. Соответственно, нормы поведения выступали в качестве регуляторов. Общественная мораль и моральное же осуждение (при поддержке культуры) со стороны общества в различных формах помогали людям держать себя в рамках, если собственных сил противостоять соблазнам не хватало. Это была как бы «заёмная совесть», пусть и действовала она далеко не всегда. В тех же случаях, когда социальные девиации были связаны с нарушениями правовых норм, в действие вступала система государственных наказаний разной степени тяжести, вплоть до «высшей меры социальной защиты», т. е. смертной казни.

Пример осуждения и расправы с изменницей в фильме «Радуга» вплотную подводит нас к вопросу о социальных девиациях на временно оккупированных немцами советских территориях. Однако в силу специфичности, сложности и обширности данной темы мы предполагаем в будущем посвятить ей отдельную статью. Пока же целесообразно перейти к выводам.

Заключение

Великая Отечественная война явилась не просто страшным испытанием на прочность для советской системы, на право народа БЫТЬ в истории. Порождённые ею неизбежные социальные деформации стали также и соблазном для многих, проверкой на моральную и правовую устойчивость. Но также это был и экзамен для общества и государства – насколько они смогут выработать адекватную реакцию на сам факт возросших социальных девиаций, на конкретные виды и факты патологического поведения. Действительно, далеко не все советские граждане преодолели множественные соблазны военного времени. Многие оказались склонны оправдывать свою аморальность и преступления военными тяготами, необходимостью адаптироваться и выживать в тяжелейших условиях. Но многие – не синомин большинства.

¹ Самая известная неизвестная женщина из города Вичуги // Живой Журнал : [сайт]. <https://valuh.livejournal.com/330376.html> (дата обращения: 06.11.2021).

По нашему мнению, важный объективный факт социальной истории Великой Отечественной войны заключается в том, что множественные и многообразные случаи девиантного поведения, как аморального, так и преступного, не смогли сложиться в ту единую систему, которая бы смогла разрушить общество и государство изнутри. Органы государственной власти и общественное большинство проявили то единство, которое позволило успешно нейтрализовать если не сами девиации, то их негативное воздействие на социум.

Правда истории заключается ещё и в том, что симпатии, нравственный и гражданско-правовой выбор общественного большинства оказались на стороне тех идеалов, ценностей и норм, которые составляли духовный фундамент советского общества и государства. И которые

однозначно идентифицировались как полюс добра, который необходимо защищать всеми силами не только на фронте, но также в тылу и даже в оккупации. Такова общая модель трактовки феномена социальных девиаций в СССР военного времени.

В заключение считаем необходимым сказать, что в рамках ограниченной публикации не претендуем на исчерпывающую полноту освещения столь сложной и многоаспектной темы, которую затронули. Авторы сочтут свою статью успешной, если смогли убедить читателей в актуальности и самостоятельной значимости поставленной проблемы, а также в необходимости её дальнейшего изучения. К чему и обещают приложить свои дальнейшие усилия.

Дата поступления в редакцию 29.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов А. Б. Арктика в Великой Отечественной войне. М.: Паулсен, 2020. 316 с.
2. Зефилов М. В., Дёгтев Д. М. Всё для фронта? Как на самом деле ковалась Победа. М.: АСТ, 2009. 407 с.
3. Зефилов М. В., Дёгтев Д. М. Будни советского тыла. М.: Центрполиграф, 2016. 285 с.
4. Митяков А. В. Поручить НКВД... Спецлагеря в документах ГКО и наркоматов СССР (1942–1946). М.: Фронткига, 2017. 631 с.
5. Мухаммедов Р. А., Пашкин А. Г. Беспризорность несовершеннолетних как социальное явление в 1941–1945 годах: проявления и попытка преодоления в Среднем Поволжье // Научный диалог. 2020. № 4. С. 384–400.
6. Неменко А. В. Крымские партизаны и оккупация Крыма в 1941–1944 годах. По материалам советских и трофейных документов. Севастополь: Альбатрос, 2020. 456 с.
7. Советский тыл в 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / отв. сост. Б. Физелер, Р. Д. Марквик. М.: РОССПЭН, 2019. 383 с.
8. Сперанский А. В. На войне как на войне... Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург: Сократ, 2012. 408 с.
9. Тарасова Л. Я. Опыт социально-педагогической профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в Алтайском крае (историко-правовой аспект) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. №4. С. 61–67.
10. Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование внутренней торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 328 с.
11. Эмирханов А. И. Проявление девиантности в поведении населения СССР и Германии в контексте влияния «продовольственного вопроса» на повседневную жизнь в условиях войны (1941–1945 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 98–105.

REFERENCES

1. Gromov A. B. *The Arktika v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Arctic in the Great Patriotic War]. Moscow, Paulsen Publ., 2020. 316 p.
2. Zefirov M. V., Degtev D. M. *Vso dlya fronta? Kak na samom dele kovalas' Pobeda* [Is everything for the front? How the Victory was actually forged]. Moscow, AST Publ., 2009. 407 p.
3. Zefirov M. V., Degtev D. M. *Budni sovetskogo tyla* [Everyday life of the Soviet rear]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016. 285 p.
4. Mityakov A. V. *Poruchit NKVD... Spetslagerya v dokumentakh GKO i narkomatov SSSR (1942–1946)* [Instruct the NKVD ... Special camps in the documents of the State Defense Committee and People's Commissariats of the USSR (1942–1946)]. Moscow, Frontkniga Publ., 2017. 631 p.
5. Mukhamedov R. A., Pashkin A. G. [Homelessness of children as a social phenomenon in 1941–1945: manifestations and attempts to overcome in Middle Volga]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2020, no. 4, pp. 384–400.
6. Nemenko A. V. *Krymskiye partizany i okkupatsiya Kryma v 1941–1944 godakh. Po materialam sovet-skikh i trofeynykh dokumentov* [Crimean partisans and the occupation of Crimea in 1941–1944. Based on Soviet and captured documents]. Sevastopol, Albatross Publ., 2020. 456 p.
7. Fieseler B., Markwick R. D., eds. *Sovetskiy tyl v 1941–1945: povsednevnyaya zhizn v gody voyny* [Soviet rear in 1941–1945: everyday life during the war]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2019. 383 p.
8. Speransky A. V. *Na voyne kak na voyne... Sverdlovskaya oblast' v 1941–1945 gg.* [At war as at war... Sverdlovsk region in 1941–1945]. Ekaterinburg: Socrat Publ., 2012. 408 p.
9. Tarasova L. Ya. [Experience of socio-pedagogical prevention of deviant behavior of minors during the Great Patriotic War (1941–1945) in the Altai Territory (historical and legal aspect)]. In: *Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki* [Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Sciences], 2020, no. 4, pp. 61–67.
10. Tverdyukova E. D. *Gosudarstvennoye regulirovaniye vnutrenney torgovli v SSSR (konets 1920-kh – seredina 1950-kh gg.): istoriko-pravovoy analiz* [State regulation of domestic trade in the USSR (late 1920s – mid 1950s): historical and legal analysis]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2011. 328 p.
11. Emirkhanov A. I. [Manifestation of deviant behavior in the USSR and Germany in the context of food shortages during war (1941–1945)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2020, no. 1, pp. 98–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: allar71@yandex.ru

Камнева Галина Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Сотников Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: microlabuss@mail.ru

Сотников Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: sergey@histr.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey E. Larionov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: allar71@yandex.ru

Galina P. Kamneva – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: kamnevagp@gmail.com

Andrei A. Sotnikov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: microlabuss@mail.ru

Sergey A. Sotnikov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Deputy Dean, the Faculty of History, Political science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: sergey@histr.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионов А. Э., Камнева Г. П., Сотников А. А., Сотников С. А. Социальные девиации в СССР периода Великой Отечественной войны: от супружеской измены до измены Родине // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 81–95.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-81-95

FOR CITATION

Larionov A. E., Kamneva G. P., Sotnikov A. A., Sotnikov S. A. Social deviations in the USSR in the period of the Great Patriotic War: from adultery to high treason. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 81–95

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-81-95

УДК 94(540)

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-96-103

ИНДИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ВИЦЕ-КОРОЛЯ ЛОРДА КЁРЗОНА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ (1899–1905 ГГ.)

Никитин Д. С.

Томский государственный университет

634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследование влияния индийской политики вице-короля Кёрзона на развитие Индийского национального конгресса (ИНК) и национального движения в Британской Индии в конце XIX – начале XX вв.

Процедура и методы. На основе ежегодных отчётов о сессиях ИНК, произведений лидеров Конгресса (А. О. Юма, Г. К. Гокхале) и вице-короля Кёрзона рассмотрена проблема взаимоотношений ИНК и власти, взгляды Кёрзона на место Индии в составе Британской империи, влияние административных решений вице-короля на процессы внутреннего развития ИНК и национального движения.

Результаты. Сделан вывод о том, что репрессивные меры вице-короля Кёрзона способствовали усилению противоречий и разногласий внутри ИНК, которые вели к пересмотру организационной структуры и тактики Конгресса: принятию устава ИНК и его последующей модификации, усилению демократического течения в Конгрессе, выступавшего за применение более активных методов борьбы за выполнение требований ИНК.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлено теоретическое обоснование кризиса индийского национального движения начала XX в., способствовавшего постепенному переходу движения в фазу активной борьбы с британскими колонизаторами. Показаны особенности либеральной и консервативной политической мысли Великобритании в отношении вопроса о месте колоний в составе империи и путях их развития.

Ключевые слова: либерализм, Британская Индия, национальное движение, Индийский национальный конгресс, раздел Бенгалии, Джордж Натаниэл Кёрзон

INDIAN NATIONAL CONGRESS IN THE YEARS OF THE CURZON'S GOVERNMENT (1899–1905): PROBLEMS OF DEVELOPMENT

D. Nikitin

The National Research Tomsk State University

prosp. Lenina 36, Tomsk 634050, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the influence of the Indian policy of Viceroy Curzon on the development of the Indian National Congress and the national movement in British India in the late 19th – early 20th centuries.

Methodology. Based on the annual reports on the sessions of the Indian National Congress, the works of the Congress leaders (A. O. Hume, G. K. Gokhale) and Curzon, the author considers the problem of the relationship between the INC and the government, Curzon's views on India's place in the British Empire, the influence of the Viceroy's administrative decisions on the processes of internal development of the Congress and the national movement.

Results. It is concluded that the repressive measures of Curzon contributed to the intensification of contradictions within the Congress, which led to a revision of the organizational structure and tactics of the Congress. These included the adoption of the constitution of the Congress and its subsequent modification, strengthening of the democratic wing in the Congress, which advocated the use of more active methods of struggle for fulfillment of Congress' demands.

Research implications. The theoretical justification of the crisis of the Indian national movement at the beginning of the 20th century, which contributed to the gradual transition of the movement into a phase of active struggle against the British colonialists, is presented. The peculiarities of liberal and conservative political thought of Great Britain in relation to the question of the colonies place in the empire and the ways of their development are shown.

Keywords: liberalism, British India, national movement, Indian National Congress, partition of Bengal, George Nathaniel Curzon

Введение

Период становления Индийского национального конгресса (ИНК) как ведущей организации в национальном движении в Британской Индии пришёлся на конец XIX – начало XX в. В это время ИНК, выражавший взгляды национальной буржуазии и интеллигенции, придерживался конституционных методов борьбы за расширение участия индийцев в управлении страной, но не выступал против британского правления, считая необходимым указывать лишь на отдельные его недостатки и информировать колониальные власти о проблемах и чаяниях народа. В этих условиях особое значение приобретали отношения Конгресса с вице-королём и генерал-губернатором Индии (главой колонии и представителем британского монарха в стране), поскольку именно от него зависела возможность легального функционирования организации. Конгресс, лидеры которого придерживались принципов английского либерализма, был создан в то время, когда Индией последовательно управляли либеральные вице-короли – Дафферин, Лэнсдаун и Элгин. Однако в конце столетия на эту должность был назначен консерватор Дж. Н. Кёрзон, что создавало для Конгресса новые условия, к которым

было необходимо приспосабливаться. Таким образом, актуально рассмотреть проблемы, с которыми столкнулся ИНК в годы правления Кёрзона, и их влияние на развитие Конгресса и индийского национального движения в начале XX в.

Конгресс и власть

В своих представлениях о необходимости проведения в Индии реформ, ведущих к постепенному приобщению индийцев к управлению страной, основатели ИНК – «детища гладстонианского либерализма» [8, р. 342] – исходили из распространённых в Великобритании во второй половине XIX в. либеральных воззрений на необходимость постепенного отказа от колоний, который должен произойти после того, как их население будет способно самостоятельно управлять государством. ИНК в это время не ставил своей целью борьбу против колониальных властей с намерением завоевать национальную независимость, но проводил политику «просьб и петиций»¹ без применения противозаконных средств, только доводя до сведения индийского правительства свои резолюции. Однако требования Конгресса, несмотря

¹ Pal B. C. Nationality and Empire: a running study of some current Indian problems. Calcutta, 1916. P. 149.

на их умеренность, с момента основания ИНК вызывали критику и неприятие консервативных кругов как в Индии, так и в Великобритании.

Расширение территориальных владений Великобритании в XIX в., в свою очередь, способствовало становлению идеологии британского империализма, обосновывавшей необходимость сохранения колоний в составе империи и их защиты от внешних посягательств. Зачастую империализм приобретал «цивилизаторские» черты – британское управление колониями объяснялось в этом случае тем, что народы, населявшие покорённые территории, не достигли должного уровня развития и не способны самостоятельно управлять своими странами.

В конце XIX в. своеобразным художественным воплощением этой идеи стало стихотворение Р. Киплинга «Бремя белого человека»¹, где политика западных держав в отношении Востока изображалась как гуманистический порыв, как добровольно взятое на себя «бремя» управления «нецивилизованными» народами. Подобная позиция во многом отражала воззрения консервативных, имперских кругов английской буржуазии, ярким представителем которых был и ставший в 1899 г. вице-королем Индии лорд Кёрзон [5, с. 109].

В своих выступлениях Кёрзон оправдывал разницу в статусе между британскими доминионами и её колониальными владениями различиями в уровне жизни, экономическими возможностями, особенностями социального развития [9, р. 723]; сохранение управления Индией «в британских руках» представлялось ему «элементарным фактом»², обусловленным цивилизаторской миссией Великобритании. Хотя Кёрзон и не отрицал необходимость постепенного увеличения

числа индийцев в колониальном административном аппарате, высшие должности в управлении, по его мнению, должны были оставаться за англичанами³. Дополнительным аргументом против выполнения требований индийской интеллигенции была угроза со стороны России: Кёрзон считал, что именно необходимость держать Российскую империю «подалее от границ Индии»⁴ обусловила историческое соперничество между двумя державами, и именно оно обусловило особенности его внешнеполитического курса в 1899–1905 гг.

Кёрзон считал войну между Россией и Великобританией в Азии неизбежной [1, с. 45], что повлияло на активизацию действий индийского правительства в Афганистане [4] и Тибете [5]. В этих условиях «образованные классы», составлявшие основу национального движения и Конгресса, стояли между «признанием первостепенной необходимости британского господства для сохранения мира и обеспечения прогресса Индии» и чувством патриотизма. Однако, согласно Кёрзону, единственной формой лояльности, способной объединить все слои индийского общества, могла бы стать «верность Суверену» – британскому монарху⁵.

Таким образом, считая первостепенной задачей своего правления оборону Индии и расширение британского влияния в регионе, Кёрзон не только не считал возможным проводить политические реформы [9, р. 723], за которые последовательно выступал Конгресс, но и стремился помешать развитию национального движения в стране. В 1900 г. в письме Дж. Гамильтону, государственному секретарю по делам Индии, Кёрзон писал: «Я считаю, что Конгресс балансирует на грани падения, и пока я нахожусь в Индии, одна из самых главных моих

¹ Kipling R. The White Man's Burden // McClure's Magazine. 1899. Vol. 12, № 4. P. 290.

² The place of India in the Empire: being an address delivered before the Philosophical Institute of Edinburgh by lord Curzon of Kedleston on October 19, 1909. London, 1909. P. 39.

³ Там же. P. 40.

⁴ Там же. P. 11.

⁵ The place of India in the Empire: being an address delivered before the Philosophical Institute of Edinburgh by lord Curzon of Kedleston on October 19, 1909. London, 1909. P. 18.

целей – помочь ему мирно упасть» [6, р. 93]. Кёрзон разделял точку зрения значительной части англо-индийской бюрократии о том, что Конгресс представлял интересы лишь незначительной прослойки получивших европейское образование индийцев, и полагал, что в конце 1890-х гг. Конгресс теряет свои позиции в обществе, а его лидеры всё больше убеждались в «безнадёжности своего дела» [6, р. 93].

В это время ИНК действительно переживал период внутреннего застоя, проявившийся в снижении числа делегатов на ежегодных сессиях, приостановке деятельности Индийского парламентского комитета в Палате общин и нерешённости важнейших организационных вопросов – принятия устава организации и обеспечения его функционирования. Это способствовало тому, что Кёрзон демонстративно игнорировал деятельность Конгресса. Особенно ярко подобная позиция проявилась в его отказе принять в 1904 г. конгрессистскую делегацию во главе с президентом ИНК Г. Коттоном, которая намеревалась вручить вице-королю текст резолюций, принятых на очередной ежегодной сессии.

Однако формальное пренебрежение Конгрессом в политике Кёрзона сопровождалось введением ряда мер, которые прямо наносили ущерб национальному движению или ограничивали уже имеющиеся достижения. В 1899 г. вице-король начал наступление на столичные органы местного самоуправления: число выборных членов в них было сокращено, и большинство осталось за назначаемыми правительством членами – главным образом, англо-индийцами. Закон о государственной тайне, действие которого было расширено в 1904 г., налагал ограничения на индийскую прессу [3, с. 537–538]; в том же году был принят закон, регламентирующий деятельность университетов. Плата за обучение в них повышалась, а советы университетов были реорганизованы таким образом, что 80% членов назначались властями. Этот закон огра-

ничивал доступ к высшему образованию для низших, менее состоятельных, слоёв индийской интеллигенции [3, с. 538]. На декабрьской сессии 1904 г. ИНК выразил протест против «ретроградной политики в отношении высшего образования»¹; годом ранее схожую оценку получил «противоречащий интересам общества и опасный для личной свободы»² закон о государственной тайне. В результате с каждым годом правления Кёрзона недовольство его политикой в кругах патриотической общественности росло.

ИНК и раздел Бенгалии 1905 г.

Наиболее важные последствия для развития национального движения имело решение Керзона о разделе Бенгалии. В начале века Бенгалия как административная единица по территории существенно превышала территории современной Западной Бенгалии и Народной Республики Бангладеш, что затрудняло управление этой провинцией, поэтому обсуждение её раздела велось в течение нескольких лет. Однако объявленная Керзоном в июле 1905 г. схема раздела не предполагала отделения от Бенгалии земель, на которых жило преимущественно небенгальское население; напротив, в результате реформы в отдельную провинцию была выделена Восточная Бенгалия и Ассам, и это привело к тому, что сам бенгальский народ оказался разделён между двумя провинциями. Решение носило не только административный, но и политический характер: Бенгалия в течение нескольких десятилетий была центром концентрации интеллигенции, имевшей европейское образование и выступавшей с патриотических позиций. В 1903 г. вице-губернатор Бенгалии Э. Фрэйзер предложил Кёрзону отделить округа Дакки и Мименсингха – крупных восточ-

¹ Report of the Twentieth Indian National Congress, held at Bombay on the 26th, 27th and 28th December, 1904. Bombay, 1905. P. XXVIII.

² Report of the proceedings of the Nineteenth Indian National Congress, held at Madras on the 28th, 29th and 30th December, 1903. P. XXXIX.

но-бенгальских городов – от остальной части провинции на том основании, что они были «очагом исключительно бенгальского движения, недружелюбного, если не враждебного, по своему характеру» [10, р. 34]. Вице-король согласился с этим предложением.

Раздел вызвал волну возмущения не только в провинции, но и по всей Индии, стимулировал процесс радикализации широких народных масс и породил движение бойкота иностранных товаров – свадеши. В Индии возникли предпосылки революционной ситуации, и для ИНК 1905 г. стал временем непростых решений. Конгресс осуждал раздел провинции¹ и в целом выражал поддержку движению свадеши², однако политика Кёрзона ставила под удар фундаментальный принцип умеренного крыла Конгресса, доминировавшего в организации в конце XIX – начале XX вв. – веру в необходимость поступательного, конституционного развития страны в сотрудничестве с британскими властями. Возникавшие опасения выразил один из лидеров умеренных Г. К. Гокхале во время пребывания конгрессистской делегации в Лондоне в ноябре 1905 г.: «Эти методы повергли население Бенгалии в отчаяние. Большинство народа утратило веру в благожелательность вашего [английского] правления, и это ... создаёт серьёзную ситуацию»³. Однако Конгресс стоял не только перед лицом радикализации народных масс, которые относились к правящим в стране англичанам враждебно, но и ростом популярности радикального течения внутри ИНК – «крайних», или «экстремистов».

«Крайние» и борьба за устав ИНК

В конце XIX в. в Конгрессе обострилась проблема принятия устава, который должен был упорядочить структуру организации и определить полномочия отделений ИНК разного уровня. Вопрос о необходимости создания правил, регулирующих деятельность Конгресса, впервые был поднят в 1886 г., однако в первые годы своего существования он не получал должного внимания со стороны руководства организации. Обострение этой проблемы к началу правления Кёрзона связано с постепенным изменением баланса сил внутри Конгресса. Если в 1880-х – начале 1890-х гг. устав требовался для письменной фиксации существующей практики ИНК, то в конце десятилетия значительная часть сторонников Конгресса начала выступать за изменение самой практики [7, р. 157]. Отсутствие видимых результатов работы Конгресса, бездействие постоянных комитетов ИНК в провинциях, автократия руководства, трата огромных средств на поддержание Британского комитета Конгресса в Лондоне, действовавшего практически автономно от ИНК [2, с. 117] – все эти факторы вызывали недовольство в рядах организации и возрождали вопрос об уставе, который, в сущности, представлял собой вопрос о том, кто будет контролировать Конгресс [7, р. 157].

Первый устав ИНК был принят на сессии 1899 г. в Лакхнау⁴. Согласно ему, в Конгрессе создавался Индийский комитет из 45 представителей от всех провинций Британской Индии. Комитет должен был ограничить всевластие умеренной верхушки ИНК и в силу этого столкнулся с закономерным сопротивлением последней. На сессии в Лакнау отсутствовали лидеры умеренных (Ф. Мехта и В. Ч. Бонерджи), которые не могли открыто выступить против решения Конгресса, однако не поддерживали деятельность комитета.

¹ Report of the Twentieth Indian National Congress, held at Bombay on the 26th, 27th and 28th December, 1904. Bombay, 1905. P. XXXIV.

² Report of the Proceedings of the Twenty-First Indian National Congress held in Banares on the 27th, 28th, 29th, and 30th December 1905. Banares, 1906. P. 9–13.

³ Speeches and Writings of Gopal Krishna Gokhale. Vol. 2. London, 1966. P. 337.

⁴ Report of the Fifteenth Indian National Congress, held at Lucknow on the 27th, 28th, 29th and 30th December, 1899. Lucknow, 1900. P. XXIX.

Индийский комитет Конгресса на первых заседаниях выступил за сокращение финансирования Британского комитета ИНК и его печатного органа «Индия», что подразумевало несогласие с политикой умеренных и старыми методами Конгресса, предполагавшими активную агитацию в Великобритании с тем, чтобы английская общественность обратила внимание на положение Индии и стимулировала власть в метрополии к проведению реформ¹. Предложения комитета, таким образом, не отвечали взглядам умеренных лидеров ИНК, и те, препятствуя его работе, расценивали комитет как «провальный эксперимент» [7, p. 161–162].

Работа комитета постепенно была свёрнута, что вызвало широкую критику в националистических кругах; против его ликвидации, в частности, выступали популярные лидеры набиравшего силу радикального крыла Конгресса, такие, как Л. Л. Рай и Б. Г. Тилак. Газета Тилака «Махратта» писала, что в отсутствие органа, представляющего взгляды рядовых членов ИНК, «есть причины думать, что лучшие дни Конгресса прошли, и он вошёл на первую ступень своего упадка»². Об этом свидетельствовал и отказ панджабских представителей принимать участие в сессии ИНК 1902³. Сложившаяся ситуация объективно способствовала новому витку дискуссий об уставе Конгресса, продолжившихся на сессии 1904 и 1905 гг. Бенаресская сессия 1905 г. приняла решение о создании постоянного комитета ИНК, куда вошли и представители «крайних»⁴.

Хотя проект устава, разработанный постоянным комитетом, не был принят из-за раскола Конгресса в 1907 г. и выхода из него большинства представителей радикального крыла, усиление требований со стороны рядового состава ИНК о создании свода правил, регламентирующих работу ИНК и ограничивающих полномочия его умеренных лидеров, свидетельствовало о необходимости пересмотра принципов Конгресса. Этому в немалой степени способствовали репрессивные меры, принимаемые вице-королём Кёрзоном, на которые Конгресс мог ответить только «бумажными» резолюциями. Борьба за устав ИНК показала, что в широких рядах Конгресса существует запрос не только на демократизацию внутреннего управления организацией, но и на активизацию его действий. Раздел Бенгалии и последовавшее за ним массовое народное движение создавали благоприятные условия для пересмотра методов Конгресса, однако умеренные лидеры, согласившись на принятие устава, не были согласны на радикализацию конгрессистской программы, что и стало одной из причин раскола организации в 1907 г.

Заключение

Годы правления вице-короля Кёрзона стали важным периодом в развитии Индийского национального конгресса – ведущей общественно-политической организации того времени. Либеральные принципы, которых придерживались основатели ИНК, должны были пройти проверку консервативным правлением, непримиримым по отношению к национальному движению. Патриотические устремления части индийцев, получивших европейское образование и воспринявших западные политические принципы и идеалы, вступали в серьёзное противоречие с воззрениями консерватора Керзона, видевшего одной из основных своих задач сохранение Индии в составе Британской империи, оборону

¹ Юм А. О. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894). Новосибирск, 2019. С. 57–64.

² Report on native papers published in the Bombay Presidency for the week ending 9th May 1903. [S. l., s. a.]. P. 20.

³ Там же. P. 19.

⁴ Report of the Proceedings of the Twenty-First Indian National Congress held in Banares on the 27th, 28th, 29th, and 30th December 1905. P. 32.

её границ от внешних посягательств и усиление позиций колониальной администрации в стране. Эти задачи и определили характер отношений власти с Конгрессом в 1899–1905 гг.

Кёрзон, равно как и значительная часть англо-индийской бюрократии и консервативных кругов метрополии, отказывал ИНК в претензиях на выражение интересов всех слоёв индийского общества и не принимал его требований. Меры, направленные на ограничение индийского самоуправления и свободы прессы, дополненные усилением полицейского и административного аппарата, с одной стороны, вызывали недовольство националистов, но, с другой стороны, показывали и низкую эффективность методов ИНК, не способного добиться выполнения своих требований путём принятия резолюций и подачи петиций. Отсутствие видимых результатов деятельности ИНК приводило к усилению внутри организации оппозиционных настроений,

что выразилось в дискуссиях об уставе Конгресса и отказе части делегатов принимать участие в его сессиях до реформы органов управления.

Вместе с тем главная административная реформа Кёрзона – раздел Бенгалии 1905 г. – спровоцировала возникновение массового движения *свадеш*, которое открывало для находящегося в кризисе Конгресса новые возможности, но при условии пересмотра методов, используемых им для достижения своих задач. Результатом стало усиление борьбы между умеренным и радикальным течениями внутри ИНК, которая завершилась расколом 1907 г.

Таким образом, правление Кёрзона было одним из факторов, влиявших на эволюцию Конгресса, обусловивших кризис его старой, умеренной идеологии, и рост радикальных настроений в национальном движении.

Дата поступления в редакцию 22.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Куценко Б. О. Причины и формы участия Британской империи в русско-японской войне 1904–1905 гг. // *Манускрипт*. 2020. Т. 13. № 9. С. 44–50.
2. Никитин Д. С. Британский комитет Индийского национального конгресса: цели, задачи, итоги деятельности // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 409. С. 115–117.
3. Новая история Индии / отв. ред. К. А. Антонова. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 835 с.
4. Симонов К. В. Афганистан в колониальной политике англо-индийского правительства в 1899–1901 гг. // *Евразийское научное объединение*. 2018. № 7-2 (41). С. 130–133.
5. Шаумян Т. Л. Русско-тибетские отношения на рубеже веков и лорд Керзон // *Труды Института востоковедения РАН*. 2017. № 1. С. 108–129.
6. Copland I. India 1885–1947: The Unmaking of an Empire. Edinburgh: Pearson education limited, 2001. 132 p.
7. Mehrotra S. R. A History of the Indian National Congress. Vol. 1: 1885–1918. New Delhi: Vikas Publ. House, 1995. 465 p.
8. Mehrotra S. R. The early organization of the Indian national congress, 1885–1920 // *India Quarterly*. 1966. Vol. 22. № 4. P. 329–352.
9. Moore R. J. Curzon and Indian Reform // *Modern Asian Studies*. 1993. Vol. 27. № 4. P. 719–740.
10. Ray A. B. Communal Attitudes to British Policy: The Case of the Partition of Bengal 1905 // *Social Scientist*. 1977. Vol. 6. № 5. P. 34–46.

REFERENCES

1. Kutsenko B. O. [Motives and forms of the British Empire's participation in the Russian-Japanese War of 1904–1905]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2020, vol. 13, no. 9, pp. 44–50.
2. Nikitin D. S. [The British Committee of the Indian National Congress: Objectives and Results]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk state university bulletin], 2016, no. 409, pp. 115–117.

3. Antonova K. A., ed. *Novaya istoriya Indii* [New history of India]. Moscow, Izdatelstvo vostochnoi literatury Publ., 1961. 835 p.
4. Simonov K. V. [Afghanistan in the colonial policy of the Anglo-Indian government in 1899–1901]. In: *Evrasiiskoe nauchnoe obedinenie* [Eurasian Scientific Association], 2018, no. 7-2 (41), pp. 130–133.
5. Shaumian T. L. [Russo-Tibetan relations at the turn of centuries and Lord Curzon]. In: *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN* [Works of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], 2017, no. 1, pp. 108–129.
6. Copland I. *India 1885–1947: The Unmaking of an Empire*. Edinburgh, Pearson education limited, 2001. 132 p.
7. Mehrotra S. R. *A History of the Indian National Congress. Vol. 1: 1885–1918*. New Delhi, Vikas Publ. House, 1995. 465 p.
8. Mehrotra S. R. The early organization of the Indian national congress, 1885–1920. In: *India Quarterly*, 1966, vol. 22, no. 4, pp. 329–352.
9. Moore R. J. Curzon and Indian Reform. In: *Modern Asian Studies*, 1993, vol. 27, no. 4, pp. 719–740.
10. Ray A. B. Communal Attitudes to British Policy: The Case of the Partition of Bengal 1905. In: *Social Scientist*, 1977, vol. 6, no. 5, pp. 34–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий библиограф Национально-исследовательского Томского государственного университета;
e-mail: nikitds33@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry S. Nikitin – Cand. Sci. (History), leading bibliographer, The National Research Tomsk State University;
e-mail: nikitds33@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин Д. С. Индийский национальный конгресс в годы правления вице-короля лорда Кёрзона: проблемы развития (1899–1905) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 96–103.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-96-103

FOR CITATION

Nikitin D. S. Indian National Congress in the years of the Curzon's government (1899–1905): problems of development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 96–103.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-96-103

УДК 9.94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-104-114

«ПРАЖСКАЯ ВЕСНА» ИЛИ «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»? (ЭВОЛЮЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ СОБЫТИЙ 1968 Г.)

Бруз В. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ эволюции официальной оценки событий, происходивших в Чехословакии в 1968 г.

Процедура и методы. Рассмотрены изменения в официальной трактовке чехословацких событий 1968 г., происходившие в Советском Союзе/России, Чехословакии (Чехии и Словакии), а также их оценка в США. При проведении исследования применялись методы анализа, синтеза, исторический метод и метод сравнительного анализа.

Результаты. В ходе проведённого исследования выяснено, что на эволюцию официальной оценки чехословацких событий 1968 г. повлиял ряд объективных и субъективных факторов. Официальная (политическая) оценка не всегда учитывает конкретно-историческую обстановку происходивших событий и рассматривает их с позиции сегодняшнего дня, т. е. зачастую носит конъюнктурный характер.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию и практику формирования официальной оценки исторических событий, позволяет выявить объективные и субъективные факторы, влияющие на формирование этой оценки.

Ключевые слова: официальная оценка, политическая оценка, события в Чехословакии, «Пражская весна», «цветная революция»

«PRAGUE SPRING» OR «COLOR REVOLUTION»? (EVOLUTION OF THE OFFICIAL EVALUATION OF THE CZECHOSLOVAK EVENTS IN 1968)

V. Bruz*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this work is to analyze the evolution of the official assessment of the events that took place in Czechoslovakia in 1968.

Methodology. The article examines the changes in the official interpretation of the 1968 Czechoslovak events that took place in the Soviet Union/Russia, Czechoslovakia (Czech Republic and Slovakia), as well as their assessment in the United States. While carrying out the research, the methods of analysis, synthesis, the historical method and the method of comparative analysis were used.

Results. In the course of the study, it was discovered that the evolution of the official assessment of the Czechoslovak events in 1968 was influenced by a number of objective and subjective factors. The official (political) assessment does not always take into account the specific historical situation of

those events and addresses them from the standpoint of the present day, i.e., it is often opportunistic in nature.

Research implications. The research results contribute to the theory and practice of the formation of an official assessment of historical events, allows to identify objective and subjective factors that influence the formation of this assessment.

Keywords: official assessment, political assessment, events in Czechoslovakia, «Prague Spring», «color revolution»

Введение

Более полувека отделяет нас от событий, происходивших в Чехословакии в 1968 г. За это время в мире произошли огромные изменения. Уже нет Советского Союза и мировой социалистической системы, прекратил существование Варшавский договор, на политической карте Европы появились Чехия и Словакия, ранее составлявшие единое государство. Мир изменился, но то, что происходило тогда в Чехословакии продолжает вызывать интерес. Одна из сторон этого вопроса связана с оценкой происходивших событий.

Когда речь заходит о значимых исторических событиях, они могут оцениваться с исторической (научной) и политической (официальной) точек зрения. Причём эти оценки могут не совпадать и при определённых условиях изменяться.

Официальная оценка предполагает рассмотрение события с позиций сегодняшнего дня. В серьёзной аргументации эта оценка зачастую не нуждается. Хотя в ряде случаев она получает определённое обоснование за счёт подбора соответствующих фактов, иногда игнорируя не вписывающиеся в соответствующую концепцию, вплоть до прямой фальсификации.

Официальная оценка, как правило, отвечает потребностям современной политической обстановки. Часто она находит отражение в заявлениях политиков, государственных и общественных деятелей, СМИ. Политическая оценка, особенно в средствах массовой информации, бывает весьма эмоциональной. Она может «подкрепляться» яркими, но не всегда

достоверными, а иногда вымышленными фактами. И наша цель – сформировать необходимое общественное мнение по отношению к соответствующему событию.

Если историческая оценка может изменяться в связи с появлением новых, ранее неизвестных (недоступных) источников, появление которых существенно меняет взгляд на происходившее событие, то политическая оценка зависит от современной политической ситуации, т. е. конъюнктурна, на неё оказывает влияние ряд субъективных факторов. Часто политическая оценка связана с решением конкретных политических задач в ближайшей или среднесрочной перспективе, направлена на формирование общественного мнения в современной ситуации по конкретному вопросу. Одинаковые по сути события могут оцениваться по-разному. Примечательно, что на это обращает внимание Э. Н. Люттвак, специалист по государственным переворотам, советник президента США, консультант в Совете национальной безопасности США и госдепартаменте. Э. Люттвак отмечает, что организованный в 1947 г. США государственный переворот во Франции и Италии, отстранивший «мирным» путём коммунистов от власти в этих странах, повторить в следующем году в Чехословакии не удалось. Оценивая происшедшее, американцы заявили, что итальянские и французские события ознаменовали «торжество демократии», а в Чехословакии произошёл «коммунистический переворот» [3, с. 234].

Советская политическая оценка чехословацких событий

Официальная советская оценка событий в Чехословакии летом 1968 г. была дана в заявлении ТАСС. По мнению ру-

ководства СССР, в результате действий контрреволюционных сил, поддерживаемых внешними враждебными силами, возникла угроза социалистическому строю в Чехословакии, безопасности социалистического содружества и миру в Европе. Подчёркивалось, что эскалация ситуации в Чехословакии напрямую касается национальных интересов СССР и государств социалистического содружества. Отмечалось, что решение об оказании военной помощи принято в соответствии с договорными обязательствами, по просьбе чехословацких партийных и государственных деятелей, не направлено против какого-либо государства и не ущемляет чьих-либо интересов¹.

В материалах XXIV съезда КПСС, проходившего в 1971 г., акцент в оценке чехословацких событий делался на том, что это была попытка империализма и его пособников уничтожить социализм в ЧССР и серьёзно ослабить европейский социалистический лагерь. В этих чрезвычайных условиях оказание интернациональной помощи Чехословакии рассматривалось как классовый долг, забота о социализме и мире в Европе².

Компартия Чехословакии, давая оценку кризисным событиям в своей стране, отмечала, что акт интернациональной помощи 5 социалистических стран спас жизни тысяч людей в Чехословакии, укрепил западные границы содружества и не допустил пересмотра результатов Второй мировой войны³.

18 августа 1968 г. за несколько дней до ввода войск стран ОВД в Чехословакию по прямой линии между Кремлём и Белым домом состоялся телефонный разговор между руководителями Советского Союза и США. Л. И. Брежнев поинтересовался об отношении американского президента к ялтинско-подсдамским со-

глашениям. Л. Б. Джонсон подчеркнул, что «в отношении Чехословакии и Румынии эти соглашения признаются полностью». Что касается Югославии, то это требует обсуждений [4, с. 280].

Накануне начала операции «Дунай» (ввода частей вооружённых сил нескольких стран Варшавского договора в Чехословакию) посол СССР в США А. Ф. Добрынин по поручению советского правительства проинформировал об этом решении президента США. Отмечалось, что действия союзников по Варшавскому договору вызваны продолжающейся эскалацией ситуации в ЧССР, ставшей результатом сговора реакционных сил внутри страны и за рубежом, направленного на свержение государственной власти в стране. Подчёркивалось, что эти события затрагивают жизненные интересы СССР и других социалистических государств, угрожают устоям европейского мира и международной безопасности. Был сделан акцент на том, что действия СССР не затрагивают интересов США и других государств и не должны нанести ущерб советско-американским отношениям [2, с. 165–166].

Политическая оценка США событий в Чехословакии

Официальная реакция США была крайне сдержанной. Так, в подготовленном ответе на информацию советского правительства о событиях в Чехословакии и вводе войск ОВД на совещании у президента в Белом доме выражалась «большая озабоченность» и высказывались сомнения относительно обращения правительства ЧССР за военной помощью и наличия внешней угрозы для стран [2, с. 167].

Реакция Соединённых Штатов на ввод войск Варшавского договора в ЧССР стала предметом обсуждения президента с лидерами конгресса. По мнению Л. Б. Джонсона, в этом вопросе достаточно ограничиться пропагандистскими мерами. Никаких иных действий, в т. ч. во-

¹ Заявление ТАСС // Правда. 1968. 21 августа.

² КПСС. Съезд, 24-й. Стенографический отчёт. 30 марта – 9 апреля. 1971 г. Т. 1. М.: Политиздат, 1971. С. 36.

³ Там же. С. 36.

енных, предпринимать нецелесообразно [2, с. 168].

Такой подход к оценке чехословацких событий нашёл отражение и в высказывании госсекретаря США Д. Раска, который подчеркнул, что это внутреннее дело Чехословакии и её союзников по ОВД [5, с. 150].

Суть американской реакции на чехословацкие события прозвучала в поллушутливой реплике президента США Л. Б. Джонсона, выразившего надежду на то, что Кремль оценит стремление Белого дома не идти на обострение [2, с. 168].

В этой связи странным выглядит утверждение главы Варшавского бюро газеты *The New York Times* М. Сантора, сделанное в 2018 г. в статье, посвящённой «пражской весне», о том, что президент США был не в курсе происходивших событий. М. Сантора считает, что, хотя американские спецслужбы отмечали концентрацию войск на чехословацкой границе, правильно оценить обстановку они не смогли, и вторжение войск Варшавского договора стало полной неожиданностью для президента и его администрации¹.

Интересно, что сегодня позиция США летом 1968 г. вызывает недоумение в либеральных кругах, представители которых подходят к оценке происходивших в середине второй половины 60-х гг. прошлого века событий без учёта конкретно-исторической обстановки того времени, с позиций сегодняшнего дня.

Так, например, ответственный редактор тематических программ русской службы «Радио Свобода» В. Тольц ссылается на современных американских историков, утверждающих, что если бы Запад занял однозначно жёсткую позицию в чехословацком вопросе, войска Варшавского договора, вероятно, не решились бы на

агрессию². С этим полностью согласен и журналист-международник Е. Фиштейн, в 2009–2012 гг. – директор русской службы «Радио Свобода»³.

Действительно, следуя данной логике, если сегодня⁴ США применяют по отношению к России жёсткие санкции под каким-либо предлогом или без него, то почему этого не было сделано в 1968 г.? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к 1950–1960-м гг.

В 1949 г. Советский Союз провёл испытания ядерного, а в 1953 г. впервые в мире – термоядерного оружия. В 1957 г. был осуществлён запуск первого в мире искусственного спутника Земли, наглядно продемонстрировавшем наличие у Советского Союза ракет, способных доставить ядерный и термоядерный заряды в любую точку мира. В 1950–1960-е гг. продолжалось динамичное развитие советской экономики, которая стала второй экономикой в мире после США, а по темпам роста существенно опережала Соединённые Штаты. Экономика СССР не была тесно интегрирована в мировую экономическую систему, а углеводороды ещё не стали основной статьёй советского бюджета, поэтому внешние финансово-экономические инструменты давления серьёзного влияния на советскую экономику оказать не могли. Карибский кризис 1962 г. показал, что Советский Союз готов весьма решительно отстаивать свои интересы на международной арене. Во второй половине 1960-х гг. между Советским Союзом и Соединёнными Штатами был установлен военно-стратегический паритет.

¹ Santora M. 50 Years After Prague Spring, Lessons on Freedom (and a Broken Spirit) // *The New York Times*: [сайт]. [20.08.2018]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/08/20/world/europe/prague-spring-communism.html> (дата обращения: 14.04.2021).

² 1968: Вторжение в Чехословакию «глазами чекистов» // Радио Свобода : [сайт]. URL: <http://www.svoboda.org/a/2134869.html> (дата обращения: 14.04.2021).

³ 1968: Вторжение в Чехословакию «глазами чекистов» // Радио Свобода : [сайт]. URL: <http://www.svoboda.org/a/2134869.html> (дата обращения: 14.04.2021).

⁴ Актуально на момент подачи статьи в редакцию – прим. ред.

Вследствие этого становится понятно, что США в 60-е гг. XX в. воспринимали Советский Союз как равного по силе противника в холодной войне. Поэтому и отношение было соответствующим.

Что касается ввода войск союзников по Варшавскому договору в Чехословакию, то в таком вмешательстве не было ничего нового. Если обратиться к истории, то можно вспомнить, например, Священный союз, созданный по решению Венского конгресса в 1815 г. для поддержания установленного в рамках Версальской системы мирового порядка. Священный союз декларировал право вооружённого вмешательства во внутренние дела других государств в целях подавления революционных выступлений и сохранения *status quo* в Европе. В соответствии с решениями Священного союза весной 1821 г. Австрия подавила неаполитанскую революцию и революцию в Пьемонте, а Франция восстановила абсолютизм в Испании в 1823 г. Как известно, ни Австрия, ни Франция не приносили извинения Италии и Испании за свои действия, задержавшие развитие демократии в этих странах. Более того, даже подобные мысли не возникали.

Что касается действий самих США на международной арене, следует напомнить, что весной 1964 г. в результате заговора, в котором активно участвовало американское посольство, бразильские военные во главе с начальником генштаба К. Бранку свергли конституционное правительство президента Ж. Гуларта. Президент США Л. Б. Джонсон с удовлетворением воспринял эти события и выразил надежду на то, что бразильцы оценят это, вместо того чтобы ругать американцев¹.

В начале 1965 г. президент Америки заявил о праве США применять свои вооружённые силы в любой стране за-

падного полушария для предотвращения прихода к власти коммунистического режима. Эта декларация известна как «Доктрина Джонсона» [8, с. 48–58]. Уже весной 1965 г. США осуществили военную интервенцию в Доминиканскую Республику и установили там антикоммунистический, проамериканский режим².

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что на Западе часто вспоминают о так называемой «доктрине Брежнева», суть которой, по словам профессора Лондонского университета Н. Дэвиса, состояла в том, что Кремль был обязан при необходимости вмешиваться и силой защищать своих союзников по социалистическому лагерю [7, с. 1106]. Иными словами, речь шла об «ограниченном суверенитете». Применение этой доктрины связывается с чехословацкими событиями 1968 г., в то же время о «доктрине Джонсона» ни в западной, ни в отечественной историографии практически не упоминается, хотя, в соответствии с этой доктриной, в 1983 г. войска США осуществили вторжение в Гренаду для недопущения распространения «вируса марксизма» в других странах³ и по «просьбе Организации американских государств». В 1989 г. для защиты американских граждан и «восстановления демократии» вооружённые силы Америки вторглись в Панаму.

Этот список пополнился целым рядом вторжений уже в XXI в. При этом хорошо известно, что США никогда не приносили извинения государствам за свои действия. Поэтому реакция США на чехословацкие события была вполне адекватной. Соединённые Штаты относились к Советскому Союзу как к великой державе и признавали за ним право на сохранение *status quo* в своей сфере влияния.

¹ Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны [Электронный ресурс] // URL: <https://military.wikireading.ru/15280> (дата обращения: 20.06.21).

² Вмешательство США // Кстати : [сайт]. URL: <http://kstati.net/vtyanuvshij-ameriku-vo-vetnamskuyu-voynu-lindon-bejns-dzhonson/> (дата обращения: 10.06.21).

³ The Palm Beach Post. 1982. April 9.

Эволюция советской официальной оценки событий в Чехословакии

Возвращаясь к оценке событий в Чехословакии советским руководством, следует отметить, что в 1987 г. М. С. Горбачёв подтвердил официальную точку зрения, подчеркнув, что Чехословакия в 1968 г. пережила серьёзный кризис, вызванный ошибками партийного руководства и политикой стран Запада, направленной на разрушение социалистического строя [1, с. 168].

Однако уже в декабре 1989 г. официальная оценка событий в Чехословакии претерпела принципиальные изменения. На встрече руководителей НРБ, ВНР, ГДР, ПНР и СССР ввод войск государств Варшавского договора в Чехословакию осуждался как вмешательство во внутренние дела суверенного государства¹.

Появление такой оценки может быть объяснено тем, что в это времена Советский Союз находился в состоянии серьёзного кризиса, а его лидер М. С. Горбачёв фактически безоговорочно капитулировал перед Западом в холодной войне. Сдал всех союзников и, по сути, отказался от тех позиций, которые занимала наша страна на мировой арене. Чего в действиях М. С. Горбачёва было больше: амбиций? Желания войти в историю человеком, предложившим «новое мышление» всему миру? Политической наивности? Ошибок, просчётов или предательства? Возможно, по прошествии времени мы узнаем об этом. Результат же известен. СССР прекратил своё существование. В 1990 г. М. С. Горбачёв стал лауреатом Нобелевской премии мира «за вклад в снижение международной напряжённости и осуществление политики гласности»².

США объявили о победе в холодной войне. Была выпущена неофициальная

памятная медаль «За победу в холодной войне» (1946–1991). Как заявила Х. Клинтон, в то время баллотировавшаяся на пост президента США, победа Соединённых Штатов в холодной войне стала огромным достижением, и все, проходившие в то время службу, заслуживают этой награды³.

В этой связи заслуживает внимания тот факт, что президентской медалью Свободы (высшая награда США), которой награждаются лица, внёсшие особый вклад в защиту национальных интересов, безопасность Соединённых Штатов и поддержание мира во всём мире, был награждён М. С. Горбачёв с вручением полагающейся к ней премии в 100 тысяч долларов⁴.

Современная политическая оценка чехословацких событий в России, Чехии и Словакии

Что касается современной официальной российской оценки чехословацких событий 1968 г., то посетивший с визитом Чехию в августе 1993 г. Президент России Б. Н. Ельцин заявил, что эти действия были предприняты руководством существовавшего в то время Советского Союза и современная Россия ответственности за них не несёт⁵. Находившийся с визитом в 2007 г. в Праге Президент РФ В. В. Путин отметил, что мы осуждаем события 1968 г. и чувствуем моральную ответственность⁶.

³ Парламентарии США предложили учредить медаль за победу над СССР в холодной войне // News.ru : [сайт]. URL: <https://www.newsru.com/arch/world/13apr2007/medalcoldwar.html>. (дата обращения: 10.04.2021).

⁴ Горбачёв получил американскую медаль за окончание «холодной войны» // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/society/20080919/151409907.html> (дата обращения: 10.04.2021).

⁵ Восточно-европейское турне Бориса Ельцина // Коммерсантъ. 1993. 27 августа.

⁶ Путин чувствует ответственность за события 1968 года в Чехословакии // Взгляд : [сайт]. URL: <https://vz.ru/news/2007/4/27/79675.html> (дата обращения: 29.06.2021).

¹ Заявление // Известия. 1989. 5 декабря.

² За что Михаилу Горбачеву вручили Нобелевскую премию // Moia Russia : [сайт]. URL: <https://moiarussia.ru/za-cto-mihailu-gorbachevu-vruchili-nobellevskuyu-premiyu/> (дата обращения: 26.05.2021).

Чешский парламент принял 22 августа 2018 г. резолюцию, в которой действия союзников по Варшавскому договору в 1968 г. были названы вторжением и оккупацией¹. Следует обратить внимание на то, что эта оценка приурочена к 50-летию событий в Чехословакии, при этом Чехия (с 1993 г. – независимое государство) до настоящего времени не считала период с 1968 по 1991 гг. оккупацией. Не появилось за это время никаких новых документов и материалов, принципиально влияющих на оценку тех событий.

Примечательно, что оценка этих событий в Словакии существенно отличается. Если Прага требовала весной 1968 г. европейских свобод, то Братислава, как подчёркивает Я. Чарногурский, премьер-министр Словакии (1991–1992 гг.) в объединённой Чехословакии, министр юстиции (1998–2002 гг.), стремилась к федерализации. По мнению Я. Чарногурского, введение войск Варшавского договора стало большой неожиданностью. Однако, в отличие от чехов, объявивших последующую четверть века оккупацией, словаки называют этот период «нормализованной» Чехословакией. В целом, политическая оценка «братиславской весны» более мягкая².

На это обращают внимание и некоторые исследователи. Так, по свидетельству историка Я. Пауэра, если «пражская весна» и её насильственное подавление глубоко впитались в коллективную память чешских граждан, то в Словакии сложилось в целом более сдержанное отношение к событиям 1968 г.³, которые не оцениваются как оккупация.

¹ Чешский парламент назвал ввод войск в 1968 году актом вторжения // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/world/20180822/1527052905.html> (дата обращения: 30.07.2021).

² Зимин Д. Чехи и словаки митинговали о разном. Экс-премьер Словакии – о Празжской весне // Daily Storm : [сайт]. URL: <https://dailystorm.ru/vlast/chehii-slovaki-mitingovali-o-raznom-eks-premer-slovakii-o-prazhskoy-vesne> (дата обращения: 07.07.2021).

³ Jan Pauer The Dispute about the Legacy of the “Prague Spring” // European Network Remembrance and Solidarity : [сайт]. URL: <http://enrs.eu/sk/articles/104-the-legacy-of-the-prague-spring> (дата обращения: 15.05.2021).

Попытка государственного переворота или народная революция?

При рассмотрении понятий *переворот* и *революция* представляется интересной точка зрения американского историка, эксперта по государственным переворотам Э. Н. Люттвака, автора монографии «Государственный переворот. Практическое пособие». Люттвак полагает, что *государственный переворот* в отличие от *дворцового переворота* – дело куда более «демократическое», при этом его можно осуществить «извне» [3, с. 11]. Что касается понятия *революция*, то этот термин приобрёл определённую популярность, поскольку именно революцией были названы многие перевороты, а такое название должно было свидетельствовать, что они совершены «народом» [3, с. 14]. Такой подход вполне применим и к оценке чехословацких событий как к попытке государственного переворота, инициированного «извне» в русле современных «цветных революций» или как к народной революции, именуемой «пражской весной».

Ряд авторов, в частности, корреспондент газеты *The Guardian* Ш. Уокер полагает, что войска союзников по Варшавскому договору подавили чехословацкое правительство реформаторов, возглавляемое А. Дубчеком, стремящихся построить «социализм с человеческим лицом»⁴. По мнению американского автора Т. А. Раффенспергера, «пражская весна» 1968 г. оказалась трагически короткой из-за вторжения советских войск, решительно подавивших демократическое движение в Чехословакии⁵.

Тележурналист, профессор Н. К. Свиридзе уверен, что Чехословакия была

⁴ Walker Shaun The Guardian // Russian presence divides Czechs 50 years after Prague Spring // ИноСми : [сайт]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180820/243041557.html> (дата обращения: 26.04.2021).

⁵ Todd A. Raffensperger Prague Spring, 1968: «The Whole World is Watching» // Warfare History Network : [сайт]. URL: <https://warfarehistorynetwork.com/2016/09/22/prague-spring-1968-the-whole-world-is-watching/> (дата обращения: 28.06.2021).

оккупирована Советским Союзом ещё в 1947 г. При этом он отмечает, что население ЧССР относилось к нам с огромной любовью, а в 1968 г. советские танки эту любовь уничтожили¹. По логике Сванидзе получается, что народы Чехословакии более 20 лет горячо любили «оккупантов». Странная какая-то «оккупация».

Современные американские историки М. Бирн и В. Мастни безапелляционно заявляют, что за годы своего существования Организация Варшавского договора (ОВД) стала самой страшной военной машиной в истории, воплощением агрессии, угрозой новой мировой войны².

Некоторые российские авторы ничуть не уступают в подобных оценках своим американским коллегам. Наглядным примером этого может служить книга «Полвека советской перестройки» журналиста, председателя правозащитного фонда «Гласность», лауреата международной премии WAN «Золотое перо Свободы», С. И. Григорьянца. Специальная глава его книги называется «Вторжение в Чехословакию». Рассматривая эти события, Григорьянец приходит к выводу, что «пражская весна» была инспирирована советской разведкой для того, чтобы найти предлог для оккупации Чехословакии как начала реальной подготовки к Третьей мировой войне, развязать которую стремились советские маршалы. И только спокойствие и здравый смысл чехов во главе с Дубчеком и Сметаной «не допустили начала Третьей мировой войны» и спасли человечество от гибели в термоядерной войне³.

¹ Пражская весна: почему меняются исторические оценки? // Эхо Москвы : [сайт]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/kulshok/2265632-echo/> (дата обращения: 12.03.2021).

² Byrne M., Mastny V. The Warsaw Pact, gone with a whimper // The International Herald Tribune. 2005. May 14.

³ Григорьянец С. И. Вторжение в Чехословакию [Электронный ресурс]. URL: <http://grigoryants.ru/polveka-sovetskoj-perestrojki/vtorzhenie-v-chexoslovakiyu-glava-iz-knigi-polveka-sovetskoj-perestrojki-sergej-grigoryanc/> (дата обращения: 12.06.2021).

Очевидно, что подобными авторами движет отнюдь не стремление к тому, чтобы объективно и беспристрастно разобраться в происходивших событиях, а слепая ненависть к Советскому Союзу. Желание представить его в виде кровожадного монстра, стремившегося уничтожить весь мир. В ряде работ, в т. ч. и появившихся в последнее время, просматриваются конъюнктурные цели. Их авторы, исходя из уже сформулированной оценки события, подгоняют под неё «соответствующую» аргументацию, применяя отнюдь не научные методы (подтасовывая и фальсифицируя документы и материалы, ссылаясь на недостоверные и вымышленные факты и т. д.), с целью формирования необходимого общественного мнения. Часто ограничиваются констатацией агрессивности Советского Союза, якобы представлявшего серьёзную угрозу для международной безопасности, как факта, не нуждающегося в доказательствах.

В то же время появляются и серьёзные исследования рассматриваемых событий. Так, например, в 2020 г. вышла книга В. В. Шевченко «Навстречу Рассвету – Непреданные памятью», в которой на основе документов, материалов, воспоминаний участников операции «Дунай», проводится исследование происходившего в 1968 г. в Чехословакии. Автор приходит к выводу, что, по сути, речь шла о технологии «цветной революции» [6].

По мнению директора Института политики, права и социального развития МГГУ, историка В. Л. Шаповалова, в событиях «пражской весны» в Чехословакии 1968 г. отчётливо видны элементы технологии цветной революции: массовые ненасильственные акции протеста; активное использование молодёжи в качестве авангарда массовых акций протеста; сакральная жертва как один из основных элементов технологии цветной революции⁴. Всё, что происходило

⁴ Историк рассказал о технологиях цветных революций в Венгрии-1956 и Чехословакии-1968 //

в странах Восточной Европы до 2000 г.: Венгрия-1956, Чехословакия-1968, деятельность «Солидарности» в Польше в 1980-е, наконец, «бархатные революции» конца 1980-х – начала 1990-х в странах Центральной и Восточной Европы – это всё технологии государственного переворота, уверен В. Л. Шаповалов.

Занимавшийся изучением операции «Дунай» В. Панов полагает, что в соответствии с американским сценарием «мирного» государственного переворота и были начаты либеральные реформы, получившие название «пражской весны». Смена власти «рассерженными» массами сегодня широко известна как «цветная революция»¹. О том, что в Чехословакии была предпринята попытка цветной революции, говорят председатель комитета Госдумы по образованию В. А. Никонов, генеральный директор Центра политической информации А. А. Мухин, политолог и экономист С. А. Караганов и ряд других государственных, политических, общественных деятелей, историков, политологов².

О влиянии на чехословацкие события «извне» свидетельствует, в частности, и тот факт, что в июне 1968 г. в Прагу с неофициальным визитом прибыл З. Бжезинский, занимавший в то время пост члена совета по формированию внешней политики Госдепартамента США. З. Бжезинский выступал перед интеллигенцией и студентами, призывая к свободе, демократии и выходу из Организации Варшавского договора. Первый секретарь ЦК Со-

циалистической единой партии Германии В. Ульбрихт, ознакомившись с текстом лекций З. Бжезинского и программным документом оппозиции «2000 слов», обнаружил их полную идентичность³.

Представители Госдепа США активно участвуют в организации и проведении государственных переворотов в различных странах, политика которых не устраивает США, а посольства Соединённых Штатов в этих странах становятся штабами этих «народных выступлений». Сегодня эти политтехнологии известны как «цветные революции».

Заключение

Итак, есть основания утверждать, что изменения официальной точки зрения на чехословацкие события 1968 г. были вызваны объективными и субъективными факторами. Объективные факторы обусловлены изменением политического строя, произошедшем в Советском Союзе и европейских социалистических государствах. Потерпев поражение в холодной войне, СССР прекратил своё существование, а Соединённые Штаты на некоторое время стали господствовать в мире. В новой исторической обстановке произошла переоценка событий, связанных с Советским Союзом и социалистическим лагерем.

Субъективный фактор состоял в том, что руководители, оказавшиеся у власти в нашей стране и государствах Восточной Европы, стояли на либеральных позициях и находились под контролем США. Исходя из этого возобладали западные взгляды, в соответствии с которыми СССР рассматривался как тоталитарное государство, выполнявшее роль жандарма в странах социалистического лагеря. Советская внешняя политика оценивалась именно с этих позиций. Та-

ТЕЛЕЦЕНТРЪ : [сайт]. URL: <https://tele-center.ru/news/istorik-rasskazal-o-tekhnologiyakh-tsvetnykh-revolutsiy-v-vengrii-1956-i-chechoslovakii-1968/> (дата обращения: 06.07.2021).

¹ Панов В. Они шли на войну... (часть 1) // Столетие : [сайт]. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/oni_shli_na_vojnu_chast_1_325.htm (дата обращения: 11.06.2021).

² Саргин А. В Чехословакии в 1968 году была классическая «цветная» революция! // Politikus.ru : [сайт]. URL: <https://politikus.ru/articles/82959-v-chechoslovakii-v-1968-godu-byla-klassicheskaya-cvetnaya-revoluciya.html> (дата обращения: 05.07.2021).

³ Гасанов В. Размышления по поводу одного юбилея. К 45-летию ввода войск стран Варшавского Договора в Чехословакию в 1968 году // Отвага : [сайт]. URL: <http://otvaga2004.ru/voyuny/wars-europe/45-leti-vvoda-vojsk-v-chechoslovakiyu/> (дата обращения: 20.06.2021).

ким образом, официальная переоценка чехословацких событий выглядит вполне объяснимой.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что данные оценки не учитывают конкретную историческую обстановку происходивших в 1968 г. в Чехословакии событий, как правило, не опираются на серьёзную научную основу, повторяют ряд политизированных выводов времён холодной войны, ориентируясь на современную политическую ситуацию в стране и мире.

США, продолжающие осуществлять государственные перевороты в неугодных странах, события в Чехословакии

1968 г. рассматривают как жёстко подавленную советскими танками «пражскую весну» («народную революцию»). В условиях русофобии, захлестнувшей Европу, такая оценка характерна и для американских союзников и сателлитов.

Официальная российская оценка пока остаётся без изменений, однако мнения ряда авторитетных российских историков, политиков, государственных и общественных деятелей сходятся на том, что в 1968 г. в Чехословакии были использованы политтехнологии, известные сегодня как «цветная революция».

Дата поступления в редакцию 21.09.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. 271 с.
2. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1997. 688 с.
3. Люттвак Э. Н. Государственный переворот / пер. с англ. М.: Русский фонд Содействия образованию и науке, 2012. 326 с.
4. Млынарж З. Холодом веет от Кремля. Нью-Йорк, 1988. 299 с.
5. Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века / под ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле, 2000. 576 с.
6. Шевченко В. В. Навстречу Рассвету – Непреданные памятью. Ростов н/Д: Альтаир, 2020. 800 с.
7. Davies N. *Europe: A history*. L.: Pimlico, 1997. 1365 p.
8. Rabe S. G. The Johnson Doctrine // *Presidential Studies Quarterly*. 2006. Vol. 36. № 1. P. 48–58.

REFERENCES

1. Gorbachev M. S. *Perestroika i novoe myshlenie dlya nashei strany i dlya vsego mira* [Perestroika and new thinking for our country and for the whole world]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 271 p.
2. Dobrynin A. F. *Sugubo doveritelno. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SSHA (1962–1986 gg.)* [Strictly confidential. Ambassador in Washington with six US presidents (1962 to 1986)]. Moscow, Avtor Publ., 1997. 688 p.
3. Luttwak E. N. *Coup d'État: A Practical Handbook* (Rus. ed.: *Gosudarstvennyi perevorot*. Moscow, Russkii fond Sodeistviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2012. 326 p.).
4. Mlynar Z. *Kholodom veet ot Kremlya* [Chill blows from the Kremlin]. New York, 1988. 299 p.
5. Zolotarev V. A., ed. *Rossiia (SSSR) v lokalnykh voinakh i vooruzhennykh konfliktakh vtoroi poloviny XX veka* [Russia (USSR) in local wars and armed conflicts in the second half of the 20th century]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2000. 576 p.
6. Shevchenko V. V. *Navstrechu Rassvetu – Nepredannye pamyat'yu* [Towards Dawn – Unbetrayed by memory]. Rostov/n/D, Altair Publ., 2020. 800 p.
7. Davies N. *Europe: A history*. L., Pimlico, 1997. 1365 p.
8. Rabe S. G. The Johnson Doctrine. In: *Presidential Studies Quarterly*, 2006, vol. 36, no. 1, pp. 48–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бруз Владимир Виленович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Московского государственного областного университета, член-корреспондент Академии военных наук;
e-mail: vvb54@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Brooz – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Prof., Department of State and Municipal Administration, Moscow Region State University, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences;
e-mail: vvb54@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бруз В. В. «Пражская весна» или «цветная революция»? (Эволюция официальной оценки чехословацких событий 1968 года) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 104–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-104-114

FOR CITATION

Bruz V. V. «Prague spring» or «color revolution»? (Evolution of the official evaluation of the Czechoslovak events in 1968). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 104–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-104-114

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930.23

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-115-120

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛЕКСАНДРА III В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Горлов М. И., Мезенцева Ю. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить особенности интерпретации внутренней и внешней политики Российской империи периода правления Александра III в вузовских учебниках советского и постсоветского (1990-х гг.) периодов по отечественной истории.

Процедура и методы. Проведён сравнительный анализ текстов советских и современных учебников для высшей школы по отечественной истории, касающийся оценки различных аспектов внутренней и внешней политики Александра III.

Результаты. Эмпирически проверено влияние на оценку внутренней и внешней политики правительства Александра III, характер и глубину представления исторического материала идеологической ситуации, характерной для времени составления вузовских учебников по отечественной истории.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определены факторы, влияющие на оценку внутренней и внешней политики Александра III в вузовских учебниках советского и современного периодов, а также глубину представленного в них исторического материала.

Ключевые слова: политика России конца XIX в., «контрреформы» Александра III, идеология государственной политики, советские учебники истории, современные учебники истории для высшей школы

THE POLICY OF THE GOVERNMENT OF ALEXANDER III IN SOVIET HISTORY TEXTBOOKS FOR HIGHER EDUCATION

M. Gorlov, Yu. Mezentseva

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine the peculiarities of the interpretation of the domestic and foreign policy of the Russian Empire during the reign of Alexander III in university textbooks on national history of the Soviet and post-Soviet (1990s) periods.

Methodology. The authors have made comparative analysis of the texts of Soviet and contemporary national history textbooks for higher education, concerning the assessment of various aspects of Alexander III's domestic and foreign policy.

Results. The authors have empirically tested the influence on the assessment of the domestic and foreign policy of the government of Alexander III, the nature and depth of the presentation of the historical material according to the ideological situation characteristic of the time of compiling university textbooks on Russian history.

Research implications. The factors influencing the assessment of Alexander III's domestic and foreign policy in university textbooks of the Soviet and modern periods, as well as the depth of the historical material presented in them, are determined.

Keywords: politics of Russia at the end of the 19th century, «counter-reforms» of Alexander III, ideology of state policy, Soviet history textbooks, modern history textbooks for higher education

Введение

Специфика подачи исторического материала вузовскими учебниками состоит в более глубоком и всестороннем его представлении. Сама структура материала, представленного в подобного рода учебниках, степень его конкретизации и обоснования выводов предполагает более высокий теоретический уровень исследования, нежели в учебниках для средней школы. Учебники истории для высшей школы выполняют не только воспитательные задачи, но и способствуют формированию научного мировоззрения молодёжи. С другой стороны, советская идеология оказывала заметное влияние на содержание учебников практически по всем школьным и вузовским дисциплинам. Однако влияние идеологии на учебники истории, очевидно, имело исключительный характер.

Эта статья в определённом смысле является продолжением исследования «Интерпретация государственной политики правительства Александра III в советских и современных школьных учебниках истории» [2], главная цель которого – определение характера влияния идеологических установок на интерпретацию и оценку деятельности правительства Александра III в разных сферах

внутренней и частично внешней политики Российской империи на основе сравнительного анализа содержания различных советских и современных учебников истории.

Известно, что оценка правления Александра III в советской историографии носит в целом негативный характер. Период правления Александра III получил даже своё собственное наименование – «период контрреформ». И хотя впоследствии этот термин подвергся глубокому анализу и даже критике со стороны отдельных отечественных учёных [1; 3; 4], на примере советских вузовских учебников мы видим, что даже в то время в понимании этого термина у авторов учебников не было полного единства во взглядах.

Интерпретация внутренней и внешней политики правительства Александра III в советских учебниках истории для вузов

В одном из первых советских учебников для вузов (1923 г.) – «Очерки русской истории» профессора В. Н. Бочкарёва – даётся довольно ёмкий по содержанию анализ экономического развития пореформенной России. И уже в этом лекционном курсе эпоха Александра III характеризуется как реакционный период,

а именно как эпоха «полного торжества дворянской реакции»¹. Оплотом самодержавия считалось дворянство, стремившееся восстановить свои утраченные права и политическое значение, а буржуазия, опасаясь «призрака революции», шла на уступки дворянству. Эти уступки, по мнению В. Н. Бочкарёва, состояли в конкретных мероприятиях: в принятии положений, призванных произвести «корректировку» реформ 1860-х гг. – об усиленной и чрезвычайной охране (1881), о земских учреждениях (1890), в изменениях судебных Уставов и «цензурных строгостях». Сильнее всего дворянская реакция отразилась на «крестьянском и аграрном законодательстве». И хотя под влиянием крестьянских волнений в 1881 г. был введён обязательный выкуп крестьянских наделов, уменьшены выкупные платежи, учреждён крестьянский поземельный банк (1882 г.), отменена подушная подать (1885 г.), все эти мероприятия практически не изменили тяжёлое материальное и правовое положение крестьян и фабрично-заводских рабочих².

В 1939 г. в СССР вышли в свет сразу нескольких учебников истории, в т. ч. первый том учебника по истории СССР под редакцией Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева и Н. Л. Рубинштейна. Оценивая это событие, Д. А. Ковпак пишет, что перед авторами первого вузовского учебника стояла сложная задача: с одной стороны, необходимо было «обогащить» содержательную часть учебника, а с другой – сохранить его «идеологическую основу». Таким образом, несмотря на давление со стороны власти, историки должны были соблюсти хотя бы «видимость» научно-исследовательского подхода. Возрождение исторических факультетов, создание научно-исследовательских институтов, возвращение к работе истори-

ков «старой школы» и «разгромная» кампания против М. Н. Покровского – все это «восстанавливало» историческую науку, но, увы, уже в новых политических условиях – при полном подчинении государству [6, с. 267–268].

В учебнике для исторических факультетов «История СССР» М. В. Нечкиной (1949 г.) период правления Александра III рассматривается в контексте развития русского революционного движения, а точнее – оценки К. Марксом внутреннего положения России в конце 1870-х гг. как революционной ситуации. Эта ситуация сложилась в результате борьбы 2 типов буржуазного развития – «прусского» и «широкого демократического». Именно «демократический» тип буржуазного развития мог бы привести к уничтожению всех пережитков крепостничества. Однако развитие по второму, «демократическому», типу не было осуществлено из-за слабости народовольцев, а также из-за «трусливой соглашательской» тактики, которой придерживалась вся «либеральная общественность», что в итоге и привело к ещё более «свирепой реакции» правительства, чем при Александре II³.

С классовых позиций даёт автор оценку и, казалось бы, прогрессивным действиям правительства. Например, в связи с отменой выкупных платежей М. В. Нечкина замечает, что созванные Александром III «эксперты» (предводители дворянства, председатели земских управ и т. д.) руководствовались дореформенным принципом обложения душевого надела, а не принципом соответствия выкупных платежей ценности земли⁴.

Идеалом реакционной политической системы Александра III М. В. Нечкина считает «ветхую» уваровскую формулу: «самодержавие, православие и народность». В итоге, так же, как и В. Н. Бочкарёв, М. В. Нечкина отмечает, что цикл

¹ Бочкарев В. Н. Очерк русской истории: конспект лекций для вузов, партшкол и для самообразования. М.: Октябрь, 1923. С. 137.

² Бочкарев В. Н. Очерк русской истории: конспект лекций для вузов, партшкол и для самообразования. М.: Октябрь, 1923. С. 138–139.

³ История СССР. Т. 2. Россия в XIX веке / под ред. М. В. Нечкиной. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 666–677.

⁴ Там же. С. 678.

контрреформ 1889–1894 гг. «должен был ... послужить к исправлению “роковых ошибок” 60-х годов»¹.

Также неоднозначно оценивается М. В. Нечкиной внешняя политика правительства Александра III. Даже министр иностранных дел Н. К. Гирс характеризуется ею как «слабый и нерешительный человек», всецело подверженный влиянию Бисмарка². Если Союз трёх императоров, по мнению М. В. Нечкиной, имел для России в целом позитивные последствия, поскольку облегчил борьбу против Англии и «оправдал себя» в афганском кризисе, укрепив позиции России на Кавказе и Чёрном море, то политика России в Болгарии полностью характеризуется как «провальная», нанёсшая серьёзный ущерб «престижу царизма». Союз России с Францией, с одной стороны, и Германии с Австрией – с другой, рассматривались М. В. Нечкиной в контексте изменений самой структуры капитализма, когда «... складывался монополистический капитализм и заканчивался раздел мира»³.

Примерно тот же подход к оценке деятельности правительства Александра III мы видим и в учебнике «История СССР, 1861–1917» для студентов педагогических институтов (под редакцией В. Г. Тюкавкина) 1990 г. издания. Внутренняя политика Александра III характеризуется здесь как наступление царизма на «прогрессивные ростки реформ» предшествующих десятилетий [5, с. 107]. По мнению авторов, период правления Александра III отмечен серией «реакционных преобразований», именуемых «контрреформами». При этом авторы уточняют содержание этого термина, полагая, что его нельзя ограничивать серией «реакционных законов». Контрреформы – это вообще весь «политический курс» правительства Александра III, пренебрегавше-

го не только общественным мнением, но и вопросами развития самоуправления, соблюдения законодательства. Отличительной особенностью правительственной политики, как в период реформ, так и контрреформ, является её абсурдность, состоявшая в готовности правительства к реформам, когда на самом деле оно не собиралось их осуществлять, а также в отказе от уступок, в то время как на деле оно их совершало [5, с. 107].

Своего рода идеологией политики контрреформ стало «общественное движение», основанное на недовольстве реформами, точнее, как пишут авторы, на недовольстве их ограниченностью. Таким образом, концепция контрреформ состояла из традиционных догм о «божественной» природе самодержавия и его политики, о централизации власти, об осуждении земского и городского самоуправления [5, с. 107–108]. Реакционная сущность царизма проявилась и в других сферах общественной жизни: в культуре и национальной политике (насаждение национальной розни, насильственная христианизация национальных меньшинств и преследование их «демократической» культуры) [5, с. 115–116].

В целом позитивно оценивают авторы присоединение среднеазиатских народов к России в период правления Александра III. На основе российского законодательства началось прогрессивное развитие региона, было ликвидировано рабство и работорговля, прекратились междоусобные войны, началось заселение региона жителями русских губерний. На рубеже XIX–XX вв. Средняя Азия стала основным поставщиком хлопка для промышленности России.

Иначе складывалась внешнеполитическая ситуация во второй половине XIX в. на Дальнем Востоке. Сначала царское правительство недооценило перспективы экономического и политического развития этого региона, что послужило косвенной причиной повышенной активности японской буржуазии. Однако по-

¹ Там же. С. 678, 685.

² Там же. С. 772.

³ История СССР. Т. 2. Россия в XIX веке / под ред. М. В. Нечкиной. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 780–781.

сле заключения союза с Францией внешне-неполитические приоритеты сменились: правительство вынуждено было снизить активность на Балканах, но в то же время активизировалась внешнеполитическая деятельность русского правительства на Дальнем Востоке [5, с. 130–154].

Заключение

Характеризуя оценки авторов вузовских учебников по отечественной истории советского и постсоветского (1990-х гг.) времени в отношении государственной политики Александра III, можно утверждать, что они полностью определялись политической доктриной

государства, рассматривавшей политическую историю России второй половины XIX в. строго в контексте развития революционной борьбы пролетариата с самодержавием. В то же время соблюдение авторами учебников «видимости научного подхода» выражалось в достаточно подробном исследовании большого числа внутривнутриполитических актов правительства Российской империи. При этом рассмотрение действий правительства и их оценка авторами учебников истории носила исключительно узкий и односторонний характер.

Дата поступления в редакцию 08.06.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Биюшкина Н. И. К вопросу о понятии контрреформ 80–90-х гг. XIX в. в России // Российский юридический журнал. 2011. № 5 (80). С. 209–215.
2. Горлов М. И., Мезенцева Ю. И. Интерпретация государственной политики правительства Александра III в советских и современных школьных учебниках истории // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 75–82.
3. Горелик Ф. Б. Раскрытие закономерностей общественного развития в курсах истории. М.: Просвещение, 1969. 207 с.
4. Боханов А. Н. Император Александр III. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2019. 562 с.
5. История СССР, 1861–1917 / В. Г. Тюкавкин, В. А. Корнилов, А. В. Ушаков, В. И. Старцев. М.: Просвещение, 1990. 462 с.
6. Ковпак Д. А. Первый советский учебник по истории СССР для вузов в оценках ленинградских историков // Страницы истории : сб. науч. статей, посвященный 65-летию со дня рождения профессора Григория Алексеевича Тишкина / сост. А. С. Крымская. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 267–288.

REFERENCES

1. Biyushkina N. I. [On the question of the notion of counterreform of 80–90ies of the XIXth century in Russia]. In: *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2011, no. 5 (80), pp. 209–215.
2. Gorlov M. I., Mezentseva Yu. I. [Interpretation of the state policy of the government of Alexander III in Soviet and modern school history textbooks]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 3, pp. 75–82.
3. Gorelik F. B. *Vyyavleniye zakonornostey obshchestvennogo razvitiya v kursakh istorii* [Revealing patterns of social development in history courses]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 207 p.
4. Bokhanov A. N. *Imperator Aleksandr III* [Emperor Alexander III]. Moscow, ООО «Russkoye slovo – uchebnik» Publ., 2019. 562 p.
5. Tyukavkin V. G., Kornilov V. A., Ushakov A. V., Startsev V. I. *Istoriya SSSR, 1861–1917 gg.* [History of the USSR, 1861–1917]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 462 p.
6. Kovpak D. A. [The first Soviet textbook on the history of the USSR for universities in the assessments of Leningrad historians]. In: Krimskaia A. S., ed. *Stranitsy istorii: sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 65-letiyu so dnya rozhdeniya professora Grigoriya Alekseyevicha Tishkina* [Pages of History: a collection of scientific articles dedicated to the 65th anniversary of the birth of Professor Grigory Alekseevich Tishkin]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2008, pp. 267–288.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горлов Михаил Иванович – старший преподаватель кафедры методики обучения изобразительно-му и декоративному искусству Московского государственного областного университета;
e-mail: mgorlov@mail.ru

Мезенцева Юлия Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой методики обучения изобразительному и декоративному искусству Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-moidi@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail I. Gorlov – Senior Lecturer, Department of Teaching Methods of Fine and Decorative Arts, Moscow Region State University;
e-mail: mgorlov@mail.ru

Julia I. Mezentseva – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Departmentally Head, Department of Methods of Teaching Fine and Decorative Arts, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-moidi@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов М. И., Мезенцева Ю. И. Политика правительства Александра III в советских учебниках истории для высшей школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 115–120.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-115-120

FOR CITATION

Gorlov M. I., Mezentseva Yu. I. The policy of the government of Alexander III in soviet history textbooks for higher education. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 115–120.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-115-120

УДК 930:329(47+57)“20”

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-121-131

РУССКИЙ МОНАРХИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ: ТИПОЛОГИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Чернышов Б. А.*Государственная Дума Федерального собрания РФ**103265, г. Москва, Охотный ряд, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить основные модельные подходы к интерпретации идеологии и организационной практики русского монархизма начала XX в. Провести соотнесение выдвигаемых оценок монархического движения с идеологическими и философско-историческими парадигмами.

Процедура и методы. В исследовании применялась методика гуманитарного моделирования. На основе большого объёма историографических и историко-публицистических источников выделялись общие характеристики в осмыслении истории русского монархизма с позиций разных моделей. Осуществлялось соотнесение этих моделей с направлениями идеологического дискурса.

Результаты. Описано 5 историографических моделей представления идеологии и политической деятельности движения русского монархизма. Сделан вывод о возрастании запроса на обращения к идеям русских монархистов начала XX в., обнаруживается тенденция перехода от преимущественно негативного к позитивному освещению деятельности монархических организаций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Описание историографических моделей может послужить в качестве типологической карты для дальнейших исследований по проблематике истории русского монархизма. Результаты работы могут быть также востребованы при формировании новой идеологической повестки развития России.

Ключевые слова: русский монархизм, историография модель, черносотенцы, монархическое движение, самодержавие, политические партии, либеральный подход, марксистский подход, теория модернизации, цивилизационный подход, геополитика

RUSSIAN MONARCHISM AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY THROUGH THE PRISM OF IDEOLOGICAL APPROACHES: A TYPOLOGY OF HISTORIOGRAPHICAL MODELS

B. Chernyshov*State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation**Okhotny Ryad 1, Moscow 103265, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the main model approaches to the interpretation of the ideology and organizational practice of Russian monarchism at the beginning of the 20th century. To carry out a correlation of the put forward assessments of the monarchical movement with ideological and philosophical-historical paradigms.

Methodology. The study used the methodology of humanitarian modeling. On the basis of a wide range of historiographical and historical-journalistic sources, general characteristics were singled out in understanding the history of Russian monarchism from the standpoint of different models. Correlation of these models with the directions of ideological discourse was carried out.

Results. Five historiographic models for representing the ideology and political activity of the Russian monarchist movement were described. It is concluded that there is an increase in the demand for appeals to the ideas of Russian monarchists of the early 20th century, a tendency is found to move from a predominantly negative to a positive coverage of the activities of monarchist organizations.

Research implications. The description of historiographic models can serve as a typological map for further research on the problems of the history of Russian monarchism. The results of the work may also be in demand in the formation of a new ideological agenda for the development of Russia.

Keywords: Russian monarchism, historiography model, Black Hundreds, monarchist movement, autocracy, political parties, liberal approach, Marxist approach, modernization theory, civilizational approach, geopolitics

Введение

Проблема идеологического строительства в современной России всё более актуализируется на уровне общественного и властного дискурса. Можно говорить о том, что тенденция деидеологизации, которая сама соотносилась с идеологией западного либерализма, оказалась заменена тенденцией реидеологизации. Если понимать под идеологией систему общественно значимых идей и ценностей, то очевидно, что поиск нового идеологического фундамента российского государства активно ведётся и на уровне исполнительной, и на уровне законодательной власти. Поправки в Конституцию Российской Федерации, новая версия Стратегии национальной безопасности, Основы государственной культурной политики, федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», проект Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей – всё это указывает на вполне определённый вектор развития российского государства в обретении аксиологического цивилизационно-идентичного фундамента. Представление о необходимости объединяющей российское общество идеологии, судя по опросам, разделяется и подавляющим большинством народа.

Однако в отношении содержания этой идеологии существует расхождение подходов. Учитывая опыт XX столетия, когда в 1917 г. и 1991 г. новые российские власти принимали идеологию, основанную на представлениях об универсальности мирового развития, и негативные для страны последствия этого принятия, целесообразно ставить вопрос об идеологическом строительстве с опорой на цивилизационно-идентичные ценности России. С этой постановкой вопроса соотносятся и выдвинутые президентом Российской Федерации В. В. Путиным положения о России как государстве-цивилизации и о патриотизме в качестве национальной идеи¹. Соответствующие запросы актуализируют изучение тех направлений общественной мысли и политических течений, которые выдвигали сходные идеи в российском прошлом. И, очевидно, что особого внимания в исследованиях такого рода заслуживает направление русской монархической мысли начала XX столетия.

Русский монархизм представлял собой нереализованную сценарную альтернативу развития России с опорой на

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 20.01.2022); Путин рассказал о национальной идее России // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8438743> (дата обращения: 20.01.2022).

традиционные ценности. На это может поступить возражение, что монархия существовала в России до 1917 г. и не стала панацеей от катастрофы. Но речь в данном случае идёт не об институте монархии, как таковом, который может существовать в государствах с разной идеологией, а именно об идеологии монархизма. И исследовательский вызов заключается в том, насколько монархизм, сопряжённый с традиционной системой ценностей, был практически реализуем и перспективен для контекста XX в. Институт монархии был важным, но единственным положением идеологии русского монархизма, и её реконструкция, несмотря на имеющийся багаж исследований последних лет, ещё предстоит.

Важные шаги в осмыслении историографии монархического движения были уже сделаны. Но содержание задачи не представляется на настоящее время исчерпанной, особенно это касается классификации сформулированных в разные годы подходов в их соотношении с направлениями идеологического дискурса [6; 12; 14; 34; 36; 38; 39].

Особую сложность в изучении феномена русского монархизма начала XX в. придаёт различие внутри него разных групп и течений. Отсутствовала единая политическая партия, объединявшая силы монархического лагеря. Условно в монархисты зачисляются такие идеологические группы:

1. приверженцы православного понимания природы русской государственности, рефлексии вокруг триады православиe–самодержавие–народность;

2. сторонники консервативных устоев, адепты «старины» (по формуле «так истари повелось»);

3. русские националисты, сторонники этнократической версии национализма, связывающие угрозы для престола с деятельностью инородцев;

4. группы населения, исходящие из императива государственного служения, связываемого со служением государю;

5. сторонники имперского величия России, укрепления её внешнеполитического могущества, территориального расширения;

6. лоялисты, по факту поддерживающие действующую власть;

7. авторитаристы, сторонники сильной руки, связываемой с монархической формой правления;

8. часть дворянской аристократии, видящие в монархии основу сохранения сословной модели государственности;

9. часть буржуазии, связывающей с монархией протекционистскую политику и защиту от революции;

10. приверженцы народной монархии, видящие в царе защиту от произвола элиты (гапоновская версия монархизма);

11. эсхатологи, рассматривающие русскую монархию через проекцию эсхатологических ожиданий.

Осмысление феномена русского монархизма начала XX столетия осуществляется через преломление идеологической платформы. В историографии оно выражается в принятии за основу прямо или опосредованно той или иной версии понимания исторического процесса – философии истории. Представляется целесообразным проведение типологизации существующих в современной историографии и общественном дискурсе подходов во взглядах на русский монархизм.

Цель проводимого исследования в соответствии с обнаруживаемой актуальной повесткой заключается в классификации подходов к интерпретации истории русского монархического движения начала XX в. в историографии и общественно-политической мысли. Ключевым исследовательским методом выступает при этом метод гуманитарного моделирования. Сообразно с ним выделяются сущностные характеристики монархизма в ракурсе принятия различных идеологических и историко-философских парадигм. Гипотезой исследования выступает представление, что типология

подходов к истории русского монархизма начала XX в. определялась идеологическими парадигмами, формирующими авторские установки. При подтверждении гипотезы уместно было бы говорить, что история идеологии (идеологии русского монархизма, в частности) оказывалась в этом смысле продолжением партийных идеологий.

Либеральная модель

Либерализм, по опыту европейских стран, мог быть теоретически сочетаем с монархией, но с монархией конституционной. Русский монархизм был монархизмом самодержавным, а соответственно, компромисс с либеральным лагерем для него был исключён. Либеральная версия истории рассматривалась как путь человечества в направлении обретения свободы. Самодержавные традиции связывались в восприятии либералов с несвободой, а потому предполагалось, что они должны быть устранены: либо посредством реформ, либо посредством революции [24]. Непосредственно русский монархизм начала XX в. обвинялся в либеральной историографии в национализме [42; 43]. Слово «черносотенец», используемое в качестве ярлыка монархистов, было синонимично националисту. Особо подчёркивался антисемитизм черносотенцев, участие их в еврейских погромах [20; 40; 41]. Одной из популярных тем в рамках раскрытия антисемитской позиции черносотенцев являлась история распространения в черносотенной среде протоколов сионских мудрецов [19]. Утверждалось, что германский национал-социализм был в своём генезисе преемственен русскому монархическому национализму. Получалось, что Февральская революция будто бы блокировала развитие России по националистическому сценарию, по которому пойдёт несколько позже Германия [22].

В интерпретации идеологических и политических конфликтов авторы, придерживающиеся либерального взгляда

на историю, чаще всего давали оценки с позиций кадетской партии. Кадеты преподносили как герои, тогда как черносотенцы – как антигерои предреволюционной России. С симпатией либеральные авторы относятся также к представителям партии «Союз 17 октября». Между тем известно, что сами черносотенцы считали кадетов и октябристов врагами России, разрушителями российской государственности. Показательно, что репрессии против черносотенцев начались ещё до прихода к власти большевиков, при первом либеральном составе Временного правительства, о чём апологеты февральизма преимущественно умалчивают в своих публикациях.

Теория модернизация

Согласно теории модернизации русский монархизм представлял собой силы контрмодерна в России. Многочисленные монархические организации стояли, сообразно с этой версией исторического процесса, на пути модернизационного развития. Монархия и сословия являлись исторической архаикой и, соответственно, должны были быть сметены ходом истории. Противоречие повестки монархистов мейнстриму развития и определило их поражение [15; 37]. Черносотенцы, имевшие наибольшую численность в партийных структурах России, фактически никак не проявились в событиях 1917 г. Да и в событиях Гражданской войны в качестве самостоятельной силы монархисты организовать и выступить не смогли, хотя, вероятно, поддержка их среди народа была бы значительной. «Русская Вандея», которой опасался В. И. Ленин, так и не состоялась.

Теория модернизации положена в основу современной школьной версии истории – историко-культурного стандарта. Непосредственно оценки черносотенцев в нём не содержится, но в целом выдерживается линия, позволявшая считать монархистов сторонниками «консервативной стабилизации», тогда как

идеологию развития представляли другие политические партии¹.

Развитие, как известно, происходит далеко не всегда на разрыве с традициями, а зачастую и с опорой на них. Для объяснения моделей развития второго типа было введено понятие «консервативная модернизация», к которой, в частности, был отнесён опыт развития СССР. Однако в рамках сопряжённой с либеральным взглядом на историю теорией модернизации «консервативная модернизация», осуществляемая без освобождения человека-индивидуума, представляется как квазимодернизация [8].

Зачастую о разработке нереализованных моделей квазимодернизации говорится и применительно к монархическому лагерю общественной мысли. Значительный вклад в описание этих моделей внёс один из ведущих специалистов по исследованию истории русского монархического движения А. В. Репников [27; 28; 29; 30].

Марксистская модель

Марксистская версия осмысления исторического процесса выстраивалась на парадигме классового анализа истории идеологий и политических партий. В соответствии с ней главной задачей советской исторической науки в изучении русского монархизма являлось определение его классовой природы. Оно должно было подтверждаться оценками черносотенного движения В. И. Лениным, которых было достаточно дано им в произведениях разных лет. Так в статье «О черносотенстве», опубликованной в газете «Правда Труда» в сентябре 1913 г., лидер большевиков давал монархическому движению следующую характеристику: «Крайние правые – партия помещиков. Но ограничиться связями с одними помещиками они не могут. Им приходится прикрывать эту связь и делать вид, что

они защищают общенародные интересы, отстаивают «добрые старые» порядки «устойчивого» земледельческого быта. Приходится взывать к самым закоренелым предрассудкам самого захолустного мужика, играть на его темноте» [21, с. 18].

Сообразно с ленинскими оценками, советские историки видели в русском монархизме 2 основные классовые компоненты – дворянско-аристократическую и мелкобуржуазную [10; 18; 35]. Вторая компонента использовалась в пропагандистских целях, будучи запечатлена в образе черносотенца-лавочника. Многие классовые характеристики черносотенцев были перенесены в дальнейшем на фашистское движение в Европе.

Цивилизационная модель

Переосмысление российской истории с позиций цивилизационной теории приводило к переосмыслению многих явлений и фигур прошлого. Такому переосмыслению подлежала в т. ч. и история русского монархического движения. Черносотенцы реабилитировались как выразители цивилизационной идеи России, защитники российских традиционных ценностей [26; 36]. Появились публикации, открывающие читателям галерею мыслителей монархического направления [7; 9; 11; 31; 32]. Особую роль в начале процесса оправдания черносотенцев, снятия с них наиболее одиозных ярлыков сыграли работы писателя и историка В. В. Кожина [16; 17].

Отдельное место в анализе монархического движения через призму цивилизационного подхода занял вопрос о «просачивании» черносотенства в большевизм. Об этих тенденциях оппоненты большевиков заявляли ещё в 1917 г. [4; 5; 33]. Ряд авторов интерпретирует феномен сталинского национал-большевизма в качестве синтеза советской и монархической идеологии. И. В. Сталин в этом смысле оказывался не столько преемником К. Маркса и В. И. Ленина, сколько Ивана Грозного [1].

¹ Историко-культурный стандарт [Электронный ресурс]. URL: http://istorik-samara.ru/files/Istoriko-kulturnyj_standart.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

Модель религиозной историософии

Ещё в советское время имела место широкая дискуссия о природе русского самодержавия. Сталкивались позиции её трактовки как аналога европейского абсолютизма и аналога восточных деспотий. Ограниченность этими 2 позициями определялась фактом рассмотрения систем государственности через призму секулярной платформы. Между тем, самодержавие исторически формировалось как теократическая система, где на вершине пирамиды находился не просто монарх, а помазанник Божий. Соответственно, и русский монархизм был неотделим от православия и представлял собой религиозно-политическое движение.

Совершенно неверным оказывалось в рамках этого подхода преподносить русский монархизм в качестве варианта национализма. Будучи христианским, оно оказывалось наднациональным. Безусловно, среди черносотенцев были и националисты, но они находились в явном меньшинстве.

Православное царство мыслилось как государство-катехон, т. е. сила удерживающее мировое зло. Отсюда монархическое движение мыслилось как православное воинство, противостоящее наступающим силам зла. Свержение царя с последующим цареубийством рассматривается в этой версии не только в политическом, но и религиозном измерении [13; 23].

Этот подход во взгляде на русский монархизм получил распространение в церковных кругах и в консервативной публицистике. Определённым образом торпедует эту версию поддержка Русской православной церковью в 1917 г. Февральской революции и Временного правительства. Обстоятельства церковной политики разрыва с монархическим движением раскрываются, в частности, в трудах М. А. Бабкина [2; 3]. Но, вместе с тем, даже при признании факта отпада идеи государства-катехона от Церкви не может перечеркнуть религиозной модели

интерпретации истории монархизма, для которой он является лишь раскрытием масштабности падения.

Модель геополитической борьбы

Ещё Леопольд фон Ранке предлагал рассматривать мировую историю как историю борьбы государств. Позже для объяснения природы межгосударственных конфликтов были найдены основания в геополитике. Через призму борьбы государств рассматриваются в рамках данного подхода и идеологические направления внутри сообществ. Одни группы в этой логике работают на укрепление собственной государственности для достижения победы над врагом, другие, напротив, на его ослабление, и, соответственно, осознанно или неосознанно – на интересы противника.

Применительно к ландшафту политических партий Российской империи при применении этого подхода получалось, что были партии российскоцентричные и западноцентричные. И фактически все монархические партии стояли на российскоцентричной платформе, тогда как их оппоненты – либералы, социалисты, национал-сепаратисты – в большой геополитической игре оказывались полезны противникам России. Это размежевание проявилось во время революций 1905–1907 и 1917 гг., соотносимых с российскими военными поражениями. Борьба монархистов с революционными партиями оказывалась борьбой государственных и антигосударственных сил. Поражение монархизма явилось для России первой в XX столетии геополитической катастрофой [25].

Заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что выдвинутая гипотеза исследования подтвердилась: оценки деятельности русского монархического движения оказались в тесной связи с идеологическими и философско-историческими парадигмами авторов. В историографии

советского и первой фазы постсоветского периода доминировали негативные оценки русского монархического движения начала XX в. Они основывались на принятии методологии универсалистского взгляда на историю, в соответствии с которым русские монархисты как сторонники самобытности России определялись в качестве реакционеров. Использовались зачастую пасквильные образы «погромщиков», «лавочников», «мракобесов», «националистов», направленные на дезавуирование движения. Продолжение негативной линии трактовки русского монархизма обнаруживается в рамках развития теории модернизации.

В настоящее время всё более актуализируется запрос на позитивную повестку

освещения деятельности монархических организаций и раскрытия содержания идеологии монархизма. Появляется значительное количество научных и публицистических работ, раскрывающих неизвестные ранее аспекты истории русского монархизма, биографии и идей видных персоналий монархического лагеря. Такого рода запрос соотносится с процессом ресуверенизации России, восстановлением её цивилизационных потенциалов. Учитывая существующий вектор развития России и мира, можно прогнозировать, что запрос на обращение к идейному наследию русского монархизма начала XX в. будет только возрастать.

Дата поступления в редакцию 30.01.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 316 с.
2. Бабкин М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX века – конец 1917 г.). М.: Изд. Гос. публ. ист. б-ки России, 2007. 532 с.
3. Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX века – 1918 г.). Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. 920 с.
4. Багдасарян В. Э. Октябрь 1917-го. Русский проект. М.: Алгоритм, 2016. 222 с.
5. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Генезис советской системы: Революция как механизм цивилизационного воспроизводства // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 4 (2). С. 66–76.
6. Богоявленский Д. Д. Историография российского правомонархического движения в начале века: проблема терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 5. С. 7–12.
7. Богоявленский Д. Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа. Издательство МГОУ, 2012. 242 с.
8. Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 430 с.
9. Волгогонова О. Д. Константин Леонтьев. М.: Молодая гвардия, 2013. 453 с.
10. Залеский В. Н. Монархисты. Харьков: Пролетарий, 1929. 75 с.
11. Иванов А. А. Пламенный реакционер. Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.
12. Иерусалимский Ю. Ю., Кокорина Е. А. Историография черносотенно-монархического движения в 1905–1907 гг. // Вестник Московского государственного университета. Серия 8: История. М., 1994. № 3. С. 27–39.
13. Иоанн (Снычев). Самодержавие Духа. Очерки русского самосознания. М.: Царское дело, 1995. 352 с.
14. Карпухин Д. В. «Черная сотня»: Вехи осмысления в России. М.: МГОУ, 2009. 388 с.
15. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 472 с.
16. Кожин В. В. Правда «Чёрной сотни». М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 384 с.
17. Кожин В. В. Россия век XX. 1901–1939. М.: Алгоритм, 1999. 560 с.
18. Комин В. В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой октябрьской социалистической революции. М.: Московский рабочий, 1965. 644 с.

19. Кон Н. Благословение на геноцид: миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М.: Прогресс, 1990. 248 с.
20. Лакер У. Чёрная сотня: происхождение русского фашизма. М.: Текст, 1999. 432 с.
21. Ленин В. И. О черносотенстве // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 24. С. 18–19.
22. Люкс Л. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М.: Московский философский фонд, 2002. 304 с.
23. Острецов В. М. Черная сотня. Взгляд справа. М.: Русское слово, 1994. 231 с.
24. Павлов С. Б. 1905 год. Борьба крайне правых против учреждения полноправного парламента в России // Вестник Московского государственного университета. Серия 8: История. 1999. № 5. С. 21–33.
25. Платонов О. А. Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа. М.: Русская цивилизация, 2011. 1136 с.
26. Размолодин М. Л. Консервативная сущность черной сотни. Ярославль: Ньюанс, 2012. 388 с.
27. Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М.: СигналЪ, 1999. 161 с.
28. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 520 с.
29. Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.
30. Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М.: Готика, 2006. 424 с.
31. Репников А. В., Милевский О. А. Две жизни Льва Тихомирова. М.: Academia, 2011. 560 с.
32. Рыбас С. Ю. Василий Шульгин: судьба русского националиста. М.: Молодая гвардия, 2014. 543 с.
33. Сегал Д. «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее. Исторический альманах. 1991. № 3. С. 131–196.
34. Слесарев Ю. В. Советская историография черносотенного и правомонархического в России (с октября 1917 – до конца 80-х гг. XX века) // Актуальные проблемы исторической науки: межвузовский сб. науч. трудов молодых ученых. Вып. 1 / отв. ред. О. В. Ягов. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 2003. С. 347–352.
35. Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. 366 с.
36. Степанов С. А. Историография черносотенных союзов и организаций // Первая российская революция 1905–1907 годов. Обзор советской и зарубежной литературы. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С. 195–213.
37. Струков А. В. Причины слабости правых партий в России на примере «Союза Русского Народа» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 3. С. 78–84.
38. Фоченков А. А. Отечественная историография черносотенного движения в России // Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы IV межвузовской научно-практической конференции. Арзамас, 2000. С. 137–141.
39. Черемисский И. А. Историография правомонархических организаций (1905–1920 гг.) // Не proletарские партии России в годы буржуазно-демократических революций в период назревания социалистической революции : сб. статей. М.: Наука, 1982. С. 66–72.
40. Шукшина Т. А. Городские беспорядки октября 1905 года в России и формирование образа «черносотенца» // Научный поиск: мат-лы I научной конференции аспирантов и докторантов. Социально-гуманитарные и естественные науки. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. С. 164–167.
41. Шукшина Т. А. Культурные коды российского «черносотенства» октября 1905 года // Россия и кризис современной цивилизации : труды научно-специализированной конференции преподавателей вузов, учёных и специалистов. Челябинск: Полиграф-мастер, 2009. С. 96–102.
42. Янов А. Л. Патриотизм и национализм в России. 1825–1921. М.: Академкнига, 2002. 398 с.
43. Янов А. Л. Россия против России. 1825–1921: Очерки истории русского национализма. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1999. 368 с.

REFERENCES

1. Agurskiy M. S. *Ideologiya natsional-bolshevizma* [Ideology of National Bolshevism]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 316 p.
2. Babkin M. A. *Dukhovenstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi i sverzheniye monarkhii (nachalo XX veka – konets 1917 goda)* [Clergy of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the monarchy (beginning of the 20th century – end of 1917)]. Moscow, Publishing House of the State Public Historical Library of Russia, 2007. 532 p.
3. Babkin M. A. *Svyashchenstvo i Tsarstvo (Rossiya, nachalo XX veka – 1918 god). Issledovaniya i materialy* [Priesthood and Kingdom (Russia, beginning of the 20th century – 1918). Research and Materials]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 920 p.
4. Bagdasaryan V. E. *Oktyabr 1917-go. Russkiy proyekt* [October 1917. Russian project.]. Moscow, Algoritm Publ., 2016. 222 p.
5. Bagdasaryan V. E., Resnyanskiy S. I. [Genesis of the Soviet system: Revolution as a mechanism of civilizational reproduction]. In: *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Russian Christian Humanitarian Academy], 2021, vol. 22, no. 4 (2), pp. 66–76.
6. Bogoyavlenskiy D. D. [Historiography of the Russian's right-monarchist movement in the early twentieth century: the problem of terminology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2013, no. 5, pp. 7–12.
7. Bogoyavlenskiy D. D. *Problema liderstva v Soyuze russkogo naroda* [The problem of leadership in the Union of the Russian people]. MRSU Ed. off. Publ., 2012. 242 p.
8. Vishnevskiy A. G. *Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and rouble: Conservative modernization in the USSR]. M.: GU-VSHE Publ., 2010. 430 p.
9. Volkogonova O. D. *Konstantin Leontyev* [Konstantin Leontyev]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2013. 453 p.
10. Zalezhiy V. N. *Monarkhisty* [Monarchists]. Kharkov, Proletariy Publ., 1929. 75 p.
11. Ivanov A. A. *Plamennyy reaktivnyy. Vladimir Mitrofanovich Purishkevich* [Flame reactioner. Vladimir Mitrofanovich Purishkevich]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2020. 621 p.
12. Iyerusalimskiy Yu. Yu., Kokorina E. A. [Historiography of the black-hundred-monarchist movement in 1905–1907]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History], 1994, no. 3, pp. 27–39.
13. Ioann (Snychev). *Samoderzhaviye Dukha. Ocherki russkogo samosoznaniya* [Autocracy of the Spirit. Essays on Russian identity]. Moscow, Tsarskoye delo Publ., 1995. 352 p.
14. Karpukhin D. V. *«Chernaya sotnya»: Vekhi osmysleniya v Rossii* [«Black Hundred»: Milestones of comprehension in Russia]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2009. 388 p.
15. Kiryanov Yu. I. *Pravye partii v Rossii. 1911–1917* [Right-wing parties in Russia. 1911–1917]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 472 p.
16. Kozhinov V. V. *Pravda «Chornoy sotni»* [Truth of the “Black Hundred”]. Moscow, Algoritm Publ., Eksmo Publ., 2006. 384 p.
17. Kozhinov V. V. *Rossiya vek XX. 1901–1939* [Russia XX century. 1901–1939]. Moscow, Algoritm Publ., 1999. 560 p.
18. Komin V. V. *Bankrotstvo burzhuaiznykh i melkoburzhuaiznykh partiy Rossii v period podgotovki i pobedy Velikoy oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [The bankruptcy of the bourgeois and petty-bourgeois parties of Russia during the preparation and victory of the Great October Socialist Revolution]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1965. 644 p.
19. Kon N. *Blagosloveniye na genotsid: mifo vsemirnom zagovore yevreyev i «Protokolakh sionskikh mudretsov»* [Blessing for Genocide: the Myth of the Worldwide Jewish Conspiracy and the “Protocols of the Sages of Zion”]. Moscow, Progress Publ., 1990. 248 p.
20. Laker U. *Chornaya sotnya: proiskhozhdeniye russkogo fashizma* [Black Hundred: the Origin of Russian Fascism]. Moscow, Tekst Publ., 1999. 432 p.
21. Lenin V. I. [About blackness]. In: Lenin V. I. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 24* [Complete works. Vol. 24]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1973, pp. 18–19.

22. Lyuks L. *Tretiy Rim? Tretiy Reykh? Tretiy put? Istoricheskiye ocherki o Rossii, Germanii i Zapade* [Third Rome? Third Reich? Third way? Historical essays on Russia, Germany and the West]. Moscow, Moskovskii filosofskii fond Publ., 2002. 304 p.
23. Ostretsov V. M. *Chernaya sotnya. Vzgl'yad sprava* [Black hundred. Look from the right]. Moscow, Russkoye slovo Publ., 1994. 231 p.
24. Pavlov S. B. [1905. The struggle of the extreme right against the establishment of a full parliament in Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History], 1999, no. 5, pp. 21–33.
25. Platonov O. A. *Svyatyte chernosotentsy. Svyashchennyy Soyuz Russkogo Naroda* [Holy Black Hundred. The Holy Union of the Russian People]. Moscow, Russkaya tsivilizatsiya Publ., 2011. 1136 p.
26. Razmolodin M. L. *Konservativnaya sushchnost chernoy sotni* [The Conservative Essence of the Black Hundred]. Yaroslavl, Nyuans Publ., 2012. 388 p.
27. Repnikov A. V. *Konservativnaya kontseptsiya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Conservative concept of Russian statehood]. Moscow, Signal Publ., 1999. 161 p.
28. Repnikov A. V. *Konservativnyye kontseptsii pereustroystva Rossii* [Conservative redevelopment concepts of Russia]. Moscow, Academia Publ., 2007. 520 p.
29. Repnikov A. V. *Konservativnyye modeli rossiyskoy gosudarstvennosti* [Conservative models of Russian statehood]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014. 527 p.
30. Repnikov A. V. *Konservativnyye predstavleniya o pereustroystve Rossii (konets XIX – nachalo XX vekov)* [Conservative ideas about the restructuring of Russia (late 19th – early 20th centuries)]. Moscow, Gotika Publ., 2006. 424 p.
31. Repnikov A. V., Milevskiy O. A. *Dve zhizni L'va Tikhomirova* [Two lives of Lev Tikhomirov]. Moscow, Academia Publ., 2011. 560 p.
32. Rybas S. Yu. *Vasiliy Shulgin: sud'ba russkogo natsionalista* [Vasily Shulgin: the fate of the Russian nationalist]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014. 543 p.
33. Segal D. «Sumerki svobody»: o nekotorykh temakh russkoy yezhednevnoy pechati 1917–1918 gg. In: *Minuvsheye. Istoricheskiy almanakh* [Past. Historical Almanac], 1991, no. 3, pp. 131–196.
34. Slesarev Yu. V [Soviet historiography of the Black Hundred and Right Monarchic in Russia (from October 1917 – until the end of the 80s of the 20th century)]. In: Yagov O. V., ed. *Aktualnyye problemy istoricheskoy nauki: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh. Vip. 1* [Current problems of historical science: inter-university scientific. works of young scientists. Iss. 1]. Penza, Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinskij Publ., 2003, pp. 347–352.
35. Spirin L. M. *Krusheniye pomeschichikh i burzhuaznykh partiy v Rossii (nach. XX v. – 1920 g.)* [The collapse of landowner and bourgeois parties in Russia (early 20th century – 1920)]. Moscow, Mysl Publ., 1977. 366 p.
36. Stepanov S. A. [Historiography of Black Hundred Unions and Organizations]. In: *Pervaya rossiyskaya revolyutsiya 1905–1907 godov. Obzor sovetskoy i zarubezhnoy literatury* [The First Russian Revolution of 1905–1907. Review of Soviet and foreign literature]. Moscow, INION AN SSSR Publ., 1991, pp. 195–213.
37. Strukov A. V. [The reasons of weakness of right parties in Russia on an example of “The Union of Russian People”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2009, no. 3, pp. 78–84.
38. Fochenkova A. A. [Domestic historiography of the Black Hundred movement in Russia]. In: *Diskussionnyye voprosy rossiyskoy istorii: Materialy IV mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Discussion issues of Russian history: Materials of the IV inter-university scientific and practical conference.]. Arzamas, 2000, pp. 137–141.
39. Cheremisskiy I. A. [Historiography of right-wing monarchist organizations (1905–1920)]. In: *Ne proletarskiye partii Rossii v gody burzhuaizno-demokraticheskikh revolyutsiy v period nazrevaniya sotsialisticheskoy revolyutsii: sb. statey* [Non-proletarian parties of Russia during the years of bourgeois-democratic revolutions during the brewing of the socialist revolution: coll. articles]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 66–72.
40. Shukshina T. A. [City riots of October 1905 in Russia and the formation of the image of the «Black Hundred»]. In: *Nauchnyy poisk: materialy pervoy nauchnoy konferentsii aspirantov i doktorantov. Sotsialno-gumanitarnyye i yestestvennyye nauki* [Scientific search: materials of the 1st scientific conference

- of graduate students and doctoral students. Social, humanities and natural sciences]. Chelyabinsk, Izdatel'skii tsentr YuUrGU Publ., 2009, pp. 164–167.
41. Shukshina T. A. [Cultural codes of the Russian «blackness» of October 1905]. In: *Rossiia i krizis sovremennoy tsivilizatsii. Trudy nauchno-spetsializirovannoy konferentsii prepodavateley vuzov, uchenykh i spetsialistov* [Russia and the crisis of modern civilization: the works of a scientific and specialized conference of university teachers, scientists and specialists]. Chelyabinsk, Poligraf-master Publ., 2009, pp. 96–102.
42. Yanov A. L. *Patriotizm i natsionalizm v Rossii. 1825–1921* [Patriotism and nationalism in Russia. 1825–1921.]. Moscow, Akademkniga Publ., 2002. 398 p.
43. Yanov A. L. *Rossiia protiv Rossii. 1825–1921: Ocherki istorii russkogo natsionalizma* [Russia against Russia. 1825–1921: Essays on the history of Russian nationalism]. Novosibirsk, Sibirskiy Khronograf Publ., 1999. 368 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернышов Борис Александрович – кандидат технических наук, заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации;
e-mail: ba_chernyshov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris A. Chernyshov – Cand. Sci. (Engineering), Deputy Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation;
e-mail: ba_chernyshov@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чернышов Б. А. Русский монархизм начала XX века через призму идеологических подходов: типология историографических моделей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 121–131.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-121-131

FOR CITATION

Chernyshov B. A. Russian monarchism at the beginning of the 20th century through the prism of ideological approaches: a typology of historiographical models. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 121–131.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-121-131

УДК 930.23

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-132-141

СОВЕТСКАЯ НАГРАДНАЯ СИСТЕМА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Калинин Д. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Всесторонний обзор историографии по советской наградной системе.**Процедура и методы.** Сделан анализ различных видов фалеристических изданий (книг, статей, научных и иных работ, интернет-ресурсов) с опорой на принципы объективности и системности.**Результаты.** Дана классификация советской и постсоветской литературы о государственных наградах СССР, проведена её качественная оценка, сделаны выводы о степени информативности публикаций и трендах современных исследований.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Актуализирована информация об имеющейся историографии по советской наградной системе и степени изученности её отдельных аспектов.**Ключевые слова:** фалеристика, советская наградная система, историография, книги, диссертации, статьи, интернет-ресурсы

THE SOVIET AWARD SYSTEM: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

D. Kalinin*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. Comprehensive review of historiography on the Soviet award system.**Methodology.** The author analyzed various aspects of faleristic publications – books, articles, scientific and other works, internet resources, – based on the principles of objectivity and consistency.**Results.** The classification of Soviet and post-Soviet literature on state awards of the USSR is given, its qualitative assessment is made, conclusions are drawn about the degree of informative content of publications and trends in modern researches.**Research implications.** The author managed to update the information about the existing historiography of the Soviet award system and the degree of study of its individual aspects.**Keywords:** faleristics, Soviet award system, historiography, books, dissertations, articles, internet resources

Введение

Отечественные награды, тесно связанные с важнейшими событиями прошлого и личными судьбами миллионов людей, вызывают живой интерес у значительного числа современников, не ограничиваясь только профессиональными историками и коллекционерами. Отсюда следует важность изучения и популяризации знаков отличия разных исторических периодов как системы, а не просто разрозненных красивых предметов; раскрытия в ней для массового сознания смысла государственной поли-

тики, реализуемой на разных этапах. Однако, как показала практика, такому пониманию наград предшествует длительное накопление фактов, их осмысление и систематизация, выработка новых методов и подходов к изучению орденов, медалей и иных знаков отличия – предметов фалеристики, сравнительно новой исторической дисциплины.

Фалеристическая литература о наградах советского периода разнообразна по номенклатуре изданий, качеству проведённых исследований и включению различных источников, форме подачи материала. В учебных пособиях по фалеристике, вышедших в свет в первом десятилетии XXI в., советская историография обстоятельно освещена В. Г. Бурковым¹, а постсоветская – Ф. Н. Ивановым и И. В. Мининым². На текущий момент такой обзор нуждается в актуализации.

Предметом данного исследования явились книги, статьи, научные и иные работы о государственных наградах СССР и союзных республик; вне поля зрения остались издания о знаках отличия различных ведомств, отраслей и общественных организаций.

Советская историография

Советская наградная система преследовала 3 задачи: поощрение, стимулирование и воспитание граждан. Реализацию последней выполняли различные жанры массовой культуры, средства наглядной агитации и специализированная литература, рассчитанная на аудиторию разного возраста и рода занятий. Фалеристическая литература 1920–1950-х гг. ограничивалась юридическими, массово-политическими и справочными изданиями, публикациями о кавалерах отдельных знаков отличия. Все они являлись источником формирования массового

сознания людей, в той или иной степени носили пропагандистский характер и не преследовали цели научного анализа постепенно складывавшегося комплекса орденов, медалей, знаков, почётных званий, премий, грамот, наградного оружия и знамён. Публикации межвоенного и военного периодов приводили описания и изображения наград, полные тексты либо извлечения из официальных документов о них, главным образом критерии награждения, информацию о льготах и преимуществах, установленных кавалерам орденов и медалей. Однако они не описывали обстоятельства учреждения того или иного знака отличия, не объясняли изменения, происходившие на протяжении десятилетий в системе награждений. Учитывая сказанное, на наш взгляд, справочную литературу обозначенного времени, как и многочисленные публикации на страницах газет, ныне следует рассматривать среди прочих источников.

Лишь с середины 1960-х гг., когда в советской печати впервые появляется понятие «фалеристика», и отдельными исследователями открыто ставится вопрос о фалеристике как о специальной исторической дисциплине, самостоятельной по отношению к нумизматике³, отличной от неё по своим объекту и предмету изучения, начинают выходить научно-популярные статьи, а затем и книги о советских знаках отличия.

Расцвету интереса к наградам как явлению исторической действительности, очевидно, способствовали 2 фактора: начавшаяся ещё при Н. С. Хрущёве коммеморация памяти о Великой Отечественной войне и последовавшая уже в брежневский период череда широко отмечавшихся государственных юбилеев – 20-летие и 30-летие Победы, 50-е и 60-е годовщины Октябрьской Революции,

¹ Бурков В. Г. Фалеристика: учебное пособие. М.: РГГУ, 2000. С. 51–57.

² Иванов Ф. Н., Минин И. В. Наградная система Союза ССР: учеб. пособие. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. университет, 2010. С. 5–13.

³ Данная постановка вопроса впервые обозначена в следующих статьях: Шейн Р. В. Фалеристика – новая наука // Коллекционер Азербайджана. 1967. № 1. С. 14–15; Шейн Р. В. Фалеристика – сестра нумизматики // Декоративное искусство СССР. 1965. № 8. С. 48.

создания Вооружённых Сил и образования СССР, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Торжества сопровождались как учреждением новых орденов и медалей, так и массовыми награждениями прежними, появление которых тесным образом было связано с ключевыми событиями советской истории. В этой связи во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. появилось немало статей и заметок об отдельных наградах, приуроченных к круглым датам с момента их учреждения главным образом в таких периодических изданиях как «Военно-исторический журнал» и «Вопросы истории».

Параллельно широкое распространение получили публикации, биографические справочники и словари о Героях Советского Союза и Социалистического Труда, сборники очерков о кавалерах ордена Славы и других уважаемых орденов, лауреатах Ленинской и Государственной премий. Указанные издания, повествующие о практике награждений, статьи о знаках отличия, а также данные наградной статистики¹ побудили к началу научного исследования сложившейся к тому времени системы советских наград как источника, легли в основу первых собственно фалеристических работ об орденах и медалях СССР.

С середины 1970-х гг. выходят обобщающие научно-популярные издания, среди которых наибольший интерес представляют книга Г. А. Колесникова и А. М. Рожкова «Ордена и медали СССР» [20], работы В. Н. Ильинского «Геральдика трудовой славы» [19] (первая попытка осмысления знаков отличия в труде как системы) и В. А. Дурова [15]. Данные труды задали определённый стандарт

для последующих подобных публикаций описательного характера: основное внимание было обращено на ключевые факты из истории учреждения наград, описанию их внешнего вида, выдержкам из статуты и положений, перечислению первых кавалеров орденов и медалей, наиболее показательных примеров из практики награждения, приведению общего количества награждённых.

Особо следует отметить выпуск в 1960–1980-е гг. книг о наградах и награждённых, рассчитанных на детскую аудиторию и молодёжь допризывного возраста. Издания выполняли 2 задачи: патриотическое воспитание и начальную подготовку учащихся к военной службе через приобщение к символам воинской доблести, армейским традициям и ритуалам, заметное место среди которых отводилось индивидуальным и коллективным наградам.

Популяризация советской наградной системы в 1980-е гг. производилась в свете нового «Общего положения об орденах, медалях и почётных званиях СССР», утверждённого в 1979 г. Было выпущено несколько альбомов и иллюстрированных справочников, внутренняя структура которых повторяла классификацию знаков отличия в указанном документе по видам поощряемой деятельности и характеру заслуг, за которые производились награждения. Основной целью изданий тех лет являлось повышение в общественном сознании роли моральных стимулов в решении стоящих перед государством крупномасштабных задач; этой теме посвящались и отдельные научные статьи.

Очередная волна публикаций пришла на 1987 г., в котором широко отмечалось 70-летие Октябрьской Революции; книжные издания имели задачу воспитания у читателей патриотизма, интернационализма, коммунистического отношения к труду, укрепления чувства уверенности в особой исторической роли партии и преимуществах социализма, поэтому ограничивались изложением общих сведений о наградах.

¹ Награды Родины – лучшим: Сборник статистических данных о награждении орденами и медалями СССР, Почётной грамотой Президиума Верховного Совета ГССР и присвоении почётных званий СССР и ГССР / сост.-ред. Э. С. Зенаишвили. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1981. 69 с.; Сборник статистических данных о награждении орденами и медалями СССР за 50 лет. М., 1968. 79 с.; Страна Советов за 50 лет : сб. стат. мат.-ов. М.: Статистика, 1967. 351 с.

В это время на фоне роста настроений суверенизации национальных окраин отмечается интерес к республиканским орденам, награждение которыми было прекращено в 1933 г., а также к наградам императорской России, в предыдущие годы являвшимся табуированной темой для официальной периодики. Теперь же в условиях гласности о них пишутся серии статей в «Военно-историческом журнале» и «Советском коллекционере», при этом статьи об орденах и медалях СССР практически перестали публиковаться.

Научные работы начинают появляться с конца 1970-х гг. В первую очередь, это кандидатская диссертация В. Г. Буркова [5], посвящённая теоретическим основам научной фалеристики, освещающая советскую наградную систему на всех этапах её бытования с источниковедческой точки зрения. Кроме того, защищены диссертация С. Д. Мякушева [24] о практике награждения советскими орденами республиканского этапа формирования наградной системы (до 1933 г.), в которой подробно рассматриваются законодательные источники, наградные акты и иные документы, делопроизводственные материалы, а также органы власти, ведавшие наградным процессом; и диссертация В. В. Верёвкина [6], посвящённая общесоюзным орденам и медалям, республиканским наградам, ведомственным и общественным знакам отличия за трудовые достижения, учреждённым в довоенный период, их эмблематике. В годы перестройки была защищена диссертация В. А. Гринчишина [11], подробно анализирувавшая ряд важных на тот момент аспектов: союзное и местное наградное законодательство, систему и компетенцию государственных органов, трудовых коллективов и общественных организаций, осуществляющих наградную деятельность, а также вопросы совершенствования правового регулирования процесса награждения и предоставления льгот и преимуществ награждённым.

Подводя черту под рассмотрением советской историографии, весь комплекс фалеристических изданий и публикаций можно сгруппировать по следующим видам:

1. литература о наградах: обобщающие работы об орденах, медалях, высших и почётных званиях; обзорные издания о наградах дореволюционного и советского периодов; книги для детской и молодёжной аудитории;
2. каталоги знаков отличия, находящихся в музейных собраниях¹;
3. биографические справочники, словари и сборники о награждённых;
4. научные и научно-популярные статьи в исторических, правоведческих и журналах для коллекционеров (разделы по фалеристике и нумизматике);
5. статьи в словарях и энциклопедических изданиях;
6. учебные пособия: по начальной военной подготовке², по вспомогательным (специальным) историческим дисциплинам³ и фалеристике в частности⁴;
7. диссертационные исследования.

Отметим, что книги с упоминанием о наградах и награждениях, главным образом мемуары, являются источниками личного происхождения. К числу источников нами отнесены и поэтому не рас-

¹ Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков / сост. Е. Н. Шевелева. Л.: АИМ, 1962. 352 с.; Наградная медаль СССР: Каталог коллекции Центрального музея Революции СССР / сост. Р. И. Гуревич, С. В. Киницкая. М., 1984. 194 с.; Награды Родины. Ордена и медали СССР. Каталог коллекции Центрального музея Вооружённых Сил СССР / авт.-сост. В. А. Богданович, И. П. Головенко. М., 1981. 374 с.; Родина награждает отважных / сост. В. А. Богданович, И. П. Головенко. М.: ЦМВС СССР, 1982. 64 с.; Советские ордена и орденские документы из собрания Центрального музея Революции СССР: Каталог / сост. С. В. Киницкая. М., 1984. 225 с.

² Учебное пособие по начальной военной подготовке / под. ред. А. И. Одинова. М.: Воениздат, 1975. С. 132–135.

³ Вспомогательные исторические дисциплины: историография и теория / Ю. Ю. Кондуфор, А. В. Санцевич, В. В. Румянцева и др. Киев: Наукова думка, 1988. 280 с.

⁴ Бурков В. Г. Фалеристика: учеб. пос. Л.: ЛГУ, 1985. 58 с.

смаатриваются в историографическом аспекте близкие по содержанию к юридическим изданиям справочники о наградах 1920–1950-х гг., работы по наградной статистике (при этом историко-статистические издания о Героях Советского Союза и Социалистического Труда¹ допустимо рассматривать одновременно и в качестве биографических справочников о награждённых), списки орденосцев².

Что касается качественной оценки советских фалеристических изданий, необходимо учесть, что во время их создания имелись объективные трудности при изучении наградных документов, отдельных засекреченных либо не подлежавших опубликованию законодательных актов, вследствие чего не представлялось возможным отражение полной картины истории наград. Никто и не ставил задачу исследования наградной системы СССР в период её формирования и функционирования, не прослеживал тенденций в развитии системы наград и поощрений. По идеологическим причинам оказались не изучены такие аспекты, как наградная дипломатия, меры поощрения и стимулирования военнослужащих и партизан за достижение количественных показателей в боевой деятельности в годы Великой Отечественной войны, а также гражданских лиц за трудовые успехи в первые послевоенные годы, формирование привилегированных социальных категорий из числа награждённых, неутверждённые проекты знаков отличия. Адресованная массовому читателю литература в большинстве своём носила характер описательных популярных работ, к тому же не свободных от фактических погрешно-

стей, была пронизана идеологическими клише, избавление от которых наряду с расширением проблематики исследований и привлекаемых источников произошло только в постсоветских условиях.

Современная историография

После 1991 г. начинается современный этап развития фалеристической литературы. Его характерной чертой является возросшее внимание к ставшим доступными для исследователей источникам: ранее не публиковавшимся документам, материалам архивов, музеев и предприятий Гознака, изготавливавших награды и сопутствующие им документы. Авторы и читатели получили возможность удовлетворить интерес к ранее закрытым темам: процессу разработки и производства наград, нереализованным проектам орденов и медалей.

На постсоветском пространстве изданы работы, в которых реконструированы попытки разработки республиканских государственных наград и сопротивление этому центральной власти [25; 29; 30]. Важным достижением снятия идеологических ограничений явилась возможность издавать книги, в которых сравниваются и анализируются наградные системы противоборствующих сторон в годы революции и Гражданской войны в России, Второй мировой войны. Получило развитие направление специальных исследований о лицах, лишённых высших званий СССР, выход в свет которых был невозможным до начала 1990-х.

Появляются новые книги В. А. Дурова [13; 14], труды по республиканским орденам А. Н. Куценко и Ю. Д. Смирнова [22] и Н. Н. Стрекалова и И. Н. Сысолятина [27]. Приметой времени стали издания, посвящённые отдельным видам наград [8; 21], конкретным орденам [12; 16; 17], медалям [10; 23], премиям [3], наградным документам [2]. В отдельный сектор фалеристических работ оформились многочисленные каталоги разновидностей знаков отличия, включая ориентированные

¹ Герои Советского Союза: Историко-статистический очерк / под ред. И. Н. Шкадова. М.: Воениздат, 1984. 288 с.; Герои Социалистического Труда. М.: Известия, 1988. 215 с.

² Красные герои. Список участников Гражданской войны, награждённых орденом «Красное Знамя». Вып. 1-4. Пг.: Изд. Упр. по комсоставу Всерос. Главного штаба, 1920. 171 с.; Сборник лиц, награждённых орденом Красного Знамени и Почётным революционным оружием. М.: Воениздат, 1926. 303 с.

на ценообразование предметов коллекционирования¹.

Одновременно продолжается выпуск трудов описательного характера, аналогичных изданиям советского периода, а также биографических справочников о награждённых (особой популярностью у авторов пользуется тема о кавалерах ордена «Победа»).

С середины 2000-х гг. появляются первые монографии, в которых сделана попытка комплексного рассмотрения советской наградной системы, её достоинств и недостатков. В первую очередь, следует отметить единственное на данный момент полноценное обобщающее исследование П. В. Ахманаева «Советская наградная система» [1], раскрывающее широкий спектр вопросов, связанных с наградной практикой в СССР, и вводящее в научный оборот большое количество материалов, некоторые из которых были рассекречены по запросу автора. Также заслуживают внимания работа О. С. Смылова [26], упомянутое выше учебное пособие Ф. Н. Иванова и И. В. Минина, монография В. А. Винокурова [7], включающая главы о наградных системах РСФСР и СССР.

В современной России защищены докторская диссертация В. Г. Буркова [4], посвящённая историографии об отечественных знаках отличия разных исторических периодов, диссертации С. А. Иванова [18] и Д. В. Шуныкова [28] о награждениях военнослужащих Красной Армии в довоенный и военный периоды. Работа А. И. Гончарова [9] исследует современную наградную систему, но также затрагивает предыдущие исторические периоды – имперский и советский: по ряду рассматриваемых автором аспектов проводится сравнительный анализ наградных систем

каждого из них. Советские награды также являются предметом рассмотрения в диссертациях юридического, социологического и философского направлений.

Наиболее интересные и содержательные статьи с привлечением ранее не рассматривавшихся источников публикуются в журналах «Петербургский коллекционер», «Старый Цейхгауз» (до 2008 г. – «Цейхгауз»), «Нумизматика и фалеристика», «Кавалеръ», «Родина» и др. К сожалению, большинство газетных и журнальных публикаций по-прежнему придерживаются в своём содержании советского описательного формата, пусть и без идеологической нагрузки.

Итак, к рассмотренным нами видам фалеристических изданий советского времени на современном этапе добавились:

1. обзорные издания о наградах, бытовавших в рамках определённого события, и о существовавших в разные периоды истории государства;
2. книги и периодические серийные издания², посвящённые отдельным знакам отличия;
3. каталоги разновидностей знаков отличия, составленные коллекционерами, в т. ч. на основе частных собраний³;
4. справочники-определители кавалеров наград по их номерам;
5. статьи в интернете⁴;

² Напр.: Левин С. С. АиФ-коллекция. Серия: Ордена СССР. 2013–2015 (36 выпусков).

³ Напр.: Латыш В. В. Ордена, медали и знаки СССР: каталог коллекции. М.: Onebook.ru, 2019. 272 с.

⁴ Артамонов С., Айрапетян Б. К 70-летию учреждения ордена «Победа» // Министерство обороны Российской Федерации : [сайт]. URL: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11865371@cmsArticle (дата обращения: 11.05.2021); Брошеван В. К истории вопроса об учреждении в Украинской ССР боевых наград в годы Великой Отечественной войны // Military Крым : [сайт]. URL: <http://mil.sevhome.ru/voenistor/crimwow/nagrody4144/v-broshevan-simferopol-k-istorii-voprosa-ob-uchrezhdenii-v-ukrainskoj-ssr-boevyh-nagrad-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/> (дата обращения: 11.05.2021); Гирченко Ю. В. Проект медали «За освобождение Советской Украины» // ArtOfWar : [сайт]. URL: http://artofwar.ru/g/girchenko_j_w/text_0262.shtml (дата обращения: 11.05.2021).

¹ Согласно ст. 324 УК РФ запрещены незаконные приобретение или сбыт государственных наград СССР и РСФСР и документов к ним. В 2007 г. Россызьюохранкультура выпустила для коллекционеров наград и участников антикварного рынка следующее издание: Каталог орденов, медалей и нагрудных знаков, находящихся в розыске. Ч. 3. М.: Духовная Нива, 2007. 200 с.

6. интернет-сайты, посвящённые комплексу государственных наград СССР¹, отдельным знакам отличия², награждённым³.

Заключение

К настоящему времени отечественная фалеристическая литература в целом уже прошла этап накопления фактологии и перешла к обобщению имеющихся сведений. Главным трендом в этом направлении является отход от описательного рассмотрения наград и законодательства о них к анализу на-

градной системы, её достоинств и недостатков, поощрительной практики и её соответствия направлениям внутривнутриполитического курса, главным образом в аспекте социальной политики. Современные исследователи стали не только воспринимать награды как комплекс, но и чаще обращаться к ранее закрытым проблемным вопросам, а также внимательно изучать знаки отличия и сопутствующие документы, их разновидности и технику изготовления.

Дата поступления в редакцию 03.06.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманаев П. В. Советская наградная система. М.: Русские витязи, 2014. 559 с.
2. Ахманаев П. В. Советские дипломы, грамоты и аттестаты. М.: Русские витязи, 2019. 231 с.
3. Ахманаев П. В. Сталинские премии. М.: Русские витязи, 2016. 275 с.
4. Бурков В. Г. Историографические аспекты отечественных фалеронимов и фалеристики (1710–1993 гг.) : дис. ... док. ист. наук. М., 1995. 368 с.
5. Бурков В. Г. Отечественные наградные знаки отличия и их документация как исторический источник и предмет фалеристики : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. 277 с.
6. Верёвкин В. В. Награды за трудовые достижения в СССР, история учреждения орденов, медалей и знаков отличия и их значение как исторического источника: 1920 – июнь 1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1982. 290 с.
7. Винокуров В. А. Система государственных наград Российской Федерации: история, современность и перспективы развития. М.: РАНХиГС, 2012. 243 с.
8. Володин А. Н., Мерлай Н. М. Медали СССР. СПб.: Печатный Двор, 1997. 300 с.
9. Гончаров А. И. Наградная система Российской Федерации. М.: Посев, 2010. 254 с.
10. Григорьев В. С. За оборону Ленинграда. История медали. СПб.: Лист, 1993. 79 с.
11. Гринчишин В. А. Совершенствование правового регулирования государственного награждения : дис. ... канд. юр. наук. Киев, 1990. 168 с.
12. Деревянко О. Л., Дуров В. А. Орден «Знак Почёта». Орден Почёта. История. Награждения. М.: Русские витязи, 2020. 232 с.
13. Дуров В. А. Награды Великой Отечественной. М.: Русская книга, 1993. 134 с.
14. Дуров В. А. Отечественные награды 1918–1991. М.: Просвещение, 2005. 255 с.
15. Дуров В. А. Русские и советские боевые награды. М.: Внешторгиздат, 1989. 103 с.
16. Дуров В. А., Павликов А. А. Советские флотоводческие ордена: Орден Ушакова. Орден Нахимова. М.: Звезда и Крест, 2005. 141 с.
17. Дуров В. А., Стрекалов Н. Н. Орден Красного Знамени. М.: Collector's Books, 2006. 223 с.
18. Иванов С. А. Развитие системы награждений орденами и медалями военнослужащих Красной Армии (1918–1945) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 254 с.
19. Ильинский В. Н. Геральдика трудовой славы. М.: Политиздат, 1979. 150 с.

¹ Ордена и медали СССР : [сайт]. URL: <http://www.mondvor.narod.ru> (дата обращения: 11.05.2021).

² Значки «Ударнику Сталинского призыва» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vk-badges.narod.ru> (дата обращения: 11.05.2021); Нагрудные знаки для отличившихся работников железнодорожного транспорта (1943–1957) [Электронный ресурс]. URL: <http://nkps-mps.ru> (дата обращения: 11.05.2021); Сайт об орденах Отечественной войны 2-й степени, выпускавшихся Московским заводом «Платиноприбор» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vk-pw2-mzpp.narod.ru> (дата обращения: 11.05.2021); Сайт об орденах Отечественной войны «юбилейного» выпуска 1984–1991 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vk-pw-1985.narod.ru> (дата обращения: 11.05.2021).

³ Герои страны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.warheroes.ru> (дата обращения: 11.05.2021).

20. Колесников Г. А., Рожков А. М. Ордена и медали СССР. М.: Воениздат, 1974. 269 с.
21. Куценко А. Н. Ордена СССР. Донецк: Аспект, 1994. 300 с.
22. Куценко А. Н., Смирнов Ю. Д. Ордена Советских республик. Донецк: Аспект, 1996. 400 с.
23. Материкин А. В. Медаль «За оборону Сталинграда»: история учреждения и награждения. Волгоград: Панорама, 2008. 319 с.
24. Мякушев С. Д. Материалы награждений советскими орденами в 1921–1933 гг. как исторический источник : дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 202 с.
25. Подлипский А. М. Первый орден Беларуси. Витебск: Витебская областная типография, 2016. 103 с.
26. Смыслов О. С. История советских наград. 1918–1991. М.: Вече, 2007. 396 с.
27. Стрекалов Н. Н., Сысолятин И. Н. Награды советских республик. М.: Collector's Books, 2012. 640 с.
28. Шуняков Д. В. Наградная система СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. 204 с.
29. Воронін В. М. Люди, держава, нагороди... Нагородна система України ХХ–ХХІ століть: виникнення та розвиток в умовах політичних і соціально-економічних трансформацій держави і суспільства. Харків: Фоліо, 2013. 320 с.
30. Табачник Д., Бузало В., Воронін В. та ін. Українська фалеристика: 3 історії нагородної спадщини. Кн. 1. К.: Либідь, 2004. 480 с.

REFERENCES

1. Akhmanaev P. V. *Sovetskaya nagradnaya sistema* [Soviet award system]. Moscow, Russkie vityazi Publ., 2014. 559 p.
2. Akhmanaev P. V. *Sovetskiye diplomy, gramoty i attestaty* [Soviet diplomas, certificates and qualifications]. Moscow, Russkie vityazi Publ., 2019. 231 p.
3. Akhmanaev P. V. *Stalinskiye premii* [Stalin Prizes]. Moscow, Russkie vityazi Publ., 2016. 275 p.
4. Burkov V. G. *Istoriograficheskiye aspekty otechestvennykh faleronomov i faleristiki (1710–1993 gg.) : dis. ... dok. ist. nauk* [Historiographic aspects of domestic phaleronyms and phaleristics (1710–1993): Dr. Sci. thesis in Historical Sciences]. Moscow, 1995. 368 p.
5. Burkov V. G. *Otechestvennyye nagradnyye znaki otlichiya i ikh dokumentatsiya kak istoricheskiy istochnik i predmet faleristiki : dis. ... kand. ist. nauk* [Domestic award insignia and their documentation as a historical source and subject of phaleristics: Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Leningrad, 1979. 277 p.
6. Verevkin V. V. *Nagrody za trudovyye dostizheniya v SSSR, istoriya uchrezhdeniy ordenov, medaley i znakov otlichiya i ikh znachenie kak istoricheskogo istochnika: 1920 – iyun 1941 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Awards for labor achievements in the USSR, the history of the institutions of orders, medals and insignia and their significance as a historical source: 1920 – June 1941 : Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Kyiv, 1982. 290 p.
7. Vinokurov V. A. *Sistema gosudarstvennykh nagrad Rossiyskoy Federatsii: istoriya, sovremennost i perspektivy razvitiya* [System of state awards of the Russian Federation: history, modernity and development prospects]. Moscow, RANEP Publ., 2012. 243 p.
8. Volodin A. N., Merlai N. M. *Medali SSSR* [USSR medals]. St. Petersburg, Pechatnyi Dvor Publ., 1997. 300 p.
9. Goncharov A. I. *Nagradnaya sistema Rossiyskoy Federatsii* [The award system of the Russian Federation]. Moscow, Posev Publ., 2010. 254 p.
10. Grigorev V. S. *Za oboronu Leningrada. Istoriya medali* [For the defense of Leningrad. History of the medal]. St. Petersburg, List Publ., 1993. 79 p.
11. Grinchishin V. A. *Sovershenstvovaniye pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo nagrazhdeniya : dis. ... kand. yur. nauk* [Improving the legal regulation of state awards : Cand. Sci. thesis in Legal Sciences]. Kyiv, 1990. 168 p.
12. Derevyanko O. L., Durov V. A. *Orden «Znak Pochota». Orden Pochota. Istoriya. Nagrazhdeniya* [Orden «Znak Pochota». Orden Pochota. History. Awards.]. Moscow, Russkie vityazi Publ., 2020. 232 p.
13. Durov V. A. *Nagrody Velikoi Otechestvennoi* [Great Patriotic awards]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993. 134 p.

14. Durov V. A. *Otechestvennyye nagrody 1918–1991* [Domestic awards 1918–1991]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2005. 255 p.
15. Durov V. A. *Russkiye i sovetskiye boyevyye nagrody* [Russian and Soviet military awards]. Moscow, Vneshtorgizdat Publ., 1989. 103 p.
16. Durov V. A., Pavlikov A. A. *Sovetskiye flotovodcheskiye ordena: Orden Ushakova. Orden Nakhimova* [Soviet naval orders: Order of Ushakov. Order of Nakhimov]. Moscow, Zvezda i Krest Publ., 2005. 141 p.
17. Durov V. A., Strekalov N. N. *Orden Krasnogo Znameni* [Order of the Red Banner]. Moscow, Collector's Books Publ., 2006. 223 p.
18. Ivanov S. A. *Razvitiye sistemy nagrazhdeniy ordenami i medalyami voyennosluzhashchikh Krasnoy Armii (1918–1945): dis. ... kand. ist. nauk* [Development of the system of awarding orders and medals to the Red Army servicemen (1918–1945): Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Moscow, 2009. 254 p.
19. Ilinskiy V. N. *Geraldika trudovoy slavy* [Heraldry of labor glory]. Moscow, Politizdat Publ., 1979. 150 p.
20. Kolesnikov G. A., Rozhkov A. M. *Ordena i medali SSSR* [Orders and medals of the USSR]. Moscow, Voenizdat Publ., 1974. 269 p.
21. Kutsenko A. N. *Ordena SSSR* [Orders of the USSR]. Donetsk, Aspekt Publ., 1994. 300 p.
22. Kutsenko A. N., Smirnov Yu. D. *Ordena Sovetskikh respublik* [Orders of the Soviet Republics]. Donetsk, Aspekt Publ., 1996. 400 p.
23. Materikin A. V. *Medal «За оборону Сталинграда»: istoriya uchrezhdeniya i nagrazhdeniya* [Medal «For the Defense of Stalingrad»: history of establishment and awarding]. Volgograd, Panorama Publ., 2008. 319 p.
24. Myakushev S. D. *Materialy nagrazhdeny sovetskimi ordenami v 1921–1933 gg. kak istoricheskiy istochnik: dis. ... kand. ist. nauk* [Materials of of Soviet orders awards in 1921–1933. as a historical source: Cand. Sci. thesis in Historical Sciences.]. Moscow, 1985. 202 p.
25. Podlipskiy A. M. *Pervyy orden Belarusi* [The First Order of Belarus]. Vitebsk, Vitebskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2016. 103 p.
26. Smyslov O. S. *Istoriya sovetskikh nagrad. 1918–1991* [History of Soviet awards. 1918–1991]. Moscow, Veche Publ., 2007. 396 p.
27. Strekalov N. N., Sysolyatin I. N. *Nagrody sovetskikh respublik* [Awards of the Soviet republics]. Moscow, Collector's Books Publ., 2012. 640 p.
28. Shunyakov D. V. *Nagradnaya sistema SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Award system of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945): Cand. Sci. thesis in Historical Sciences]. Ekaterinburg, 2018. 204 p.
29. Voronin V. M. *Lyudi, gosudarstvo, nagrody... Nagradnaya sistema Ukrainy XX–XXI vv.: vzniknoveniye i razvitiye v usloviyakh politicheskikh i sotsialno-ekonomicheskikh preobrazovaniy gosudarstva i obshchestva* [People, state, hedges... Neighborhood system of Ukraine in the 20th–21st century: the culmination of the development in the minds of political and socio-economic transformations of the government and the state]. Kharkov, Folio Publ., 2013. 320 p.
30. Tabachnik D., Buzalo V., Voronin V., et al. *Ukrainskaya faleristika: 3 istorii nagradnogo naslediya. Kn. 1* [Ukrainian faleristics: 3 histories of the suburbs. Book 1]. K., Libid Publ., 2004. 480 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калинин Денис Александрович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: dens-arts@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis A. Kalinin – Postgraduate Student, Department of Contemporary Russian History, Moscow Region State University;
e-mail: dens-arts@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Калинин Д. А. Советская наградная система: историографический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 132–141.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-132-141

FOR CITATION

Kalinin D. A. The Soviet award system: historiographical aspect. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 132–141.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-132-141

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-142-156

ВЕХИ ЭВОЛЮЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1985–2022 ГГ.)

Чуев С. В.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49/2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Историко-политологический анализ функционирования представительных органов власти в одном из крупнейших субъектов Российской Федерации – Ростовской области в период с начала перестроечных преобразований до настоящего времени (1985–2022 гг.). В рассматриваемом 37-летнем историческом диапазоне выделяется ряд этапов, в рамках которых происходили существенные политические изменения: кадрового характера и в вопросах деятельности регионального парламента.

Процедура и методы. Проанализирован широкий спектр исторических и политологических источников, характеризующих динамику развития и порядок функционирования регионального парламента. В работе применялись методы компаративистики и ретроспективного анализа, а также институциональный подход.

Результаты. На основе проведённого исследования было выделено 6 этапов функционирования донского парламента. Представительный орган (областной Совет народных депутатов, Законодательное Собрание Ростовской области) дифференцированно реализовывал в своей деятельности свойственные парламентским структурам функции (представительскую, контрольную, законодательную деятельность, кадровую и руководящую), занимал как ключевую, так и несамостоятельную роли в региональной политической системе, формировался посредством видоизменяющихся в зависимости от установленных законодательством выборных моделей. В ходе исследования были определены место и роль партийного участия в депутатском корпусе представительного органа власти в Ростовской области, дана развернутая характеристика состава регионального органа власти различных депутатских созывов, прослеживается динамика изменения представительства женщин и молодёжи в рядах парламентариев.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование впервые анализирует порядок функционирования представительного регионального органа власти в указанном историческом диапазоне. Сделанные выводы позволяют определить контуры дальнейшей эволюции и совершенствования деятельности регионального парламента Ростовской области.

Ключевые слова: Ростовская область, регион, региональный парламента, исполнительная власть, депутат

MILESTONES IN THE EVOLUTION OF REGIONAL REPRESENTATIVE GOVERNMENT IN THE ROSTOV REGION (1985–2022)

S. Chuev

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky prosp. 49/2, Moscow 125167, Russian Federation*

Abstract

Aim. The article aims at conducting historical and political analysis of the functioning of representative authorities in one of the largest constituent entities of the Russian Federation – the Rostov Region from the beginning of perestroika to the present (1985–2022). In the 37-year historical range under consideration, a number of stages is distinguished, within the framework of which significant political changes took place: both personnel and in the activities of the regional parliament.

Methodology. A wide range of historical and political sources characterizing the dynamics of development and the functioning of the regional parliament was analyzed. The work applied comparative and retrospective analysis methods, as well as an institutional approach.

Results. On the basis of the conducted research, several stages of the functioning of the Don parliament were determined. The representative body (the Regional Council of People's Deputies, the Legislative Assembly of the Rostov region) differentially implemented in its activities the functions peculiar to parliamentary structures (representative, control, legislative activity, personnel and leadership), occupied both key and dependent roles in the regional political system, was formed by means of electoral models modified depending on the established legislative models. In the course of the study, the place and role of party participation in the deputy corps of the representative authority in the Rostov region were determined, a detailed description of the composition of the regional authority of various deputy convocations was given, the dynamics in the representation of women and youth in the ranks of parliamentarians was traced.

Research implications. The conducted research analyzes for the first time the order of functioning of a representative regional authority in the specified historical range. The conclusions made by the author allow us to determine the contours of further evolution and improvement of the activities of the regional parliament of the Rostov region.

Keywords: Rostov region, region, regional parliament, executive power, deputy

Введение

В Российской Федерации уже более 3,5 десятилетий осуществляются широкомасштабные политические и социально-экономические преобразования. Исторический диапазон реформ, начавшихся ещё в горбачёвский период, не прерывался до настоящего времени и на данный момент включает в себя несколько заметных этапов. Преобразования существенно изменили региональную политическую систему, состав акторов политического процесса и характер их взаимодействия.

Целесообразно проанализировать эволюцию российских политических изменений в рамках региональных кейсов – субъектов РФ, а в качестве предмета анализа настоящей публикации избрать представительную ветвь власти в Ростовской области – одной из крупнейших территорий современной России. Исследованию этой тематики уже посвящён ряд публикаций [2; 5; 7], однако научный потенциал проблематики не является исчерпанным, напротив, историческая фактура представляет обширный материал для исследования.

Исторический анализ функционирования регионального парламента на Дону (1985–2022 гг.)

Проведённое исследование позволяет выделить 6 этапов.

Этап 1. «Перестроечные Советы: угасание авторитета» (1985 – март 1990 гг.) – традиционная советская модель работы представительных органов власти в условиях горбачёвских преобразований.

Советы народных депутатов представляли собой квазипарламентские структуры, которые формально были главным государственным органом власти в СССР. Однако их реальная политическая роль заключалась в легитимации решений, принятых в партийных структурах КПСС.

Ростовский областной Совет народных депутатов состоял из 450 представителей, избранных на выборах по советской безальтернативной избирательной модели. Типичными результатами голосования была более чем 99% поддержка выдвиженцев блока коммунистов и беспартийных при почти 100% явке на избирательные участки. Состав депутатского корпуса при абсолютно предсказуемых результатах голосования был прогнозируем заранее и представлял собой социологический слепок общества.

Профессиональные, половые, возрастные, национальные, территориальные квоты тщательно соблюдались. Благодаря этому подходу среди выдвиженцев наблюдался гендерный баланс (примерно пополам женщин и мужчин), было немало молодёжи (около 20%), а основная депутатская масса в профессиональном плане представляла собой рабоче-крестьянский слой. Выборные позиции на всех уровнях власти занимались передовиками и прославленными представителями рабочего класса. Для Ростовской области такими знаковыми фигурами были угольник М. П. Чих, ростсельмашевцы П. К. Колесников и З. П. Еременко, труженики села Н. В. Переверзе-

ва, Ф. Я. Канивец и многие другие. Как справедливо отмечают А. В. Венков и Н. В. Стариков: «Депутат в понимании советской идеологии – это не только и не столько представитель избирателей и законодатель в органах власти, сколько передовой работник на своём участке народного хозяйства» [3, с. 84]. Государство тем самым демонстрировало уважение к человеку труда, поощряло ярких представителей профессиональных сообществ, а также привлекало наиболее достойных к управленческим процессам.

Областной Совет народных депутатов собирался, как правило, раз в квартал и не имел постоянного руководителя, председатель избирался лишь на одну депутатскую сессию. Функции аппарата облсовета лежали на плечах соответствующего исполкома, который лишь формально подчинялся представительному органу, а по сути выполнял поручения обкома КПСС – наиболее авторитетного центра политического влияния в регионе. Облком отвечал за вопросы развития и поддержки народного хозяйства (реализация программ развития, финансирование, контроль), осуществлял исполнительные и распорядительные функции, однако работал он не самостоятельно, а под постоянной опекой профильных (отраслевых) отделов обкома партии [8]. Поэтому формально главный институт в системе региональных государственных органов советского периода на деле оказывался в подчинённом положении. Советы народных депутатов как органы власти выполняли в значительной степени декоративные функции, которые прикрывали реальность – осуществление властных полномочий партийными структурами КПСС.

В рамках перестроечного периода данного этапа работали 2 созыва областного Совета народных депутатов – 19-й и 20-й, избранные в феврале 1985 г. и в июне 1987 г. Обе безальтернативные избирательные кампании продемонстрировали «нерасторжимое единство партии и

народа»¹. Однако веяния времени не заставили себя ждать: с 1986 г. на довыборах в облсовет появились первые жалобы на «нарушение принципа гласности» представителями партгосноменклатуры, участвующих в выборах. В качестве эксперимента на некоторых территориях вводилась процедура обсуждения нескольких кандидатов перед выдвижением, а также избрания в многомандатных округах, где появились первые проигравшие выдвиженцы [8, с. 227].

20-й созыв облсовета в условиях расширяющейся гласности и демократизации стал за много лет первым созывом, столь критично настроенным к результатам своей деятельности. Борьба с так называемой «парадностью» обнажила множество актуальных вопросов перестроечного периода, депутатская дисциплина заметно упала, а среди народных избранников широко распространились чувства деморализации и бессилия. Наиболее ярко общественная дискуссия о путях развития советского общества вспыхнет на следующем этапе, после осуществления планов, озвученных на XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС 1988 г.

Этап 2. «Вся власть Советам!» (март 1990 – август 1991 гг.).

В марте 1990 г. прошли первые альтернативные выборы депутатов облсовета, число которых было сокращено на 1/3 – до 300. Кампания продемонстрировала высокий уровень конкурентности (958 кандидатов, среди которых 86% никогда ранее не избирались), однако безальтернативность в округах допускалась. Именно таким путём были избраны все секретари Ростовского обкома КПСС и 25 руководителей городских и районных комитетов партии. Примечателен тот факт, что в новом облсовете 21 созыва среди избранников резко сократилось число депутатов-женщин (всего 17 ман-

датов – 5,6% депутатского состава) и представителей рабоче-крестьянского происхождения. Эти позиции были заняты широким кругом советской элиты (руководителей учреждений, общественно-политических и государственных структур) и интеллигенции [4].

В Советах появилась должность постоянного руководителя – председателя, и по идее, озвученной на XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС, на эти позиции планировали избрать первых секретарей соответствующих структур КПСС. Таким образом, партийные лидеры должны были приобрести новую легитимность, а также не упустить политический потенциал, поскольку парткомы лишались ряда полномочий, перераспределённых в Советы и исполнительные структуры. Облсовет превращался в новый региональный центр политического управления. Бывший декоративный орган существенно повышал свой политический статус. Облисполком фактически стал подотчётен руководству Совета, а хозяйственные функции уходили из зоны ответственности КПСС. Однако в Ростовской области планам по совмещению двух ключевых политических должностей (руководитель облсовета и первый секретарь обкома КПСС) не суждено было сбыться.

За день до проведения сессии нового облсовета первый секретарь обкома Б. М. Володин был переведён в Москву и назначен в Госплан СССР. Председателем облсовета был избран руководитель облисполкома Л. А. Иванченко, который проработал на предыдущей должности около года. Доверять ему ещё и должность первого секретаря обкома КПСС однопартийцы не стали, и, таким образом, в Ростовской области оказались разведены 2 принципиальные должности. Между руководством обкома КПСС (В. Т. Суслин) и облсовета началось «перетягивание каната»: возникло немало трений относительно распределения полномочий. Совет не желал играть

¹ Протокол 1 сессии Ростовского областного Совета народных депутатов 19 созыва от 16 марта 1985 года // ГАРО. Ф. 3737. Оп. 13. Д. 1063. С. 297.

подчинённую роль, а рассматривал себя как главный центр политического влияния новой генерации. Обком же, в свою очередь, старался подчинить «чересчур самостоятельное» руководство Совета в известную колею партийной дисциплины и исполнительности. Похожие ситуации возникли и на местном уровне, где должности партийного руководителя и руководителя Совета оказались заняты разными людьми (Ростов-на-Дону, Таганрог, Новочеркасск, Азов и другие).

В перерывах между сессиями облсовета полномочия осуществлял новый коллегиальный орган – президиум облсовета, куда входили помимо руководителя и заместителей, председатели профильных комиссий. В некотором смысле президиум облсовета по своему функционалу стал аналогом бюро обкома КПСС, где в свое время вырабатывалась большая часть оперативных управленческих решений.

Существенно изменился и партийно-политический баланс сил. На первый взгляд, результаты голосования (1990 г.) можно было интерпретировать как однозначную победу компартии (239 депутатов (80%) – члены КПСС), однако необходимо отметить несколько нюансов:

- ряд избранников лишь формально принадлежали КПСС, а на практике оказывались жёсткими критиками официального курса;

- в рядах КПСС нередко состояли представители новой политической силы – депутатской группы «Демократическая Россия» (41 депутат, среди которых 14 членов КПСС), которая стала первым официально зарегистрированным оппозиционным депутатским объединением в региональном представительном органе;

- существенно упала партийная дисциплина: во фракцию вошли лишь 189 (79%) избранных депутатов с партийным билетом КПСС. Председатель облсовета Л. А. Иванченко отказался возглавлять партийную группу и даже войти в неё, поскольку считал, что должен на-

ходить компромисс между различными политическими группами.

Вместе с тем депутатский состав был довольно умеренно настроенным и мог, с одной стороны, поддерживать реформаторские инициативы, с другой – не выходил за рамки системности.

Этап 3. Период неопределённости и безвластия (август–декабрь 1991 г.) наступил после августовских событий 1991 г. и отставки председателя облсовета Л. А. Иванченко. Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 августа 1991 г. он был снят с должности «за поддержку антиконституционной деятельности так называемого ГКЧП, нарушение Конституции и законов РСФСР, направленных на пресечение государственного переворота»¹. Данное решение не было юридически безукоризненным и впоследствии оказалось отменено. А с сентября по декабрь 1991 г. депутаты предприняли несколько попыток избрать нового руководителя, однако ни одна кандидатура не получала необходимого числа голосов. Представительный орган находился в состоянии деморализации и неопределённости. Ситуация разрешилась лишь в начале декабря 1991 г.

На заседании 5-й сессии 4 декабря 1991 г. в связи с неправовым решением Президиума Верховного Совета об отстранении от должности бывшего председателя Ростовского облсовета был поставлен вопрос о вотуме недоверия Л. А. Иванченко. Депутаты могли подтвердить мнение вышестоящего президиума и таким образом легитимировать его. Однако облсовет отказался поддерживать вопрос о недоверии («за» проголосовали лишь 16 депутатов), что фактически означало восстановление Л. А. Иванченко в должности. Выход из политической коллизии нашёлся доволь-

¹ Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 23.08.1991 № 1633-I «Об освобождении от должности председателя Ростовского областного Совета народных депутатов» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901604520> (дата обращения: 27.11.2021).

но быстро: бывший руководитель облсовета зачитал заявление об отставке по собственному желанию.

Этап 4. Облсовет в условиях формирования новой модели власти (декабрь 1991 – октябрь 1993 гг.).

Новым председателем областного представительного органа власти был избран А. В. Попов, кандидатуру которого поддержал руководитель нового властного центра – глава администрации области В. Ф. Чуб. Эти два политика вместе ранее не работали, а решение было компромиссом в силу того, что у нового губернатора не было своих кандидатов, способных набрать большинство в действующем составе облсовета. А. В. Попов, имевший за плечами опыт партийной работы, мог консолидировать и реформаторов, и критически настроенных «бывших» представителей политической элиты, оставшихся не у дел после 1991 г.

Законодательство сохраняло за Советами ключевую роль в политическом управлении. Облсовет утверждал кадровые решения в структуре администрации, принимал программы развития и выделял на них средства, ежегодно заслушивал отчёт главы администрации области, осуществлял широкий круг контрольных полномочий, в значительной степени сохраняя прежнюю политическую модель взаимоотношений Совета с облисполкомом. Однако политическая реальность начала стремительно меняться. Новая структура – администрация области – была встроена в вертикаль исполнительных органов власти, напрямую Советам не подчинялась, а глава администрации непосредственно был назначен президентом России.

Нужно сказать, что облсовет поддерживал кандидатуру В. Ф. Чуба в момент его выдвижения, а сам будущий губернатор был в числе его депутатов. В этой связи, а также в силу индивидуальной склонности 2 руководителей к компромиссной линии политического поведения взаимодействие ветвей региональной власти

не вышло за рамки конструктивного сотрудничества, обошлось без публичных конфликтов и, тем более, не воспроизвело те форматы, которые осуществлялись на федеральном уровне в 1992–1993 гг. Как отметил А. В. Попов: «Мы не стали следовать идущей сверху дурной моде, выпячивать свои личные амбиции, претензии на лидерство»¹. При этом на местном уровне в Ростовской области между Советами и администрациями порой можно было наблюдать конфликтные отношения, особенно в тех территориях, где назначение главы администрации муниципалитета не встретило поддержки в местном Совете².

В этот период модель распределения властных полномочий только формировалась, а в федеральном центре «правила игры» постоянно подвергались корректировке. Тем не менее взаимодействие сильных Советов и полномочной, самостоятельной администрации обеспечивало взаимный контроль и ответственность.

В составе представительного органа находилась почти вся бывшая советская управленческая элита региона, вновь объединившаяся в 1993 г. во фракцию коммунистов. Численность её заметно сократилась и по иронии судьбы насчитывала столько же депутатов (41 человек), сколько в оппозиционной «Демократической России» в 1990–1991 гг. Консерваторы в облсовете были весьма критично расположены к проводимому правительством России реформаторскому социально-экономическому курсу, а также не упускали возможность указать на недостатки в работе администрации области, неоднократно инициировали решения, свидетельствующие о весьма оппозиционном настрое³. В такие мо-

¹ Такой нелегкий, но важный год // Молот. 1993. 4 февраля. С. 3.

² В основном глава администрации области В. Ф. Чуб при назначении глав местных администраций придерживался мнения соответствующего Совета за редкими исключениями.

³ См. напр.: Обращение Верховному Совету Россий-

менты В. Ф. Чуб формулировал своё отношение к происходящему: «Я просто не понимаю, что у нас с вами происходит, когда мы разделяем взгляды администрации и Совета на два разных взгляда»¹. Тем не менее отношения между облсоветом и администрацией в 1992–1993 гг. нельзя назвать конфликтными, а существовавшую политическую конфигурацию – нежизнеспособной и бесперспективной.

Этап 5. Переходный период (октябрь 1993 – март 1994 гг.). Критический настрой депутатов в процессе подведения первых итогов реформ усиливался, а в контексте противостояния президента России и Верховного Совета РФ оценки руководства облсовета дрейфовали в сторону поддержки российского парламента. В сентябре 1993 г. А. В. Попов заявил, что Указ Президента № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» носит «антиконституционный характер»². Однако после кровавых событий 3–4 октября 1993 г. позиция резко изменилась. Малый Совет области признал Указ Президента России № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и осудил «авантюристические действия бывшего руководства Верховного Совета, прежде всего его председателя Р. И. Хасбулатова и бывшего вице-президента А. В. Руцкого, приведшие к кровопролитию и дестабилизации общества»³. На последнем заседании областного Совета 20 октября 1993 г. было принято решение приостановить сессионную деятельность и передать полномочия Малому Совету, который после августа 1991 г. заменил

собой предшествующий постоянно действующий орган – президиум облсовета. Малый Совет доработал до момента избрания в марте 1994 г. нового регионального парламента – Законодательного Собрания Ростовской области (ЗСРО).

Этап 6. Региональный представительный орган в новых конституционных условиях (1994 г. – по настоящее время) серьёзно растерял властные полномочия и получил политический статус «младшего партнёра», «помощника» исполнительной ветви власти. Функционал существенно сократившегося по численности депутатского корпуса ЗСРО (более чем в 6 раз) был фактически ограничен законотворческой деятельностью с узким кругом возможностей участия в вопросах государственного управления и определения политического курса. Минимизирован был и контрольный потенциал регионального представительного органа. Произошло это в силу закреплённой юридически «победы» исполнительной ветви власти над законодательной в федеральной конституционной модели 1993 г. [6].

Новый представительный орган возглавил бывший руководитель облсовета А. В. Попов, который проработал в этой должности до 2007 г. Глава администрации Ростовской области В. Ф. Чуб на первом заседании ЗСРО сформулировал основной принцип взаимодействия парламента и исполнительных органов региона следующим образом: «Да, мы за разделение властей, но не за противопоставление их»⁴. В какой-то степени это выражалось самым буквальным образом: в первом созыве нового Законодательного Собрания (1994–1998 гг.) около половины состава занимали представители исполнительной ветви власти (9 заместителей главы администрации области, 5 руководителей областных ведомств, 9 глав муниципалитетов).

ской Федерации, Президенту России Б. Н. Ельцину // Молот. 1992. 27 августа.

¹ Стенограмма десятой сессии Ростовского областного Совета народных депутатов 21 созыва. 18–19 августа 1992 года. Заседание первое – 18 августа. Книга 1 // ГАРО. Ф. 3737. Оп. 16. Д. 67. С. 52.

² Протокол 16 внеочередной сессии Ростовского областного Совета народных депутатов 21 созыва. 23 сентября 1993 года // ГАРО. Ф. 3737. Оп. 16. Д. 122. С. 50–55.

³ Протокол № 17. Решение Малого Совета от 6.10.1993 года № 273 // ГАРО. Ф. 3737. Оп. 16. Д. 139. С. 3.

⁴ Стенограмма первого заседания Законодательного собрания Ростовской области от 12 апреля 1994 года // Текущий архив ЗСРО. Д. 13. С. 5.

Такое соотношение сил сказалось и на избранной региональной модели баланса ветвей власти. Устав Ростовской области, принятый 19 апреля 1996 г., закрепил существование слабой легислатуры, в значительной степени выполняющей подчинённую функцию. Депутаты первого созыва от «Яблока» М. В. Емельянов и А. В. Ищенко предприняли попытку расширить функционал представительного органа в альтернативном проекте Устава, однако голосов для его поддержки оказалось недостаточно [9]. Сотрудничество двух ветвей власти на Дону без публичных конфликтов и трений стало основным форматом взаимодействия на всём протяжении периода, вплоть до настоящих дней. В новых политических условиях в каком-то смысле была воспроизведена традиционная для советской системы модель работы представительной власти, выполняющая декоративную политическую роль.

Однако между советским облсоветом и Законодательным Собранием существовали и заметные отличия. В первую очередь, хотелось бы обратить внимание на внешние характеристики. Законодательное Собрание в профессиональном плане резко контрастирует с депутатскими составами облсовета: вместо рабочих и крестьян в креслах народных избранников оказались представители финансовой и политической элиты. Руководители и собственники коммерческих, промышленных предприятий заняли в первом созыве (1994–1998 гг.) 4 места (8,9%), во втором (1998–2003 гг.) – 20 (44,4%), в третьем (2003–2008 гг.) – 25 (55,5%), в четвёртом (2008–2013 гг.) – 29 (58%), в пятом (2013–2018 гг.) – 40 (66,7%), в шестом (2018 – н/вр) – 34 (56,6%). Весьма очевидна тенденция к повышению их доли в депутатских рядах Законодательного Собрания. Такой профессиональный состав депутатского корпуса обеспечивал определённую степень лояльности региональной политической власти.

Принципиально изменилась доля женщин среди избранных, которая со-

кратилась с 44–48% в 1980-е годы до 2–6% в период 1990–2008 гг. Лишь в 4–6 созывах наблюдается тенденция к увеличению (11–15%). Похожая ситуация с присутствием молодёжи в депутатской среде: по сравнению с советским облсоветом представительство лиц до 35 лет упало в 2,5–4,5 раза.

Политика в отношении фракционности тоже видоизменилась. В однопартийном облсовете необходимости в депутатских группах не было. 21-й созыв облсовета (1990–1994 гг.), разделённый на 2 исторических периода, имел двухфракционный состав (депутатские группы власти и оппозиции, поменявшиеся местами после 1991 г.). Первое десятилетие существования Законодательного Собрания (1994–2004 гг.) руководство проводило курс на деполитизацию деятельности регионального парламента. Требования к созданию партийных фракций (групп) неоднократно корректировались с целью недопущения создания депутатских объединений, несмотря на присутствие небольшой, но заметной доли партийцев в ЗСРО (табл. 1). Подобная линия политического поведения некоторое время была федеральным трендом, и была свойственна команде губернатора В. Ф. Чуба, который неоднократно подчёркивал, что занимается «не политикой, а хозяйственной деятельностью».

В начале 2000-х гг. федеральная конъюнктура в отношении политических партий изменилась: был взят курс на построение более действенной партийной системы, приняты изменения в избирательном законодательстве. В итоге эра беспартийных «крепких хозяйственников» в депутатских рядах завершилась в 2004 г. с созданием первой фракционной группы («Единая Россия»), которая к концу созыва вобрала в себя более 3/4 депутатского состава. Дальнейшие 3 депутатских созыва были полностью партийными, а количество партийных фракций постоянно росло:

– 4-й созыв (2008–2013 гг.): 90% – «Единая Россия», 10% – КПРФ;

Таблица 1 / Table 1

Основные характеристики региональных представительных органов Ростовской области (1985–2022 гг.) / Main characteristics of the regional representative bodies of the Rostov region (1985–2022)

	РОСНД 19 созыва 1985-1987 гг.	РОСНД 20 созыва 1987-1990 гг.	РОСНД 21 созыва 1990-1993 гг.	ЗСРО 1 созыва 1994-1998 гг.	ЗСРО 2 созыва 1998-2003 гг.	ЗСРО 3 созыва 2003-2008 гг.	ЗСРО 4 созыва 2008-2013 гг.	ЗСРО 5 созыва 2013-2018 гг.	ЗСРО 6 созыва 2018-н/вр
Годы работы									
Число депутатов	450	450	300	45	45	45	50	60	60
Срок полномочий	2,5 года	2,5 года	5 лет	4 года	5 лет	5 лет	5 лет	5 лет	5 лет
Доля женщин среди депутатов	48,4%	44%	5,6%	6,6%	2,2%	6,6%	12%	11,6%	15%
Доля молодых депутатов (до 35 лет)	26,6% (120 комсомольцев)	24,4% (110 комсомольцев)	14,6% (44 депутата)	6,6%	6,6%	11,1%	6%	10%	8,3%
Партийный состав	Блок коммунистов и беспартийных	Блок коммунистов и беспартийных	Фракции (до августа 1991 года): Демократическая Россия 41 (13,6%), КПСС - 189 (63%). С 1993 года фракция КПРФ - 41 (13,6%).	Фракций нет. Яблоко - 4 (8,8%), КПРФ - 2 (4,4%), Держава - 1 (2,2%).	Фракций нет. КПРФ - 9 (20%), «Яблоко» - 3 (6,6%).	С 2004 г. Единая Россия - 20 (в конце созыва 34 депутата (75,5%)), «Яблоко» - 3 (6,6%) КПРФ - 1 (2,2%)	Единая Россия - 45 (90%), КПРФ - 5 (10%)	Единая Россия - 52 (86,6%), КПРФ 6 (10%), СР - 2 (3,3%)	Единая Россия - 47 (78,3%), КПРФ - 8 (13,3%), СР - 2 (3,3%), ЛДПР - 2 (3,3%), КР - 1 (1,6%).
Избирательная система	Безальтернативное голосование	Безальтернативное голосование	Альтернативное мажоритарная	Мажоритарная	Мажоритарная	Мажоритарная	Смешанная	Смешанная	Смешанная
Явка на выборы	99,99%	99,66%	Нет данных	35,22%	41,7%	44%	69,7%	42,06%	45,43%
Председатель органа власти	Не предусмотрен, только на время сессии	Не предусмотрен, только на время сессии	Л. А. Иванченко (1990–1991 гг.); А. В. Попов (1991–1993 гг.)	А. В. Попов	А. В. Попов	А. В. Попов	В. Е. Дерябкин	В. Е. Дерябкин до 2016 г., После – А. В. Ищенко	А. В. Ищенко

Основные профессиональные группы	197 (43,7%) рабочих, 58 (12,8%) колхозников	197 рабочих (43,7%); 54 колхозника (12%)	87 (29%) рабочих, 36 (12%) руководителей предприятий, 14 (4,6%) колхозников, 22 (7,3%) руководителей сельхозпредприятий, 78 (26%) представителей органов власти, управления, 26 (8,6%) сотрудники учебных заведений	Представители исполнительной власти – 23 (51,1%); руководители с/х предприятий – 6 (13,3%); руководители предприятий – 4 (8,9%)	Руководители предприятий – 20 (44,4%), руководители с/х организаций – 8 (17,8%) представителей органов власти – 6 (13,3%),	Руководители предприятий – 25 (55,5%), представители органов власти – 6 (13,3%), представители здравоохранения – 4 (8,9%), представители с/х организаций – 5 (11,1%)	Руководители предприятий – 29 (58%), Представители органов государственной власти – 17 (34%)	Руководители предприятий и организаций – 40 (66,7%), представители органов власти – 18,3%)	Руководители предприятий и организаций (56,6%)
Взаимоотношения с другими центрами политического влияния	Декоративный орган для легитимации решений КПСС. Облисполком в составе Совета – подчиняется КПСС.	Декоративный орган для легитимации решений КПСС. Облисполком в составе Совета – подчиняется КПСС.	Ключевой политический институт при ослабевающем влиянии КПСС. Облисполком в составе Совета. После 1991 г. – политические отношения с администрацией РО	ЗСРО в позиции «младшего партнёра» исполнительной ветви власти. В депутатском корпусе большинство – представители исполнительной власти. Закрепление баланса политических сил в Уставе региона.	ЗСРО в позиции «младшего партнёра» исполнительной ветви власти. Департизация работы в ЗС. Введение практики «правительственных часов». Создание КСП.	ЗСРО в позиции «младшего партнёра» исполнительной ветви власти с тенденцией к росту политического влияния. Появление партийной фракции ЕР. Предоставление ЗС права наделять полномочиями губернатора, права объявления недоверия. Право принятия программ социально-экономического развития региона и отчётов.	ЗСРО в позиции «младшего партнёра» исполнительной ветви власти с тенденцией к росту политического влияния. Двухфракционный состав. Наделяние правом заслушивать отчёт губернатора.	ЗСРО в позиции «младшего партнёра» исполнительной ветви власти с тенденцией к росту политического влияния. Многопартийное Собрание.	ЗСРО в позиции «младшего партнёра» исполнительной ветви власти с тенденцией к росту политического влияния. Многопартийное Собрание.

Источник: составлено автором

– 5-й созыв (2013–2018 гг.): 86,6% – «Единая Россия», 10% – КПРФ, 3,3% – «Справедливая Россия»;

– 6-й созыв (2018 – н/вр): 78,3% – «Единая Россия», 13,3% – КПРФ, 3,3% – «Справедливая Россия», 3,3% – ЛДПР, 1,6% – «Коммунисты России».

В качестве меры, способствующей деэлитизации представительных органов, следует предложить увеличение состава депутатов Законодательного Собрания.

Созданное в 1994 г. ЗСРО за свою историю увеличило число депутатов на 1/3 (с 1994 г. – 45 депутатов, с 2008 – 50, с 2013 – 60). При этом действующее законодательство позволяет расширить число избранных ещё почти в 2 раза – до 110 человек. В случае реализации этого предложения появятся предпосылки к усилению самого регионального парламента, политических партий, участвующих в нём, более полноценному представительству избирателей и плюрализации, а также более действенной работы ЗСРО в качестве источника кадрового резерва.

Существенный потенциал к усилению статуса депутата может быть заложен через изменение статуса депутатского запроса (как индивидуального, так и от лица всего ЗСРО). Очевидно, что усиление контрольных функций представительных органов всех уровней следует рассматривать как одну из действенных мер по совершенствованию антикоррупционной деятельности.

Определённый политический вектор потенциальных изменений подсказывает и логика федеральной политической реформы, в т. ч. выраженная в конституционных коррективах 2020 г. Дальнейшее усиление региональных парламентов возможно через влияние победившей партии в ЗСРО на процесс формирования и работы исполнительных органов власти (различного рода согласования (консультации) с депутатами назначений на должности в правительстве региона).

Таким образом, за исследуемый период региональный парламент пережил сле-

дующую трансформацию: из декоративного органа, обрамляющего партийную монополию на власть, Совет народных депутатов превратился на непродолжительный период (1990–1991 гг.) в ключевой властный институт, модель работы которого следом за августовскими событиями 1991 г. опять подверглась корректировке. На следующем этапе существования полномочного облсовета и выстроенной новой вертикали исполнительной ветви власти создавались определённые условия, дающие шанс на успех демократизации. Противостояние в Федеральном центре между президентскими структурами и Верховным Советом РФ, завершившееся кровавым столкновением осенью 1993 г. и принятием новой Конституции РФ, нарушило баланс сил в пользу победившей стороны в конфликте. С этого момента политический потенциал представительных органов существенно сократился. Конституционная политическая модель была закреплена на региональном уровне в период разработки и принятия Устава Ростовской области. В новых условиях региональный парламент реализует ограниченный круг функций, а его состав в большинстве своём представляет собой элитный слой региона.

Тенденцией последних 20 лет является осторожное наделение регионального парламента дополнительным политическим функционалом, что позволило некоторым образом откорректировать последствия «травмы» 1993 г. Однако политическая практика пока не даёт заметных исторических примеров демонстрации особого мнения регионального парламента, который предпочитает существовать в фарватере курса исполнительной ветви власти.

С партийным представительством тесно связан вопрос использования различных электоральных формул на выборах. За период с 1994 г. по н/вр Законодательное Собрание Ростовской области формировалось 6 раз: 1994, 1998, 2003, 2008, 2013, 2018. 1–3 созывы избирались

по мажоритарной системе, позже применялась смешанная модель. Российское законодательство предоставляло возможность провести избирательную кампанию 2003 г. по смешанной избирательной модели, однако региональной элитой был избран консервативный и проверенный ранее сценарий формирования депутатского корпуса. Конкурентность на выборах, безусловно, изменила характер избирательных кампаний по сравнению с выборами 1980-х гг., но при этом высокая степень предсказуемости итогов голосования является знаком времени.

Заметным трендом последних лет стало осторожное наделение регионального представительного органа дополнительным контрольным и политическим функционалом:

- введение практики «правительственных часов»;
- создание контрольно-счётной палаты (2001 г.);
- право утверждения программ регионального развития, а также отчётов об их исполнении¹;
- появление процедуры отчётности главы исполнительной власти региона (с 2010 г.);
- право избрания главы исполнительной власти (реализовано в 2005 и 2010 гг. и затем отменено), а также право инициировать его отставку.

Однако ростовские законодатели за рассматриваемый исторический период предпочли «дружить» с исполнительной ветвью власти больше, чем демонстрировать собственное мнение. Определённый шанс к изменению сложившегося соотношения сил возникал в период региональной элитной трансформации, связанной со сменой губернатора Ростовской области (2010 г.). Депутаты, среди которых существенную долю занимали представители команды В. Ф. Чуба, готовы были проявить стремление к большей самостоятельности от исполнительной ветви власти и новой административной

элиты. Однако председатель Законодательного Собрания области, бывший заместитель губернатора В. Е. Дерябкин, сменивший в 2007 году А. В. Попова, предпочёл встроиться в команду нового губернатора на вторых ролях и не предпринял результативных действий для объединения вокруг себя политиков, сориентированных на усиление веса регионального парламента². Сохранить должность руководителя регионального парламента В. Е. Дерябкину помог всероссийский скандал с выборами в ЗСРО в сентябре 2013 г., когда 3 оппозиционные фракции (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») выразили своё несогласие с результатами голосования. Как итог: в структуре исполнительной власти Ростовской области произошли кадровые изменения – были сняты с должностей ответственные за избирательную кампанию. Кроме того, было принято решение сохранить прежнее руководство ЗСРО. В 2016 г. В. Е. Дерябкин был делегирован в Государственную Думу ФС РФ, а на должность председателя ЗСРО был избран один из самых опытных депутатов регионального парламента А. В. Ищенко.

После смены главы администрации Ростовской области в 2010 г. отношения регионального парламента с новой административной элитой существенным образом не изменились. Губернатор Ростовской области В. Ю. Голубев по сложившейся ранее традиции присутствует на заседаниях Законодательного Собрания, а выборы в ЗСРО находятся под постоянным контролем структур исполнительной власти.

Заключение

Анализируя эволюцию регионального представительного органа в Ростовской области, следует обратить внимание на полноту выполнения им классических парламентских функций. В специальной литературе традиционно выделяют

¹ Позже это право было отменено.

² С 2016 г. В. Е. Дерябкин является депутатом Государственной Думы ФС РФ.

5 таких полномочий: представительство народа, законодательная деятельность, участие в руководстве государственными делами, назначение на государственные должности, контроль [1]. Схематично, с известной долей упрощения, представим эволюцию выполнения региональными представительными органами Ростовской области этих функций в 1985–2022 гг. (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Эволюция выполнения региональными представительными органами Ростовской области парламентских функций в 1985–2022 гг. / The evolution of the performance of parliamentary functions by regional representative bodies of the Rostov Region in 1985–2022

	1985–1990 гг.	1990–1991 гг.	1992–1993 гг.	1994–н/вр
Представительская функция	Формально, безальтернативные выборы	Полноценно, альтернативные выборы, широкий депутатский состав	Полноценно, альтернативные выборы, широкий депутатский состав	Полноценно, альтернативные выборы, элитизация депутатского состава
Законодательная функция	Формально, легитимация уже принятых решений	Полноценно	Полноценно	Полноценно
Руководство государственными делами	Формально, легитимация уже принятых решений	Полноценно. Советы – центр принятия государственных решений.	Полноценно. Советы – центр принятия государственных решений	Ограниченно. Вторые роли в вопросах государственного управления
Назначения на государственные должности	Формально, легитимация уже принятых обкомом КПСС решений	Полноценно. Совет формирует исполнительную структуру власти – облисполком	Полноценно. Совет согласовывает ключевые назначения в администрации области	Ограниченно. Узкий круг кадровых решений
Парламентский контроль	Слабо развит. Через структуры народного контроля, наказания избирателей, запросы	Полноценно. Широкие контрольные функции.	Полноценно. Широкие контрольные функции.	В 1990-е гг. – слабо. Позже с постепенным наращиванием политического потенциала регионального парламента с минимальной практикой.

Источник: составлено автором

Дата поступления в редакцию 29.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 7–33.
2. Берковский Б. Л., Белоцерковский Г. А. «Это из нашей истории строки...». Ростов н/Д., ИП Ютишев А. С., 2019. 158 с.
3. Венков А. В., Стариков Н. В. И. А. Бондаренко: жизнь и судьба. Ростов-на-Дону: Первая типография АРО, 2010. 412 с.
4. Выборы и референдумы в Ростовской области. 1989–2004 / под ред. С. В. Юсова. Ростов н/Д., 2004. 564 с.
5. История парламентаризма на Дону. Из прошлого в современность : мат-лы науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 12 апреля 2019 г./ под ред. А. В. Ищенко. Ростов н/Д., 2019. 128 с.
6. Никонов В. Конституционный дизайн // Современная российская политика: курс лекций / под ред. В. Никонова. М.: ОЛМА-Пресс, 2003, 222 с.
7. Пупыкин Р. А. Эволюция партийной системы в Ростовской области // Лидеры, группы, массы: российская полития и вызовы современности: IX Южно-российский политологический конвент : мат-лы Всероссийской конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 28–29 октября 2019 г. Москва: Перо, 2019. С. 149–157.
8. Чувев С. В. Перестройка 1985–1991 гг. на Дону: лица, события, исторические итоги. М.: Издательские решения, 2020. 624 с.
9. Чувев С. В. Борьба за полномочия. К 25-летию принятия Устава Ростовской области // Вопросы истории. 2021. № 10-1. С. 67–74.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. [The 2020 Constitutional reform and Russian parliamentarism: reality, decisions, expectations]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2020, no. 3, pp. 7–33.
2. Berkovsky B. L., Belotserkovsky G. A. "Eto iz nashey istorii stroki..." ["This is from our history line..."]. Rostov-on-Don, IP Yutishev A. S. Publ., 2019. 158 p.
3. Venkov A. V., Starikov N. V. I. A. *Bondarenko: zhizn' i sudba* [I. A. Bondarenko: life and fate]. Rostov-on-Don, Pervaya tipografiya ARO Publ., 2010. 412 p.
4. Yusov S. V., ed. *Vybory i referendumy v Rostovskoy oblasti. 1989–2004* [Elections and referenda in the Rostov region. 1989–2004]. Rostov-on-Don, 2004. 564 p.
5. Ishchenko A. V., ed. *Istoriya parlamentarizma na Donu. Iz proshlogo v sovremennost : mat-ly nauch.-prakt. konf., Rostov-na-Donu, 12 aprelya 2019 g.* [The history of parliamentarism on the Don. From the past to the present: materials of scientific and practical conference, Rostov-on-Don, April 12, 2019]. Rostov-on-Don, 2019. 128 p.
6. Nikonov V. [Constitutional design]. In: Nikonov V. *Sovremennaya rossiyskaya politika : kurs lektsiy* [Modern Russian politics : a course of lectures]. Moscow, OLMA-Press Publ., 2003. 222 p.
7. Pupykin R. A. [The evolution of the party system in the Rostov region]. In: *Lidery, gruppy, massy: rossiyskaya politiya i vyzovy sovremennosti: IX Yuzhno-rossiyskiy politologicheskiy konvent : mat-ly Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Rostov-na-Donu, 28–29 oktyabrya 2019 g.* [Leaders, groups, masses: Russian politia and challenges of our time: 10th South-Russian political science convention : materials of the All-Russian Conference with international participation. Rostov-on-Don, 28–29 October 2019]. Moscow, Pero Publ., 2019, pp. 149–157.
8. Chuev S. V. *Perestroyka 1985–1991 gg. na Donu: litsa, sobytiya, istoricheskiye itogi* [Perestroika 1985–1991 on the Don: faces, events, historical results]. Moscow, Izdatelskie resheniya Publ., 2020. 624 p.
9. Chuev S. V. [The struggle for authority. To the 25th anniversary of the adoption of the Charter of the Rostov Region]. In: *Voprosy istorii* [Questions of History], 2021, no. 10-1, pp. 67–74.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чуев Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: sv_chuev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Chuev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: sv_chuev@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чуев С. В. Вехи эволюции региональной представительной власти в Ростовской области (1985–2022 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 142–156.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-142-156

FOR CITATION

Chuev S. V. Milestones in the evolution of regional representative government in the Rostov region (1985–2022). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 142–156.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-142-156

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-157-166

«МЯГКАЯ СИЛА» ЯПОНИИ В СТРАНАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Матевосян А. Т.

Фонд «Visual Armenia»

0001, г. Ереван, Северный пр-т, д. 1, Республика Армения

Аннотация

Цель. Выявить основные мотивы японской внешней политики в странах Южного Кавказа.

Процедура и методы. На основании анализа реализуемых программ и инструментов «мягкой силы» Японии в странах Южного Кавказа были выявлены основные интересы Токио в данном регионе, включая расширение связующих транспортных путей между Европой и Азией, а также продвижение «евразийской политики» и увеличение присутствия в стратегически важном геополитическом пространстве. Для определения динамики оказания гуманитарной помощи Японии в рамках ОПР (официальная помощь в целях развития) были исследованы доступные данные за последние 5 лет. Обобщается практический опыт проведения основной грантовой программы («Корни травы – грантовая помощь для проектов по обеспечению безопасности человека») и стипендиальной программы (стипендия MEXT), реализуемых в закавказских странах. Также проведён анализ схемы межгосударственного гуманитарного сотрудничества в рамках «Инициативы Японии по Кавказу».

Результаты. При рассмотрении деятельности Японии в южно-кавказских странах было определено, что Япония нацелена на расширение «евразийской политики» ввиду активного применения инструментов «мягкой силы» в странах Закавказья. Также выявлена необходимость углубления исследований в области реализации «мягкой силы» не только «традиционных» заинтересованных акторов (западных стран), но и азиатских в лице Японии.

Теоретическая и/или практическая значимость. В исследовании затронута малоизученная тема применения невоенных методов воздействия Японии в странах Южного Кавказа, обобщены и проанализированы различные инструменты «мягкой силы», включая «Инициативы Японии по Кавказу», выявлены мотивы активной деятельности Токио в данном направлении.

Ключевые слова: «мягкая сила», Япония, Южный Кавказ, Армения, Грузия, Азербайджан

JAPAN'S «SOFT POWER» IN THE COUNTRIES OF SOUTH CAUCASUS

A. Matevosyan

Visual Armenia Foundation

Severnyi prosp. 1, Yerevan 0001, Republic of Armenia

Abstract

Aim. To reveal the main interests of Japanese foreign policy in the countries of the South Caucasus.

Methodology. Based on the analysis of the programs and instruments of Japan's «soft power» in the countries of South Caucasus, the main interests of the country in this region were identified, including the expansion of connecting transport routes between Europe and Asia, as well as the promotion of the «Eurasian Policy» of Tokyo and the influence increase in the important geopolitical space. To determine the dynamics of the provision of humanitarian assistance to Japan within the ODA (Official Development Assistance) the available data of the last 5 years was analyzed. The practical experi-

ence of the main grant program (Grant Assistance for Grassroots Human Security Projects – GGP) and the scholarship program (MEXT scholarship) implemented in the Transcaucasian countries is summarized. The analysis of the interstate humanitarian cooperation within the framework of the «Japan's Caucasus Initiative» was also carried out.

Results. When researching the activities of Japan in the South Caucasian countries, the author determined that Japan is aimed at expanding the policy of «Eurasian Policy» actively implementing the instruments of «soft power» in the countries of the Transcaucasia. It also revealed the need to deepen research of the implementation of «soft power» in the South Caucasus not only of the «traditional» interested actors (Western countries), but also the Asian ones including Japan.

Research implications. The author considers the under-investigated topic of the implementation of non-military tactics by Japan in the South Caucasus, summarizes and analyzes various instruments of «soft power», including the «Japan's Caucasus Initiative», identifies the motives of Tokyo's activity in this direction.

Keywords: «soft power», Japan, South Caucasus, Armenia, Georgia, Azerbaijan

Введение

С 1990-х гг., после распада Советского Союза и образования новых независимых государств, сформировалась совершенно иная геополитическая картина на территории постсоветских стран: возросла роль Южного Кавказа как стратегически значимого региона. Закавказье, находясь между Европой и Азией, стало объектом столкновений геополитических интересов региональных и глобальных акторов. Вооружённые конфликты на Южном Кавказе, в т. ч. вспыхнувшая война в 2020 г. в Нагорном Карабахе, оказывают огромное влияние на страны в Закавказье, создавая зону политической и экономической нестабильности, что делает регион более уязвимым в контексте геополитических устремлений международных игроков. Внерегиональные акторы, используя преимущественно инструменты «мягкой силы», пытаются реализовать стратегические интересы по расширению своего присутствия на Южном Кавказе. В традиционном регионе влияния России активную деятельность по развитию гуманитарного сотрудничества стали осуществлять преимущественно США, европейские страны, а также Китай и Япония. Используя невоенные методы воздействия, данные государства продвигают свои национальные интересы, углубляя сферы взаимодействия с закавказскими странами.

Наименее изученным государством, которое реализует политику «мягкой силы» в странах Закавказья, является Япония. Эту тему в своих работах поднимали М. Бибашвили, С. Василян и др. Они отмечали активную роль Токио в данном регионе посредством осуществления гуманитарных программ в Армении, Азербайджане и Грузии. Продвигая западные ценности и выступая одновременно носителем восточной культуры, Япония гораздо более близка странам Южного Кавказа своим подходом в сотрудничестве, чем зачастую неадаптированные под местный менталитет подходы США и стран ЕС.

Целью данной статьи является исследование институтов и инструментов «мягкой силы» Японии в странах Южного Кавказа для определения её роли и оценки деятельности в регионе. Для реализации поставленной цели были проанализированы программы посольств Японии в Азербайджане, Армении, Грузии, базы данных программ международной помощи Японии и др. Представленные в данной работе эмпирические данные позволяют определить количественно-качественные показатели реализации проанализированных программ и инициатив.

Япония и её концепция мягкой силы

Согласно «Синей книги по дипломатии» 2020 г., выпускаемой МИД Японии,

одним из главных принципов дипломатии Японии как миролюбивой нации является «активный вклад в обеспечение мира» на основе международного сотрудничества¹. В документе делается акцент, что страна дальше будет реализовывать национальные интересы, прикладывая максимум усилий для способствования мира и укрепления позиции Японии. Ст. 9 Конституции Японии, закреплённая в результате окончания Второй мировой войны 3 сентября 1947 г., провозглашающая отказ государства от войны как средства разрешения международных споров, до сих пор находится в действии. Несмотря на попытки возможного изменения данной статьи (установлен срок до сентября 2021 г.), маловероятно, что со стороны Японии последует военная угроза. Этот шаг, скорее, будет означать проведение более независимой внешней политики страны, в первую очередь, от США. Более того, при изменении данной статьи Япония ещё больше будет делать упор на реализацию «мягкой силы» для оправдания своего позиционирования как «peace-loving nation».

Пацифистская направленность внешней политики страны после Второй мировой войны повлияла на использование миролюбивых средств в международных отношениях [6, с. 483]. Возможно, это стало одним из ключевых факторов успешной реализации «мягкой силы» Японии. Американский политолог Дж. Най в своей работе «Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике» отмечал, что Япония обладает огромными ресурсами «мягкой силы» [5, с. 23]. Отличительной чертой японской «мягкой силы», по мнению профессора Гарвардского университета, является её успешный опыт модернизации, достижение уровня экономического развития без потери самобытной японской культуры [8, с. 172].

В докладе компании Brand Finance в рейтинге «мягкой силы» по итогам 2020 г. Япония заняла второе место после Германии, что демонстрирует эффективное использование инструментов «мягкой силы» Токио во внешней политике². Основной программой для развития международного гуманитарного сотрудничества является «Официальная помощь в целях развития» (ОПР), которая включает помощь развивающимся странам и регионам (двустороннее сотрудничество), а также взносы в международные организации (многостороннее сотрудничество) [2, с. 198]. Посредством ОПР реализуется принцип «активного вклада в обеспечение мира» и взятый Японией курс как миролюбивая нация [4, с. 462]. В рамках двустороннего сотрудничества предоставляются:

1. государственные займы – кредиты, предоставляемые развивающимся странам под низкие проценты, для финансирования проектов в области развития.

2. техническое сотрудничество – виды помощи, которые способствуют развитию человеческих ресурсов, внедрению технологий и разработке программ, необходимых для экономического и социального прогресса в развивающихся странах;

3. грантовые программы³.

Японское агентство международного сотрудничества (JICA) играет центральную роль в реализации данной программы. Основной задачей организации является развитие человеческих ресурсов посредством проведения тренингов, вовлечения экспертов JICA, предоставления необходимого оборудования, финансовой помощи и др.⁴

¹ Diplomatic Blue Book 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100116875.pdf> (дата посещения: 18.05.2021).

² GLOBAL SOFT POWER INDEX // Brand Finance : [сайт]. URL: <https://brandirectory.com/globalsoft-power/> (дата обращения: 21.04.2021).

³ White Paper on Development Cooperation 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100161529.pdf> (дата обращения: 04.05.2021).

⁴ Japan International Cooperation Agency [Электронный ресурс]. <https://www.jica.go.jp/project/english/index.html> (дата обращения: 03.05.2021).

Помимо агентства, в целях продвижения национальных интересов с помощью невоенных методов воздействия функционируют посольства Японии, Японский фонд, японские центры и др [1, с. 192].

Япония и её притязания на Южном Кавказе

После распада СССР и образования новой геополитической картины стратегический интерес Японии и других ведущих стран мира к постсоветскому пространству значительно возрос [7]. «Страна восходящего солнца» на протяжении 30 лет активно выстраивает гуманитарное сотрудничество с Арменией, Грузией и Азербайджаном, и для этого есть определённые мотивы [3].

Прежде всего, для Японии данный регион интересен как связующее звено между Центральной Азией, Чёрным морем и Восточной Европой. При посещении министром иностранных дел Японии Таро Коно Грузии в сентябре 2018 г. по случаю запуска проекта «Инициатива Японии по Кавказу» (Japan's Caucasus Initiative) в странах Южного Кавказа, заместитель пресс-секретаря Японии Мицуко Шино, обобщая визит главы МИД Японии, отметила: «Кавказский регион важен для

нас с точки зрения своего географического положения. Для нас – это ворота или мост из Азии в Европу и, более того, на Ближний Восток. Для нас стабильность Кавказа отвечает интересам не только этого региона, но и стабильности международного сообщества. Мы хотели бы поддерживать стабильность в Кавказском регионе»¹.

Более того, в рамках «евразийской политики» Токио видит явную конкуренцию со стороны других международных игроков, в первую очередь, от Китая. Возрастающая активность в данном регионе Китая как традиционного соперника Японии побуждает Токио расширять своё влияние с помощью инструментов «мягкой силы» в данных странах. Так же, как и западные игроки, Япония стремится уменьшить зависимость региона от России, расширяя программы межгосударственного сотрудничества со странами Закавказья.

В рамках ОПР за последние 5 лет Япония оказала помощь странам Южного Кавказа в размере \$2393,47 млн (рис. 1).

¹ Japan-Georgia Foreign Ministers' Meeting. Japan-Georgia Relations // Ministry of Foreign Affairs of Japan : [сайт]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/p_pd/ip/page4_004317.html (дата обращения: 16.05.2020).

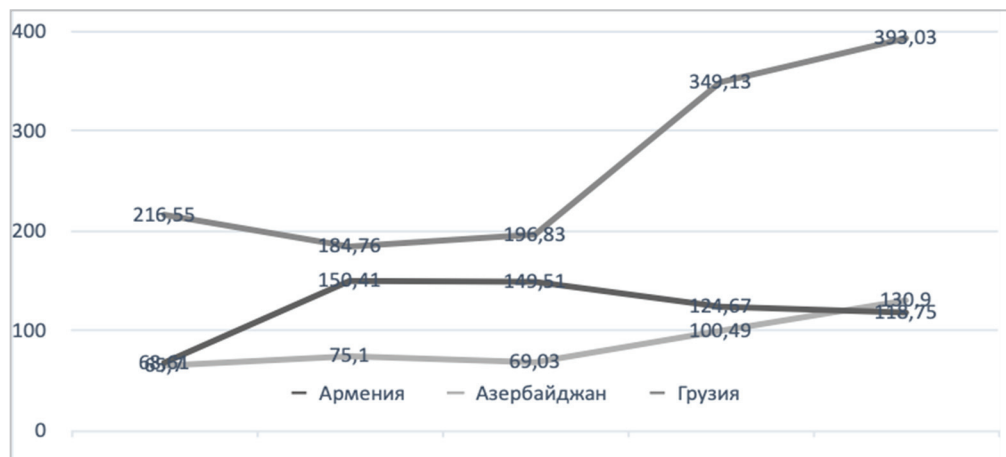

Рис. 1 / Fig. 1. Помощь ОПР Японии, 2019 г. / Japan ODA Aid, 2019

Источник: Japan's aid (ODA) disbursements to developing countries // OECD.Stat : [сайт]. URL: <https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=TABLE2A&lang=en#> (дата обращения: 02.05.2021)

Основные виды помощи, оказываемые в странах Южного Кавказа:

- государственные займы;
- техническая помощь;
- грантовые программы;
- стипендиальные программы МEXT;
- курсы японского языка;
- международная премия МАНГА

и др.

Более подробно будут рассмотрены грантовые и стипендиальные программы ввиду того, что посредством данных инструментов взаимодействие осуществляется напрямую с частными организациями и лицами, что позволяет более широко развивать сотрудничество, оказывая влияние на различные сегменты общества. Также стоит отметить, что на основе анализа деятельности посольств южно-кавказских стран, эти программы являются наиболее широко используемыми в данных странах.

Грантовые программы Японии – одни из наиболее значимых методов гуманитарного сотрудничества и инструментов «мягкой силы», т. к. нацелены на выстраивание сотрудничества с частным сектором, прежде всего, с неправительственными организациями. Данный инструмент очень схож с моделью реализации «мягкой силы» США и европейских стран, и, возможно, был взят Японией как образец для ведения невоенных методов воздействия в развивающихся странах.

Наиболее часто осуществляемой грантовой программой Японии является «Grant Assistance for Grassroots» («Корни травы»). Данная программа безвозмездной помощи проводится с целью поддержки проектов малого масштаба неправительственных организаций. Оказывается финансовая поддержка до 10 000 000 иен (примерно \$92 542 на 2021 г.) на проекты сроком реализации не более 12 месяцев¹.

¹ Grant Assistance For Grassroots Human Security Projects (GGP) // Embassy of Japan in Armenia : [сайт]. URL: https://www.am.emb-japan.go.jp/itpr_en/b_000195.html (дата обращения: 16.05.2020).

Программа делится на 2 основных направления:

- для проектов по обеспечению безопасности человека» (Grant Assistance for Grassroots Human Security Projects – GGP);
- для проектов в области культуры» (Grant Assistance for Grassroots Culture Projects – GCGP).

Программа в области обеспечения безопасности человека является наиболее широко реализуемой. Основными сферами программы являются: образование, здравоохранение, инфраструктура и другое.

Возможными партнёрами в рамках данной программы могут быть:

- неправительственные организации (в т. ч. международные НПО);
- местные муниципалитеты;
- образовательные учреждения;
- медицинские учреждения.

Впервые программа GGP была запущена Японией в 1989 г. В Армении данная программа была начата в 1999 г.², в Азербайджане – в 2000 г.³, в Грузии – в 1998 г.⁴ С этого времени до 2020 г. Япония провела в общем 519 проектов, потратив от \$6 млн до \$21 млн (рис. 2).

Основные преимущества данной программы:

1. обширная сфера применения (образование, здравоохранение, инфраструктура и др.);

2. гибкость в работе с различными сегментами общества (НПО, местные муниципалитеты, образовательные и медицинские организации);

3. устойчивость программы.

² Grant Assistance For Grassroots Human Security Projects (GGP) // Embassy of Japan in Armenia : [сайт]. URL: https://www.am.emb-japan.go.jp/itpr_en/b_000195.html (дата обращения: 16.05.2020).

³ Grant Assistance for Grassroots Human Security Projects [Электронный ресурс] <https://www.az.emb-japan.go.jp/files/100128535.pdf> (дата обращения: 17.05.2021).

⁴ Grant Assistance for Grassroots Human Security and Cultural Projects // Embassy of Japan in Georgia : [сайт]. URL: <https://www.ge.emb-japan.go.jp/english/grassroots/about.html> (дата обращения: 17.05.2021).

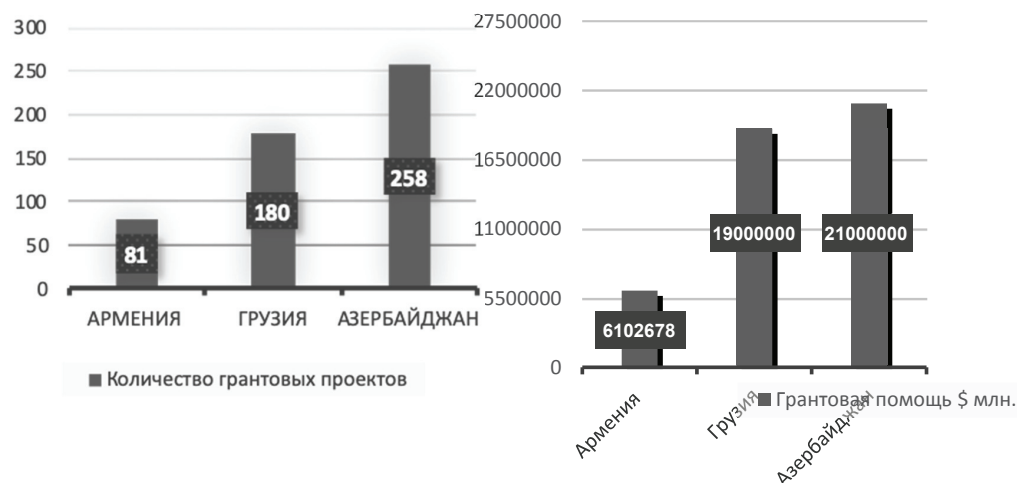

Рис. 2 / Fig. 2. GGP в странах Южного Кавказа / South Caucasus GGP

Источник: Grant Assistance For Grassroots Human Security Projects (GGP) // Embassy of Japan in Armenia : [сайт]. URL: https://www.am.emb-japan.go.jp/itpr_en/b_000195.html (дата обращения: 16.05.2020)

Стипендия японского Министерства образования, культуры, спорта, науки и техники Японии (МEXT) – одна из самых популярных международных стипендиальных программ для иностранных студентов, желающих пройти обучение в университетах Японии. Отбор проводится через посольства и консульства Японии в каждой стране. Победителям конкурса предоставляются стипендии японского правительства.

Стипендия покрывает полную плату за обучение, месячные выплаты, а также транспортные расходы (перелёт туда-обратно). Стипендия МEXT предоставляется по программам «студент-исследователь», «студент бакалавриата», «студент-японец», «школы молодых лидеров» и др.¹

Существует отдельная платформа с различной информацией по учёбе в Японии, в т. ч. все актуальные данные по вышеуказанной стипендии².

Несомненными плюсами стипендиальной программы являются:

1. максимально полное покрытие всех затрат, связанных с учёбой;
2. большой выбор учебных программ для различных профессиональных групп;
3. онлайн-платформа по актуальной информации и об учёбе в Японии.

Инициатива Японии по Кавказу

«Кавказский регион – ворота между Азией, Европой и Ближним Востоком. Стабильность на Кавказе – это важный вопрос не только для региона, но и для мира и его безопасности», – отметил глава МИД Японии Таро Коно при визите в Грузию 5 сентября 2018 г. на пресс-конференции, объявив о новой программе развития региона «Инициатива Японии по Кавказу» (Japan's Caucasus Initiative)³.

Япония заявила о 2 целях в рамках данной инициативы:

¹ The Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology // MEXT : [сайт]. URL: <https://www.mext.go.jp/en/policy/education/highered/title02/detail02/sdetail02/1373897.htm> (дата обращения: 18.05.2021).

² Study in Japan [Электронный ресурс]. URL: <https://www.studyin-japan.go.jp/en/> (дата обращения: 18.05.2021).

³ クヴェリス・バリトラ誌（ジョージア）への河野外務大臣寄稿 // Ministry of Foreign Affairs of Japan : [сайт]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/p_pd/ip/page4_004317.html (дата обращения: 16.05.2020).

- поддержка самостоятельного развития Кавказского региона;
- повышение осведомлённости о проблемах, которые могут представлять общий интерес для всего региона (вода, уменьшение опасности стихийных бедствий и т. д.)

Для реализации данных целей Япония ставит 2 главные задачи (2 «столпа»):

1. развитие человеческих ресурсов для государственного строительства;
2. содействие в создании «Привлекательного Кавказа» (т. е. развитие инфраструктуры и бизнеса, улучшение окружающей среды и др.) (рис. 3).

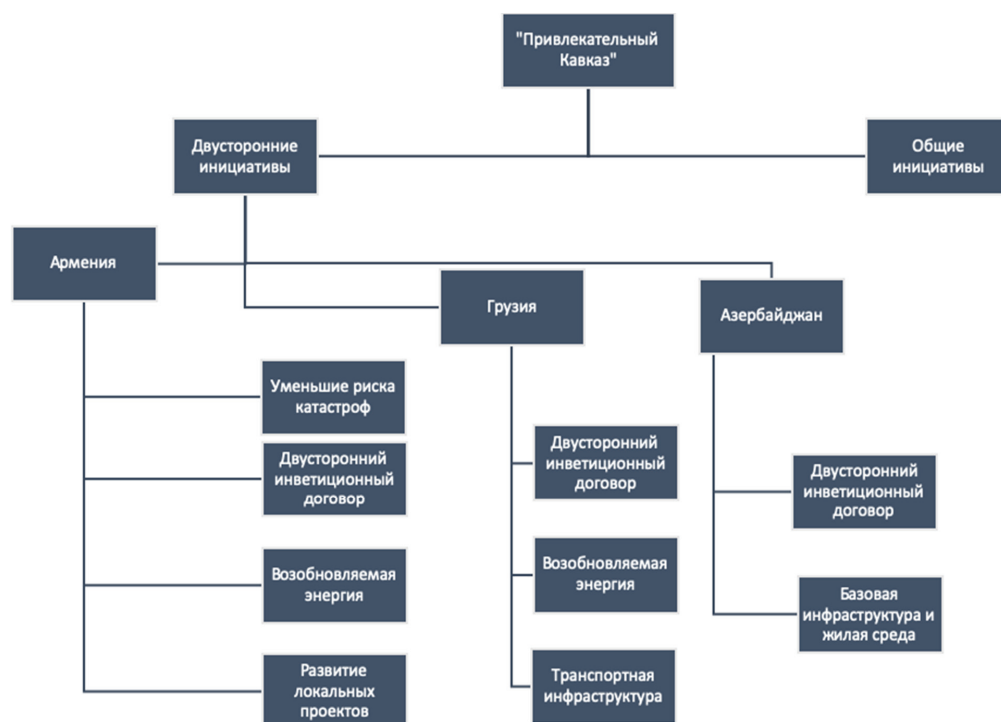

Рис. 3 / Fig. 3. Схема сотрудничества в рамках «Инициативы Японии по Кавказу» / Japan Caucasus Initiative Cooperation Scheme

Источник: Japan's Caucasus Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000436761.pdf> (дата обращения: 12.05.2020)

В данной инициативе можно увидеть явное стремление Японии на внедрение альтернативных источников энергии, учитывая, что это является компонентом программы и в Армении, и в Грузии. В рамках проекта «Корни травы» одной из приоритетных сфер поддержки также является возобновляемая энергия¹. Воз-

¹ Grant Assistance For Grassroots Human Security Projects (GGP) // Embassy of Japan in Armenia : [сайт]. URL: https://www.am.emb-japan.go.jp/itpr_en/b_000195.html (дата обращения: 16.05.2020).

можно, причиной подобной ориентации Японии является стремление уменьшить зависимость данных стран от традиционных источников энергии, и главным образом, от России. Если закупки российского газа Грузией крайне малы (основным поставщиком является Азербайджан), то в Армению основной объём газа поступает из России². Но в Азербайджане

² ТАБЛИЦА-Экспорт Газпрома по странам в 2021 г. // Reuters : [сайт]. URL: <https://www.reuters.com/arti>

в данной направленности программы не реализуются. В рамках развития базовой инфраструктуры был инициирован проект малой газовой электростанции комбинированного цикла. Это можно объяснить наличием природного газа у Азербайджана и независимостью страны в этой сфере, прежде всего, от РФ, т. о. Япония не заинтересована реализовывать проекты внедрения альтернативных источников энергии в этой стране.

Основным направлением Японии в Грузии в рамках «Инициативы Японии по Кавказу» является развитие транспортной инфраструктуры. Япония вложила \$343 млн для финансирования строительства 14-километрового участка Шорапани–Аргвети автомагистрали Восток–Запад, которая является главной транспортной артерией Грузии. Тем самым Япония стремится расширить транспортную сеть между Европой и Азией посредством закавказских стран, прежде всего, Грузии. Для всех 3 стран японской инициативы с 1 октября 2018 г. был упрощён визовый режим – введены многократные въездные визы в целях увеличения туристических поездок между странами¹. «Мы очень осторожны в упрощении визового режима. Это делается постепенно. И это довольно большой шаг к безвизовым отношениям. Я знаю, что Грузия входит в Шенгенское соглашение, и для того, чтобы сделать Грузию воротами, для нас очень важно иметь безвизовые отношения», – сказала заместитель пресс-секретаря Мицуко Шино на пресс-конференции, на которой были подведены итоги визита главы МИДа Японии в Грузию².

cle/russia-gas-export-europe-idRUL5N2N41X5 (дата обращения: 16.05.2020).

¹ Там же.

² Japan-Georgia Foreign Ministers' Meeting. Japan-Georgia Relations // Ministry of Foreign Affairs of Japan : [сайт]. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/p_pd/ip/page4_004317.html (дата обращения: 16.05.2020).

Заключение

Таким образом, явно прослеживается глубокая заинтересованность Японии в странах Южного Кавказа, судя по количеству реализуемых программ в данном регионе и их интенсивности. Активность Японии в области гуманитарного сотрудничества в регионе может быть объяснена, в первую очередь, следованием сбалансированного режима взаимодействия как с региональными, так и внерегиональными акторами с целью повышения роли Токио на международной арене и подтверждения статуса «миролюбивой нации». Интерес Японии также заключается в том, что закавказские страны ввиду их географического положения представляют для Токио стратегически важный участок транспортной сети, которые могут дать выход к Европе. Южный Кавказ является одним из звеньев проекта «шёлкового пути», что побуждает Японию увеличить степень вовлечённости в реализацию инфраструктурных проектов в регионе.

Расширение роли Китая во всей Азии, включая Закавказье, также является мотивирующим фактором для Японии расширить своё влияние в данном регионе в рамках развития «евразийской политики». Более того, Токио, как и западные страны, заинтересовано в уменьшении влияния России в постсоветском пространстве. Посредством инструментов «мягкой силы», схожих во многом с европейскими и американскими невоенными методами воздействия, а также таргетированных программ в рамках «Инициативы по Кавказу» Япония нацелена на постепенное усиление своего присутствия в Закавказье и ослабления РФ в регионе.

Основными преимуществами политики «мягкой силы» Японии в данном регионе можно назвать:

- многовекторность проводимых программ, направленных на различные сферы развития общества;

- прямое взаимодействие с частным сектором и частными лицами посред-

ством грантовых и стипендиальных программ;

– популяризация японского языка через онлайн-платформы;

– таргетированность «мягкой силы» в отношении определённых стран посредством создания отдельной региональной инициативы.

Выявляются определённые сложности в расширении невоенного влияния Токио на Южном Кавказе:

– трудность изучения японского языка;

– недостаточная популярность японского искусства и, как следствие, международной премии МАНГА (со дня основания этой премии (2007 г.) среди

победителей не было ни одного представителя из стран Южного Кавказа)¹.

Но при названных сложностях Япония целенаправленно продолжает реализовывать политику «мягкой силы» и расширять сферу влияния вслед за американскими и европейскими странами. Но, продвигая свои национальные цели и идеи демократии в регионе, Япония, в отличие от западных стран, со своим консервативным подходом в сохранении самобытности, возможно, достигнет более устойчивых результатов в странах с восточной спецификой культуры.

Дата поступления в редакцию 26.05.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Королёв В. А., Кудрявцева С. С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 190–208.
2. Крячкина Ю. А. «Мягкая сила» во внешней политике Японии: ключевые особенности // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 95–107.
3. Bibilashvili M. Japan's South Caucasian diplomacy: the development of Japanese foreign policy towards Georgia // Asia Europe Journal. 2021. № 19. P. 309–328.
4. Leheny D. Japan's International Democracy Assistance as Soft Power: Neoclassical Realist Analysis // International Relations of the Asia-Pacific. 2019. Vol. 19. Iss. 2. P. 360–363.
5. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 216 p.
6. Winkler S. C. «Soft power is such a benign animal»: narrative power and the reification of concepts in Japan // Cambridge Review of International Affairs. 2019. № 32 (4). P. 483–501.
7. Vasilyan S. Japan's policy towards the South Caucasus: pragmatic even if enigmatic // Asia Europe Journal. 2017. № 15 (1). P. 55–73.
8. Heng Y.-K. Three Faces of Japan's Soft Power // Asian International Studies Review. 2017. Vol. 18. № 1. P. 171–188.

REFERENCES

1. Korolev V. A., Kudryavtseva S. S. [«Soft power» of modern Japan: practice and developments] In: *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy* [International Organisations Research Journal], 2014, vol. 9, no. 2, pp. 190–208.
2. Kryachkina Yu. A. [«Soft power» in Japanese foreign policy: key features]. In: *Problemy natsionalnoy strategii* [Problems of national strategy], 2019, no. 6 (57), pp. 95–107.
3. Bibilashvili M. Japan's South Caucasian diplomacy: the development of Japanese foreign policy towards Georgia. In: *Asia Europe Journal*, 2021, no. 19, pp. 309–328.
4. Leheny D. Japan's International Democracy Assistance as Soft Power: Neoclassical Realist Analysis. In: *International Relations of the Asia-Pacific*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 360–363.
5. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, PublicAffairs, 2004. 216 p.
6. Winkler S. C. «Soft power is such a benign animal»: narrative power and the reification of concepts in Japan. In: *Cambridge Review of International Affairs*, 2019, no. 32 (4), pp. 483–501.
7. Vasilyan S. Japan's policy towards the South Caucasus: pragmatic even if enigmatic. In: *Asia Europe Journal*, 2017, no. 15 (1), pp. 55–73.
8. Heng Y.-K. Three Faces of Japan's Soft Power. In: *Asian International Studies Review*, 2017, vol. 18, no. 1, pp. 171–188.

¹ Japan International Manga Awards [Электронный ресурс]. URL: https://www.manga-award.mofa.go.jp/index_e.html (дата обращения: 11.05.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матевосян Анна Торгомовна – магистр в области международных отношений, координатор исследований проектов Фонда «Visual Armenia»;
e-mail: annamatevosyan2494@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna T. Matevosyan – Master (International relationships), Research coordinator, Visual Armenia Foundation;
e-mail: annamatevosyan2494@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Матевосян А. Т. «Мягкая сила» Японии в странах Южного Кавказа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 157–166.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-157-166

FOR CITATION

Matevosyan A. T. Japan's «soft power» in the countries of South Caucasus. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 2, pp. 157–166.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-2-157-166

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2022. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор А. А. Глазунова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101);
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 12,5, усл. пл. 10,5.

Подписано в печать: 28.04.2022. Выход в свет: 29.04.2022. Заказ № 2022/04-02.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А